

БИБЛИОТЕКА ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А. Курносов

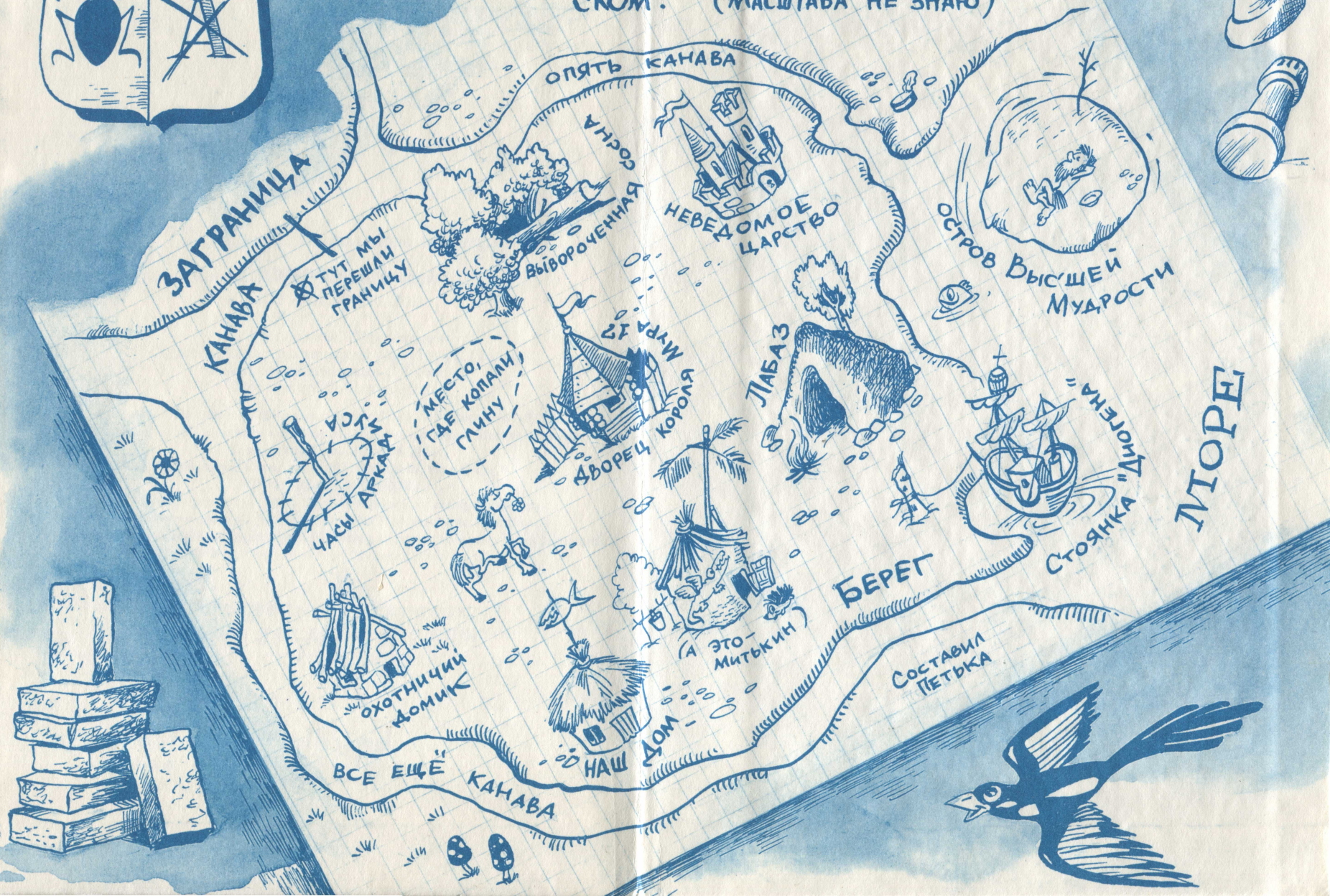
СТРАНА МУДРЕЦОВ

КАРТА

МУРЛЫНДИИ, СТРАНЫ МУДРЕЦОВ, СО ВСЯКИМИ ОКРЕСТНОСТЯМИ И СТОЛИЦЕЙ МУДРОСЕЛЬСКОМ. (МАСШТАБ НЕ ЗНАЮ)

А. Кирносов

Страна мудрецов

повесть-сказка

художник
А. Шахгелаян

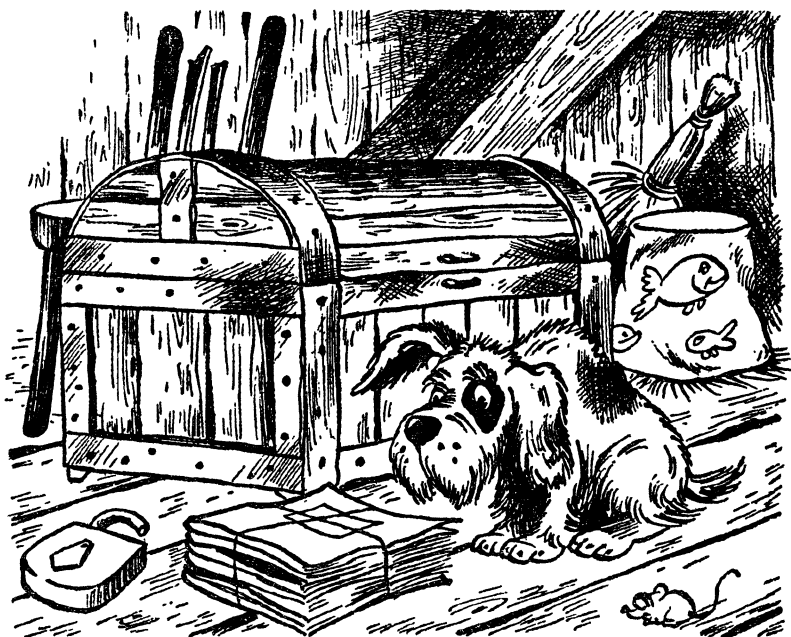

Издательство «Бамбук»

**ББК 84(2)
К 48**

ISBN 5-8203-0092-0

© А. Кириосов, наследники, 2000
© Илл. А. Шахгелдян, 2000
© Издательство «Бамбук», 2000

Однажды утром я прицепил Мартына на поводок и пошел к остановке загородного автобуса. Удивленный Мартын бежал вприпрыжку у моей левой ноги и выворачивал шею, заглядывая мне в глаза, — он пытался понять, что это я придумал новенького. Мартын ничего не понимал, пока не сели в автобус. Тут он сообразил, что едем за город, и благодарно лизнул меня в щеку, потом положил голову мне на локоть и заснул, чтобы сократить время ожидания.

Ехали часа два с половиной. Я постепенно забывал все, оставленное в городе, и мечтал о каком-нибудь тихом поселочке между синим морем и дремучим лесом, где ничто, даже телефонный звонок, меня не потревожит.

Вдруг я увидел такое место: лес, море и цепочка одноэтажных аккуратных домиков. Я растолкал Мартына, и мы вышли. Автобус пустил голубое облако из выхлопной трубы и уехал. Мы двинулись к домишкам. Мартын знакомился с местным четвероногим населением, а я расспрашивал встречаемых людей про жилье. Мне показали самый крайний домик. Там, сказали, живет одинокая старушка, которая с удовольствием поселит у себя приезжего человека.

Домишко был, как и все здесь домишки, одноэтажный, крашеный в яркую веселую краску, с высоким чердаком и стеклянной верандой. Чуть не у изгороди начинался лес, до моря было шагов сто. Я не мог и мечтать о лучшем месте для жительства. Мартыну тоже понравилось. Он бессовестно пролез между дощечками невысокой изгороди, а я, как человек в меру воспитанный, позвонил в колокольчик.

Вышла старушка, поглядела на меня из-под руки и сказала:

— Входи, милый человек. У нас не запирается.

Поздоровавшись, я высказал старушке свою надобность.

— Жилье у меня есть, — сказала старушка. — Вот только что ты за человек, извини любопытный вопрос?

Я рассказал, что я за человек. Старушка подумала и кивнула:

— Тогда поселяйся, живи.

Так мы с Мартыном и поселились.

Житье началось просто прекрасное. Утром бежали на море, купались и загорали. Потом шли в лес. Я собирал грибы, а Мартын играл в дикого зверя. Он кого-то ловил, разгребал кочки, совался во все норы и по самый хвост залезал в гнилые пни. Вечером я читал простые и интересные книжки, а Мартын догрызал косточку от ужина. Так мы жили в свое удовольствие дней десять. Потом зарядили тягучие, беспросветные дожди, небо стало серым, а земля мокрой и неудобной. Я подумал, не пора ли обратно в город, но старушка отсоветовала: не вечно дожди лить будут. Мы остались.

В какой-то день дождь лютовал особенно сильно. Тяжелые капли барабанили в окна, а ветер дул с такой силой, что вздрагивали стены. В моей комнате стал протекать потолок.

— Слазай, милый человек, на чердак, — сказала мне старушка. — Погляди, не прохудилась ли крыша.

Забрался я на чердак по узкой лесенке, гляжу — и вправду дыра. Я взял в сарае тесу, заложил дыру, подтер лужу и собрался вниз идти. Шагнул — и заметил сундук. Совсем черный от древности возраста, обит медными полосами и крышка корытом. Я обожаю всякую старину. А если увижу старинный сундук, так уж непременно загляну, что в нем спрятано. А вдруг какая-нибудь ветхая музейная редкость?

Поднял я крышку и очень разочаровался. Никакой не было в сундуке музейной редкости, а лежали одни только школьные учебники и тетради. Из любопытства перебрал книжки: «История», «Ботаника», «География», «Арифметика» и все тому подобное прочее. А тетради давние, чернила выцвели, только одни отметки красным карандашом хорошо сохранились, навеки. Огорченно вздохнул я, стал укладывать это хозяйство обратно — и вдруг заметил на самом дне стопку тетрадей, перевязанную веревочкой.

И тут опять застучало мое сердце, и я понял, что попал на необычное. Развязал веревочку, раскрыл верхнюю тетрадь и прочитал на первой странице такое предложение: «Достоверные записки ученика седьмого класса Миши Губкина о необыкновенном путешествии в Мурлындию, страну мудрецов, которое случилось этим летом...»

Удивился я. Никогда не слыхал про страну Мурлындию, хотя знаю географию вполне удовлетворительно.

Сундук я закрыл, а тетради взял с собой в комнату. Дело было к вечеру, дождь все царапался за окном. Деревья шумели, рокотало близкое море. Мартын беспечно спал на диване и дергался, когда на нос ему садилась муха. Я сходил на кухню, принес чайник. Сел поудобнее, налил чаю в большую кружку и раскрыл первую тетрадь...

Тетрадь первая

е помню числа, но хорошо помню, что в то утро у меня было замечательное настроение. Бабушка хотела его испортить — послать меня в магазин, да еще сказала, что после завтрака будем картошку окучивать и травы надо для кроликов нарвать.

— Ладно, — сказал я бабушке.

Выпил кофе, булку съел, перемахнул через забор — и был таков.

Спервоначально я нарвал клубники в саду у Пал Иваныча. Клубника у него обсажена кустами крыжовника, так что подобраться к грядкам можно совсем незаметно. На улице ко мне пристала лохматая собака с перебитой лапой. Она забегала вперед и оглядывалась, как я жую. Клубники было жалко. Я приказал собаке:

— Жди меня у забора!

Собачина послушно уселась в пыль, а я зашел в магазин, дождался, когда продавец Вася отвернется, и стянул с прилавка кусок говядины с костью. Потом солидно вышел из магазина, будто мне там ничего не понравилось. Собака стала грызть говядину, а я пошел дальше, прикидывая, что бы еще такого сотворить.

У одного дома стоял велосипед. Я сел на него, проехал две улицы и оставил машину у аптеки. После этого я подошел к двери керосинной лавки, задвинул щеколду и написал мелом: «Переучет керосина».

Не успел отбежать, как стали колотить изнутри. Колотили долго, пока не подошел старый Ерофеич, который собирает бутылки, и открыл дверь. Два здоровенных керосинщика выбежали на крыльцо, ругаясь на весь поселок.

Я немного послушал и завернул к Петькиному дому. Жаркое солнце расплавляло мозги, в нос набивалась пыль, и больше ровным счетом ничего не придумывалось.

Петька рыл во дворе яму и обливался грязным потом. Когда он нажимал на лопату, мокрая голая спина его извивалась как резиновая. Я попал камешком точно между лопаток. Петька завыл и стал озираться, а я крикнул:

— Ты что, нанялся?!

— Дурак, — заорал на меня Петька. — Разве можно такими булыжниками бросаться? А если бы в голову?

— Ничего бы не случилось. Она у тебя крепче всякого булыжника. Бросай лопату, пойдем на море купаться.

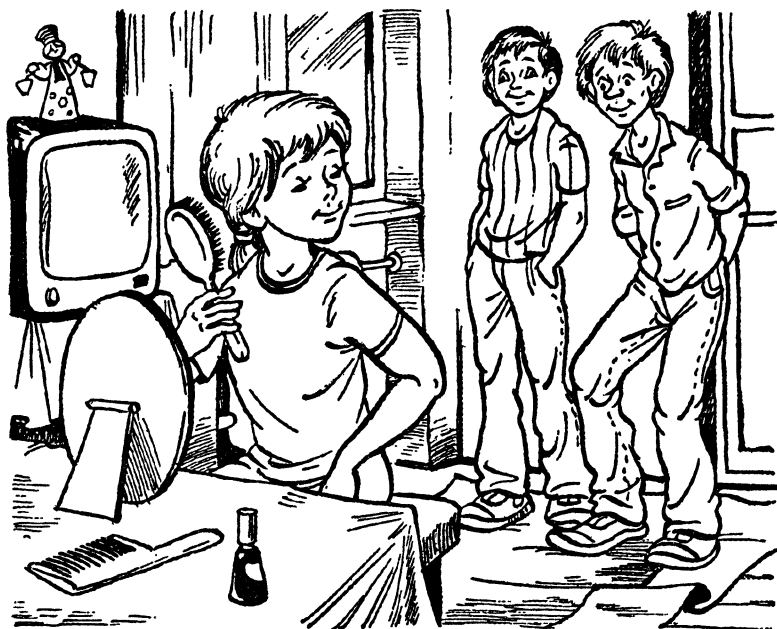
— Нельзя, друг, — сразу соскучился Петька. — Мать в совхозе сливу выпросила, сегодня будем пересаживать.

Петька вытер рубахой мокрый лоб и снова повесил рубаху на ветку.

— Ну, копай, — сказал я ядовитым голосом. — Лидка нас на море приглашала. Скажу, что ты не можешь, заработался.

— Иди ты!..

Лопата шатнулась и рухнула в яму.

— Честно, — сказал я. — Вчера вечером видел ее у мороженого. «Пойдемте, — говорит, — с утра купаться».

Петька махнул через забор и потащил меня за угол, чтобы мать не догнала.

— А как же яма под сливу? — спросил я. — Может, докопаешь?

Петька весело подмигнул мне:

— Ремень не железный. Выдержу.

Лидка жила у строгой и заботливой тети, корчила из себя невесть что и собиралась осенью уехать в город поступать в балетную школу. Когда мы зашли, Лидка вертелась перед зеркалом и рассматривала фигуру. На фигуре была надета кофточка разномастного цвета и брючки

в обтяжку, чуть ниже колен. Петька почесал макушку и брякнул:

— Мы пришли...

— Великая радость, — сказала Лидка. — Теперь снова подметать придется.

— Мы не в гости, не думай, — извинился Петька. — Пойдем с нами на море купаться.

Делать Лидке было нечего. Она слегка помалась и пошла.

Сейчас уже не вспомнить, один раз мы выкупались или два. Только нам опять стало отчаянно скучно. Мы лежали на песке, безо всякой пощады палило солнце, рядом лениво плескалось белесое море. На замутненном горизонте носами в разные стороны стояли игрушечные кораблики. Они, конечно, двигались и даже ловили рыбу сетями, но с пляжа казалось, что кораблики поставлены просто так, для создания красоты морского пейзажа. Я плевался в щепку и сердился, что никак не попасть. Лидка достала из сумочки зеркало и рассматривала свои веснушки. А Петька был занят любимым делом: рассматривал Лидку и вздыхал со свистом.

— Ты красивая, — не выдержал он переполненности чувством.

Я добавил:

— Конопатая.

— Сама знаю, — огрызнулась Лидка.

— Веснушки тебе даже идут, — промолвил Петька.

— Не твоего это ума дело, — отрезала Лидка.

— А почему бы и не моего? — спросил Петька обиженным голосом.

— Ты тюфяк, — сказала Лидка. — Видишь, что девочке скучно, а ничего не можешь придумать.

— Можно еще разок искупаться, — предложил Петька от большого ума. — Прохладнее станет.

— Надоело, — объявила Лидка. — Домой пойду.

Она уложила в сумочку гребешок и зеркальце. Я спросил ехидно:

— В большое зеркало смотреться?

— Осенью поступлю в балетную школу, там все стенки в зеркалах.

Мне нравилось, когда она злится, и я сказал:

— Таких толстых в балетную школу не принимают.

Лидка не разозлилась, а стала оправдываться тихим голосом:

— Я по телосложению совсем не толстая. Я потому поправляюсь, что в меня тетя каждое утро запихивает молоко и булку с маслом.

Петька думал, собирал на лбу морщины и наконец изрек:

— Давайте играть в пятнашки. Чур, не пятна!

Мы с Лидкой захохотали, и я сказал:

— Ладно, люди без крыльев... Чем так валиться, лучше пойдем в лес. Костер запалим.

А я ведь чувствовал, что предстоит что-то необычайное: в теле была странная легкость и го-

лова приятно кружилась. Тогда я подумал: это оттого, что солнце напекло затылок, но оказалось совсем другое...

Мы обошли поселок стороной, чтобы милые родственники нас не заметили и не заставили что-нибудь делать. В лесу стало прохладнее. Петька философствовал на ходу:

— Как здорово было бы жить на свете, если бы можно было делать все что хочешь.

— Луну с неба достать? — спросил я.

— Зачем луну? Мне надо делать все что угодно в границах человеческой возможности. Например, чтобы можно было пойти куда хочешь, не спрашивая разрешения. В лес, в кино, а хочешь — в неведомое царство. И чтобы можно было делать все что угодно: хочешь — пляши или заведи себе лошадь и пои ее чаем, а хочешь — выйди на середину улицы, сядь и играй на гитаре.

— Этого никогда не будет, — осадил его Лидка. — Взрослые не допустят. Жизнь состоит из одних запретов: того нельзя, этого не позволено, третье неприлично. Надевать чего хочешь не велят. Читать чего хочешь не позволяют. Картины запрещают смотреть. Нос, говорят, не дорос. Интересно, когда же он у меня дорастет до нужного размера? Я так устала... Мальчики, хватит идти. Давайте здесь костер разведем.

Мне уже надоело топать, но я сказал, чтобы последнее слово осталось за мной:

— Еще немножко пошагаем. Здесь лес редковат.

Петька выпятил тощую грудь и произнес:

— Лидочка, хочешь, я тебя понесу, как рыцарь?

Он, конечно, думал, что Лидка застесняется, но она не из таких. Лидка даже обрадовалась:

— Еще бы! Понеси, Петенька!

Поднял он Лидку, два шага шагнул — дальше не может. Шатается и дышит как паровоз. Я увидел, что если Петька ее сейчас же не бросит, то свалится. Так и вышло. Петька шагнул, глаза его вылупились, и он рухнул.

— Рыцарь липовый! — убийственно сказала Лидка.

Дальше не пошли. Набрали сучьев, составили их домиком и подожгли. Мы с Лидкой легли в мох, а Петьку, как опозорившегося, поставили сучья таскать. Я люблю костры, люблю смотреть прямо в пламя. И кажется мне тогда, что так и я сам: трещишь, рвешься в высоту и вдруг шлепаешься об дорогу, и в небо уходит, как говорят, один лишь сизый дым мечтаний.

— Ребята, может, хватит? — спросил Петька. — Я много натаскал.

Я сказал:

— Лида, прости его.

— Ладно, — разрешила Лидка. — Отдыхай, рыцарь...

Петька улегся рядом и снова стал рассуждать о свободной жизни. А я тем временем выбрал подходящий сук, достал ножик и стал вырезать лошадь. Я никогда еще не пробовал вы-

резать, но мне показалось, что должно получиться. Вот я и стал вырезать лошадь.

— Я потому ничего не могу придумать, — говорил Петька, — что все запрещается. Если бы все было можно, я бы такого напридумывал, что все ахнули и вообще забыли, что такое скука!

Голова моей лошади уже была почти похожа на лошадиную, когда к нашему костру подошел человек удивительного вида. Лет ему было около двадцати, лицо простое, с ясными голубыми глазами. Штаны на нем были драные, с бахромой, а рубашка серая, с красными заплатами. На голове колпак с бубенчиком, ноги босые.

— Скажите, вы сумасшедший? — поинтересовалась Лидка.

— Я оригинал, — сказал в колпаке и засмеялся.

— Как тебя дразнят, оригинал? — спросил Петька.

— Митька, — сказал с бубенчиком. — Я из Мурлындии, страны мудрецов.

— Все жители там мудрецы? — спросил я.

— Все без исключения, — подтвердил Митька.

— Значит, ты мудрец?

— Еще какой, — весело подтвердил Митька с бубенчиком. — Таких мудрецов, как я, во всей Мурлындии наберется не больше чем пальцев на трех руках. Как-то раз король Мур Семнадцатый сказал, что я чуть ли не мудрее

его самого, а королева Дылда дала мне сразу четыре кружки компоту.

Митька повертел в руках лошадиную голову и сказал одобрительно:

— Лясы точишь?

— Хочется иногда сделать что-нибудь из ряда вон выходящее, — ответил я, смутившись. — Вот я и делаю что-нибудь.

— Это ты верно подметил, — сказал Митька задумчиво. — Иногда просто ужасно как хочется сделать что-нибудь небывалое, поразить жителей в самое сердце... Раньше я в такие минуты брал уголек и рисовал на стене летающего осьминога. А теперь придумал другое: забираюсь на столб и привязываю к верхушке еловые ветки. Столб становится совсем как пальма. За эту выдумку меня в Мурлындии прозвали Митька-папуас.

— У вас не запрещают лазить на столбы? — удивился Петька.

— Что значит «запрещают»? — спросил Митька с любопытством.

Петька объяснил:

— Подходят снизу граждане и кричат противными голосами: «Слезай сейчас же, хулиган этакий, а то милиционера позовем!»

— Очень даже глупо, — сказал Митька. — У нас каждый житель делает что хочет. Никто ему ничего не запрещает. На то и страна мудрецов.

Лидка недоверчиво покачала головой, а Петька сказал:

— Вот эт-то да-а-а-а-а...

Я спросил:

— А как же король? Ведь король — это деспот и самодержец.

— Никакой он не самодержец, — объяснил Митька. — Наш Мур Семнадцатый свой малый и любит охотиться на сорок. Между прочим, он очень древнего и благородного происхождения. Его прадедущка был в каком-то королевстве деспотом и самодержцем. Тамошние жители устали его терпеть, рассердились и выгнали вон в одной короне. Он к нам и приехал. Все его потомки называются королями. Пусть называются, нам не жалко В Мурлындии все можно.

— А на гитаре играть посреди улицы можно? — высказал Петька свою затаенную мечту.

— И на гитаре посреди улицы можно.

— А если телега будет ехать, тогда что? — спросила Лидка.

— Задавит, больше ничего, — сказал Митька. — Каждый житель сам за себя в ответе.

...Мне эта страна сразу понравилась. Правда, я не очень еще верил Митьке с бубенчиком. Слишком уж потешный был у него вид. Но ведь чего не бывает на свете!.. Я спросил его:

— Ты точно говоришь? Может, ты здешний, а Мурлындию для потехи выдумал? Может, тебе страна мудрецов во сне приснилась?

— Клянусь бубенчиком! — провозгласил Митька без смеха. — В Мурлындии вообще никто не врет. Все можно и все позволено, так зачем отпираться? Бывает, что облапошат ради

шутки. Но на хорошую шутку никто не обижается. Мы мудрые!

— А туда всем можно? — спросил Петька.

Митька с бубенчиком покачал головой:

— Всяких пускать нельзя, а то неприятности могут выйти. Забредет какой-нибудь глупый, ни радости от него, ни веселья. Мы к себе принимаем только тех, кто придумает что-нибудь мудрое. Что ты, например, можешь?

— Не знаю, — задумался Петька. — Ну, могу бритву разжевать...

— Зола! — отверг Митька. — У нас деревья подгрызают.

— Могу... чернила выпить, — сказал Петька грустным голосом.

Митька-папуас подумал и удовлетворился:

— Это еще более или менее. Чернила у нас никто не пьет... А ты, девочка, что можешь?

Лидка мысленно перебирала свои умения и молчала. Я сказал:

— Нашел, у кого спрашивать! Она может только по восемь часов подряд в зеркало смотреться.

— А что? — сказал Митька. — Мудрое занятие. Это годится.

— Видишь? — обрадовалась Лидка. — Нечего соваться!

...У меня не было никакой своей выдумки. Даже такой пустяковой, как у Петьки с Лидкой. Ничего мудрого в своей короткой жизни я еще не придумал. А пожить в Мурлындии мне хотелось просто отчаянно...

...О Мурлындия, страна, где никто тебе ничего не запрещает, где все можно, можно даже ничего не делать и никому не подчиняться! Про такую страну я мечтал с той поры, как мне впервые сказали одно страшное слово, полосатое и свистящее слово «нельзя».

— Ну, а ты? — спросил Митька. — Лясы точить — этого мало.

И тут меня осенило. Я закричал громким голосом:

— Я такое могу, что никто не умеет! Я могу сыграть на собственной голове «Чижи́ка-пыжи́ка»!

В давние-давние времена я научился выстукивать пальцами по голове этот простенький мотив. Сидишь, бывало, за столом в тягучий зимний вечер, готовишь скучные уроки, в глазах уже рябит от циферок и буковок, которые злые люди рассыпали по книжным страничкам бедным детям на мучение, и так одиноко на душе, тоскливо и жалостно... Отодвинешь учебники в сторону — и давай стучать по голове. Получалось похоже, но негромко.

— Покажи-ка! — потребовал Митька-папуас, странно изменившись в лице.

Я согнул пальцы и начал стучать костяшками по черепу, раскрыв рот и шевеля губами. В тихом лесном воздухе прозвучала мелодия «Чижи́ка-пыжи́ка». Я был счастлив, что меня слушают и хорошо получается...

Митька прыгал на месте и хлопал в ладоши. Звенел бубенчик на его колпаке. Лидка и Петь-

ка тоже хлопали — они видели мое искусство впервые.

— Скорее бежим в Мурлындию! — закричал Митька-папуас. — Я немедленно покажу тебя своим знакомым!

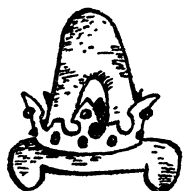
— Побежали в Мурлындию! — заорал Петька.

— В Мурлындию! — пискнула Лидка.

Не успел я опомниться, как Митька схватил меня за руку и поволок за собой.

Лидка с Петькой бежали следом.

Тетрадь вторая

о Мурлындии, страны мудрецов, мы бежали часа полтора, не больше. Оказывается, она совсем рядом, а мы и не знали. Ползком пробрались под какими-то колючими кустами, скатились в яму, вылезли наверх и увидели широкую канаву, где заливались лягушки. В одном месте через канаву переброшена черная кривая доска. По ней мы перебрались на другой берег, и Митька сказал, раскинув руки:

— Мы в Мурлындии!

— Ур-р-р-ра! — завопил Петька и принялся ломать красивую молодую березку.

Лидка перевела дух, огляделась и спросила:

— А где же пограничники?

— Какие такие «пограничники»? — не понял Митька-папуас.

— Такие военные, которые день и ночь стоят на посту и охраняют рубежи от лазутчиков, — пояснила Лидка.

— Нам таких не требуется, — сказал Митька. — Какой лазутчик к нам ползет? Живем мы тихо, ничего не производим, никому не мешаем. Про нас, может, и вообще на свете не знают.

Мы отдышались и двинулись дальше. Мурлындский лес густ, дремуч и пахнет гнилью. Выбравшись из него, мы очутились на пыльной немощеной дороге. На обочине стоял длинный шест. К верхушке его привязаны еловые ветки.

— Железная работа, — похвалил Петька.

— То-то! — сказал Митька и поправил шест, чтоб стоял прямее.

Мы уже снова упарились, когда вдали показалось селение.

Я спросил:

— Это что за деревня?

— Сам ты деревня, — обиделся Митька. — Это город Мудросельск, который есть столица Мурлындии, страны мудрецов!

— А много в Мурлындии городов? — поинтересовалась Лидка.

— Одного хватает, — ответил Митька с бубенчиком.

Улицы в Мудросельске кривые и грязные, ничем не мощенные, без единого деревца и без тротуаров. А дома меня поразили. Очень необыкновенные были дома: треугольные, шестиугольные, круглые, как нефтебаки, дома в форме ведра, маяка, вагона, луковицы, гриба и египетской пирамиды. Один дом напоминал рояль с окошками. Лидка только ахала...

— Нравится? — спрашивал довольный Митька. — То-то. В Мурлындии каждый житель что-нибудь свое выдумывает. Нет такого обычая, чтобы по шаблону... Куда бы вас для начала отвести?

Он почесал под колпаком.

— Куда поинтереснее! — сказали мы не раздумывая.

— Сперва надо показаться королю Муру Семнадцатому, — решил Митька. — Пошли во дворец. Это недалеко.

Мы ожидали увидеть что-то поразительное, а королевский дворец оказался простым деревянным домом, покрашенным в три цвета: зеленый, желтый и голубой. Над крышей торчал треугольный желтый шпиль. На нем какая-то серая тряпочка. Колья, которыми дворец огорожен, разноцветные, а у калитки притулилась полосатая будка. В ней лежал на лавке пухлый житель в оранжевом мундире с эполетами. Красиво наряженный житель зевал и надраивал ногти тряпочкой. Каждый ноготь был сантиметров пять длиной и сиял.

— Сторож... — тихонько сказала нам Лидка.

Митька-папуас обратился к этому сторожу:

— Здорово, Кирюха. Мы к королю.

Сторож посмотрел сонными глазами на Митьку, потом скользнул взглядом по нашим запыленным фигурам и сказал ленивым голосом:

— Мне-то что.

— Он дома? — спросил Митька.

— Куда он денется, — зевнул сторож. — Третий день не выходит. Посадил в горшке цветок георгин. Наблюдает, как он там растет...

— А сорок не стреляет?

— Бросил, — сказал сторож Кирюха. — Ступай, Митька, не отвлекай от дела. Видишь, я занят.

Мы миновали двор, поднялись на крыльцо и зашли в темный коридор. Митька уверенно толкнул одну из дверей, и мы очутились в комнате. На кресле с прямой высокой спинкой сидел тощий житель с печальным лицом, одетый в темно-красный плащ, черные брюки и туфли с пряжками. Голову печального жителя укра-

шала золотая корона. Большие внимательные глаза смотрели в одну точку — на глиняный горшок, из которого торчала травинка. На нас он не обратил внимания.

— Здорово, ваше величество, — почтительно произнес Митька. — Здорово, а?

Его величество неохотно отвел взгляд от травинки, приподнял голову и сказал тихим, глубоким голосом:

— Здорово, любезный Митька. Давненько не заходил ты в гости к своему единственному королю. И сними этот скомороший колпак.

— Извиняюсь, ваше величество, — рывкнул Митька и сдернул колпак с головы. — А не заходил я в гости потому, что пропитание себе зарабатывал.

— И тут работают... — шепотом огорчился Петька.

Его величество склонил голову к левому плечу и спросил:

— Чем же ты теперь занят, любезный оригинал? Что делаешь?

— Делаю жидкость, ваше величество! — отпартовал Митька.

— Оригинально, — сказал король. — Только стоит ли? Собирал бы муравьев, как все жители.

Митька развел руками:

— Не могу, ваше величество. Душа не лежит.

— Душа... — произнес король и задумался. — Ну, ладно. Делай жидкость. Кстати, что это за жидкость и для какой надобности?

— Жидкость от клопов и паразитов, — сказал Митька.

— Как же ты ее делаешь?

— Набираю в лесу грибов-поганок и варю. Два часа варю, три часа варю, потом сливаю, — разъяснил Митька. — И очень хорошо помогает. Польешь тюфяк — ни одного паразита не останется, ни жука, ни комарика. Которыедохнут, а остальные разбегаются.

— Фу, фу, фу, — сказал его величество и заткнул уши указательными пальцами.

Петька повеселел и шепнул мне:

— Так-то работать можно.

Король вынул из левого уха указательный палец и спросил:

— А кому ты эту жидкость сбываешь и за какой барыш?

— Доктор берет, — сказал Митька. — За банку жидкости дает лепешку, мерку картофеля и полгорсти соли. Новые штаны посулил!

— Кучеряво! — оживился король, но тут же его лицо снова опечалилось. — Но собирать муравьев было бы выгоднее.

— Душа! — развел руками Митька-папуас.

— Ах, душа... — вспомнил король и загрустил. Погрустив немного, он спросил, указав на нас длинным пальцем: — Что за жители?

Наконец-то на нас обратили внимание...

— Новенькие, — сказал Митька-папуас. — Я их из-за канавы привел. Очень желают жить в Мурлындии, стране мудрецов.

Мы сказали: «Здрасте, ваше величество» — и назвали свои имена. Его величество тоже представился:

— Мур Семнадцатый, единственный король в Мурлындии... Много ко мне приходило новеньких, но в большинстве это оказывались скучные жители... Может, и от вас проку не будет в Мурлындии?

— Не утруждайтесь сомневаться, ваше величество! — вступился за нас Митька-папуас. — Да и за кого вы меня принимаете? Нешто я глупых привел бы? Эти жители хоть и недоростки, но обладают задатками. Я проверил!

— Какими такими задатками? — поинтересовался печальный Мур.

Митька сказал:

— Всякими, у каждого свой. Лида может восемь часов подряд в зеркало смотреться. Занятие достаточно мудрое и требует большого терпения.

Король Мур ласково улыбнулся Лидке и произнес:

— Ты не прав, Митька. Никакого терпения это занятие не требует. Было бы у меня такое миленькое личико, я бы по десять часов подряд в зеркало смотрелся... А теперь больше трех минут не выдерживаю... Скучно становится, — вздохнул король. — Ну, живи, Лида, в Мурлындии. Гуляй по лесу, собирай муравьев, смотришь в свое зеркало.

Лидка покраснела и стала оправдываться:

— Я не просто так. Я изучаю лицо, фигуру, движения, потому что хочу стать балериной. Для этого надо хорошо себя знать.

Король Мур поморщился:

— Только не подводи базу, не подводи базу. Смотришься в зеркало, это тебе нравится — и достаточно. Когда житель начинает объяснять свои поступки, только неразбериха и ералаш получаются. Не люблю этого... Ну, а ты, Петя, что умеешь делать?

— Я умею пить чернила! — заявил Петька.

— Какие такие чернила?

— Самые настоящие, — сказал Петька. — Которыми пишут.

— Ах, пишут... — король покачал головой. — Пишут, говоришь... А они что, вкусные?

— Жуткая гадость, — признался Петька.

— А зачем пьешь? — приподнял бровь король Мур.

Петька замялся, не зная, как объяснить. Я ему помог:

— Потому и пьет, что жуткая гадость. Отличие от других, а во-вторых, можно поспорить на мороженое, что выпьешь чернила. А в-третьих, все удивляются, какой он герой.

— Занятно, — сказал король Мур. — Во всякой нелепости можно, оказывается, найти смысл. Ладно, Петя. Оставайся в Мурлындии. Только эти самые чернила тебе придется бросить. Пей что-нибудь другое. У нас их отродясь не бывало, да и заводить не стоит.

— Почему не стоит заводить? — удивилась Лидка.

— Начнут жители их пить, — объяснил его величество, — потом писать попробуют. А где пишут — там и читают. Это вредно.

— Мне все равно! — храбро сказал Петька. — Что-нибудь другое придумаю пить. Мало ли отравы на свете!

— А ты чем увлекаешься? — спросил король наконец меня.

Я показал, чем я увлекаюсь...

Король вскочил со своего кресла, постучал кулаком в стенку и крикнул:

— Дылда! Дылда! Пойди сюда, Дылда! Что-то покажу!

Зашла королева Дылда, длинная и худая, как береза. Платье на ней было до самого полу, а в прическе блестела какая-то брошь.

Королева спросила:

— Что ты мне покажешь? Не расцвел ли твой георгин?

— Можешь выкинуть георгин на помойку, — решительно сказал король Мур. — Теперь он ни к чему. Миша, изобрази для королевы!

Я снова стал играть «Чижика», а король тем временем рассказал королеве Дылде, кто мы такие и как очутились в Мурлындии.

Дылда похвалила меня:

— Очень приятно слушать. Это настоящая музыка.

— Не научиться ли и мне такому искусству? — задумчиво спросил его величество и посмотрел на королеву.

— Нет уж, — не разрешила королева. — Побереги свою голову. Мише все равно, он рядовой житель, а ты единственный король на всю Мурлындию, твоя голова еще может пригодиться жителям. И вообще, опять ты снял корону. Надень сию же минуту!

Печальный король поднял корону, надел ее и сказал со вздохом:

— Происхождение обязывает... Ну ладно. Не в этом счастье... Пойди, ваше величество, по-

корми новеньких обедом. Они в Лабаз еще не приняты, пищи не имеют.

— Покормлю, — сказала королева. — На кухне должно быть полкастрюльки похлебки, если кошке не вылили. И каша оставалась.

На прощанье король Мур сказал мне:

— Заходи в гости!

— Спасибо, ваше величество. Зайду обязательно.

Знал бы я тогда, сколько раз мне придется заходить к королю!

Митька-папуас проводил нас на королевскую кухню. Пришла Дылда, засучила рукава и налила по миске горохового супчика. Лидка кушала медленно и деликатно, а Петька все выхлебал вмиг.

— Отличный суп, — сказал Петька. — Между прочим, дома я всегда горохового супу по две тарелки ел.

Королева поняла тонкий намек и налила ему еще мисочку. Потом положила нам каши.

— Был еще черничный компот, — сказала королева, — но его величество весь выпил. Впрочем... Митька, слетай в сад, сорви гостям по яблочку.

Мы быстро доели вкусную кашу и стали грызть яблоки. Мурлындские яблоки оказались чуть покислее бабушкиных. А может, они просто еще не дозрели.

— Хорошо жить в стране, где все можно! — воскликнул насытившийся Петька и задрал ноги на стол.

Лидка даже покраснела от такого невежества. Мне тоже стало стыдно за Петьку, и я, чтобы отвлечь внимание, спросил у королевы:

— А что это за муравьи, которых вы ловите в Мурлындии? И что это за Лабаз, в который нас еще не приняли?

— Разве вам Митька не объяснил? — удивилась королева.

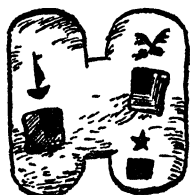
— Не успел, — сказал Митька. — Других разговоров много было.

— Завтра вас примут в Лабаз, познакомитесь с Главным комендантом Степаном Кузьмичом и все узнаете, — сказала королева и улыбнулась нам. — Я бы и сама рассказала, да мне некогда. Вон сколько посуды немытой.

Мы поняли, что пора прощаться, поблагодарили за питание и пошли с Митькой-папуасом на улицу.

Сторож Кирюха все так же драил ногти. Наступил вечер.

Тетрадь третья

очевали в Митькином доме.

— Вот вам сено, мешок и одеяло, — сказал Митька. — И спите как умеете.

Одеяло отдали Лидке, а мешком мы с Петькой прикрылись вдвоем, и я сразу заснул, как провалился, и спал без всяких сновидений до самого утра.

Дома, просыпаясь, я слышал запах кухни. Как раз в это время бабушка готовила завтрак. А здесь, проснувшись, я почувствовал запахи травы, теплой земли и полевых цветов. Это было здорово, как в сказке. Ночью Петька, конечно, стащил с меня мешок. Но мне было тепло и радостно от утреннего солнца, от беспредельной свободы, и я не щелкнул по носу Петьку. Я был добр просто до неприличия. «Пусть, — подумал я, — спит, пока сам не проснется. Пусть спит, пока не надоест. Может, ему сейчас снится интересный сон. Пусть смотрит и веселится. Спи, Петька, спи, глотатель фиолетовых чернил, тысячу раз поротый материнским ремнем угнетенный землекопатель, а ныне вольный житель страны Мурлын-

дии Петька! Сопи носом, подлец Петька, ставивший мешок с товарища и завернувшийся в него сам! Спи, дуралей, я тебя прощаю».

Постель Митьки-папуаса была пуста. Лидка сидела у входа, гляделась в зеркальце и расчесывала свои желтые волосы. Услыхав, что я поднимаюсь, она сказала:

— Хозяин дома оставил нам лепешку и соли в тряпочке.

— А сам куда делся?

— Пошел собирать грибы-поганки, — сообщила Лидка. — Ему доктор заказал целое ведро жидкости от клопов и паразитов.

— Неужели в Мурлындии так много клопов?

— Меня не кусали.

— Меня тоже. Давай выкладывай Митькину лепешку!

— Сперва умойся, — сказала Лидка, не переставая глядеться в зеркальце. — Ручей рядом.

Мне не понравился ее тон. Я произнес строгим голосом:

— Днем пойдем купаться. Гони лепешку!

— Топай, топай, — спокойно сказала Лидка. — Не хватало мне еще с немытыми за стол садиться.

Раздался Петькин голос:

— Где стол? Какой стол? Уже завтракают, что ли?

— Поднимайся, лодырь! — скомандовал я. — Пошли умываться.

Когда мы, умытые и голодные, прибежали домой и хотели схватить куски, Лидка снова нас остановила:

— Мальчишки, сделайте костер. Согреем водички и попьем, как будто чай...

— А в чем согреем?

Лидка показала сверкающий медный котелок.

— За домом нашла. Сама вычистила! — похвасталась она.

Мы кусали посыпанную крупной солью лепешку и по очереди прихлебывали из котелка. Таких вкусных завтраков я не ел никогда...

— Исполнились мечты! — воскликнул Петька и растянулся на траве. — Можем делать все что захотим! Жаль, нет гитары. Я бы сел посреди улицы и заиграл. Пошли купаться? — предложил он.

— Сегодня нам надо сперва поступить в Лабаз, — сказала Лидка.

— Что бы это могло быть такое? — задумался Петька.

Лидка сказала:

— Я знаю только одно: там дают еду и всякие вещи. Я договорилась с Митькой, что он после поганок отведет нас к Главному коменданту.

— Тогда подождем, — сказал Петька. — Это хорошее дело.

Мы дождались Митьку и напомнили ему, что надо отвести нас к Главному коменданту.

— Ладно, — сказал он. — Пойдем к Главному. Жидкость потом сварю.

Дом Главного коменданта выглядел среди других самым оригинальным, потому что он был обыкновенной формы и некрашенный. Внутри дома тоже все было обыкновенно и привычно: стулья, лавки, стол, деревянная кровать и даже шкаф. На столе пыхтел медный самовар, кое-где помятый и начищенный до блеска. Три жителя сидели у самовара и гоняли чай.

— Опять ты, Митька, оригинальничаешь, — сказал один с нечесаными волосами, похожий на цыгана. — Кого привел?

— Новенькие, из-за канавы, — сказал Митька. — Знакомьтесь.

Мы познакомились.

Похожий на цыгана оказался важным лицом — занимал в Мурлындии должность зампотеха, и звали его Федя.

— Что такое «зампотех»? — спросила любопытная Лидка.

— Наверное, заместитель по технической части, — сказал Петька.

Кудреватый Федя громко рассмеялся:

— Какая тут может быть техническая часть? Зампотех значит: «Заместитель Главного коменданта по потехам»! Смотрите...

Федя вытащил из-под стола старенький патефон, накрутил его и поставил пластинку. С двумя другими жителями мы познакомились под визгливые и хриплые звуки музыки.

Лысого старичка с острой бородкой звали доктор Клизман.

— Митька, ты выполнил задание? — спросил доктор.

— Сырье уже принес, — сказал Митька. — Осталось сварить.

Лидка задала вопрос:

— Скажите, доктор, неужели в Мурлындии так много клопов и паразитов?

Доктор Клизман отхлебнул чаю и сказал не-весело:

— Паразитов везде предостаточно, мое дитя...

Главный комендант Степан Кузьмич, пожилой, со строгим, коричневым от загара лицом, сразу мне понравился, хоть и глядел сердито.

— Ты зачем ногой дрыгаешь? — спросил он у Петьки.

Тот не растерялся и заявил:

— Может, я чаю хочу!

— Если хочешь, — строго сказал Степан Кузьмич, — так попроси, а не дергайся. Садись к столу, жители!

Вот так, благодаря Петькиному нахальству, мы еще раз позавтракали. Я пил настоящий вкусный чай и думал: «Может, излишняя деликатность только вредит в жизни? Может, надо так, как Петька? Говорят же, что нахальство — второе счастье...»

После чая мы пошли поступать в Лабаз. Много не разговаривая, по лесным тропинкам и ухабистой дороге мы дошли до громадного древнего дуба. Такой дуб и впятером, наверное,

не обхватить. Меж его узловатых, удавообразных корней зияло мрачное отверстие, обложенное нетесаными камнями. Обросшие мохом ступени вели вниз, в холодную глубину земли. Стало зябко...

На поляне перед дубом тлело несколько сложенных костром сосновых стволов, рядом валялась груда смолистых палок. Главный комендант Степан Кузьмич зажег палки от костра, построил нас шеренгой и перед каждым воткнул в землю факел. Федя заиграл на патефоне медленную, торжественную музыку.

— Теперь ступайте, — сказал Степан Кузьмич, — к доброму волшебнику.

Степан Кузьмич достал из карманов три стеклянные банки, емкостью граммов по семьсот пятьдесят, наполненные живыми, копошащимися муравьями, и вручил нам. Зампотех Федя переставил пластинку, и зазвучал бодрый марш. Доктор Клизман махал платочком.

Мы, взяв факелы, пошли за Главным комендантом вниз по замшелым ступеням...

— Как интересно!.. — прошептала Лидка.

— Жутковато... — поежился Петька.

Я сказал:

— В самом деле, припахивает волшебством!

Лестница кончилась. Мы ступили на сырой земляной пол пещеры и пошли вглубь, мимо стен, поблескивающих в свете факелов. На стенах чернели аккуратные четырехугольные дырки. Над каждой дыркой было что-то нарисовано.

— А зачем картинки? — спросила у Степана Кузьмича Лидка.

— Личный знак каждого жителя, — объяснил он. — Чтоб не путали камеры. Вы тоже что-нибудь нарисуете.

— Мы подпишем, — сказал Петька.

— Без новшеств, — сказал Степан Кузьмич. — Все рисуют, и вы нарисуете.

Он подвел нас к стене и указал на три отверстия без картинок.

— Ставьте в камеры свои баночки и просите то, что вам сейчас больше всего нужно. Не забудьте сказать «спасибо», иначе ничего не выйдет.

Лидка затолкала в отверстие банку, зажмурилась и сказала:

— Добрый волшебник Лабаз, я новенькая, и у меня ничего нет, кроме зеркала и расчески. Дай мне, пожалуйста, полотенце, зубную щетку и немножко конфет «Золотой ключик». Спасибо, добрый Лабаз!

Петька сунул банку и произнес замогильным голосом:

— Я тоже новенький, но не стану просить пустяков...

— Проси гитару! — шепнул я.

Петька отмахнулся и сказал тем же голосом:

— Добрый Лабаз! Мне больше всего не хватает одеяла. Дай мне его, пожалуйста. Спасибо, добрый Лабаз.

Петька отошел от стены довольный и уверенный. А мне все еще не верилось, что это серь-

езно, а не игра. Но я поборол неловкость, решительно сунул банку и сказал:

— Добрый волшебник Лабаз! Если это не надувательство, дай мне складной нож с двумя лезвиями, отверткой, шилом и напильником. Вот и все. Спасибо, добрый Лабаз.

Мы нарисовали над камерами личные знаки. Лидка изобразила птичку вроде вороны. Петька нарисовал кораблик, а я — звезду.

— Ни еды себе не попросили, ни посуды, ни спичек, — упрекал нас Степан Кузьмич на обратном пути. — Как жить будете, если Митька не покормит?

— Перетерпим! — выразился Петька, который меньше всех умел терпеть. — В стране Лотарингии один житель пятьдесят шесть дней голодал, только нарзан пил. И ничего. Выжил.

Вечером Митька дал нам картошки, и мы пекли ее на костре подальше от Митькиного жилья, потому что он заварил свой клопомор и отравил всю окрестность тухлым, едучим запахом. А утром, даже не умывшись, мы помчались к волшебной пещере.

— Все будет, как заказано! — кричал Петька. — Вот увидите!

— Я с вами поделюсь конфетами! — пообещала Лидка.

А меня одолевали сомнения, и я молчал.

Пещера дохнула на нас холодом и мраком. Нервное пламя факелов металось и трещало над нашими головами. Чем дальше шли, тем меньше оставалось у меня надежд на волшебст-

во. Облапошили нас мурлындские затейники. Теперь вся страна будет потешаться, проходу не дадут...

— Мне страшно, — пропищала Лидка. — Может, пойдем обратно?..

Я взял Лидку за трепещущую руку, чтобы она не так боялась.

— Ладно уж, дойдем. Надо убедиться своими глазами...

Наконец мы добрались до наших камер. Лидкина птичка, кораблик и моя звезда были на своих местах.

— Ну, смотрите... — басом прошептал Петька.

— А сам? — прошептала Лидка дрожащим голосом.

— Чего сам? Пусть Мишка первый, — пробасил Петька.

Я сунул руку в черную дыру, нащупал баночку и вытащил ее. Баночка была пуста.

Тетрадь четвертая

роме пыли и одногодохлого муравья, ничего в баночке не было.

— Пусто, — пискнула Лидка. — Нас надули.

Жарко трещали факелы, на стенах шевелились длинные тени. Я размахнулся чертовой банкой, но тут Петька крикнул:

— Постой! Может, он не в банку кладет?

— Конечно, не в банку! — обрадовалась Лидка. — Разве одеяло поместится в банку?! Посмотри еще!

Я не решался попробовать второй раз... Вдруг Лидка закрыла глаза и запустила руку в камеру.

— Есть... — сказала она сдавленным голосом, немного помедлила и вытащила полотенце.

Петька мгновенно кинулся к своей камере — и вытащил оттуда одеяло. Через секунду у нас в руках были и зубная щетка, и конфеты «Золотой ключик», и даже мой прекрасный складной нож с двумя лезвиями, отверткой, шилом и напильничком.

— Он еще и зубную пасту приложил, мятную! — вопила Лидка.

Мы орали и плясали, как дикари на празднике полнолуния. Мы размахивали факелами и обнимались. Лидка засовывала в наши рты конфеты «Золотой ключик». Мы убедились, что есть на свете настоящее волшебство. Мы были счастливы.

— Ты больше всех выгадал! — кричал Петька, раскрывая лезвия моего ножа. В свете факелов лезвия сверкали оранжевыми искрами.

— Согласен на ночь меняться, — сказал я. — Ты мне одеяло, а я тебе — нож!

— Фига!

Лидка первая пришла в себя.

— Мальчики, — сказала она очень добрым голосом. — Видите, как все хорошо получается. Принесем волшебнику еще муравьев и попро-

сим, наконец, еды и посуды. Не пить же втроем из одного котелка. Это негигиенично.

— Плевал я на еду! — орал Петька, который еще никогда не плевал на еду. — Попрошу у волшебника гитару, сяду посреди улицы и буду играть! Хватай банки!

Треща и дымя, догорали наши факелы. Мы выбежали из пещеры окончательно счастливые.

Первого муравья изловил Петька.

— Есть один рыжий! — крикнул он и отправил зверя в баночку.

Пока они попадались по одному, собирать было даже интересно. Но по солнечным поляночкам они ползали десятками, сотнями и целыми колониями. Это, конечно, красиво — смотреть на сверкающий золотой ручеек, но охотничий интерес пропал. Сразу заболели спины, а баноч-

ки наполнялись медленно, и конца этому делу не было видно.

— Наверное, у жителей есть какой-нибудь способ, — сказала Лидка. — По штучке и за день банку не наберешь. Подумаем?

— Ну, подумаем... — согласились мы с Петькой.

Брели дальше, подбирали муравьев, обливались потом и думали. Ничего путного не придумывалось. Лидка смотрела на нас с презрением. Счастье жизни стало меркнуть.

Вскоре вышли на одну полянку, а там стоял, расставив ноги, низкорослый житель и глядел на Солнце.

— И думать не надо! — обрадовался Петька. — Возьмем и спросим.

— Привет! — сказали мы низкорослому жителю.

— Наше вам... Небось новенькие? — спросил он, взглянув на наши утомленные физиономии и почти пустые баночки.

— Новенькие, — признались мы. — Лида, Петька и Миша. А тебя?

— А меня Аркадиус, — важно сказал житель. — Красивое имя?

— Звучное, — согласилась Лидка. — А для чего ты, Аркадиус, на Солнце смотришь из-под руки?

— Изучаю, как Солнце по небу ходит, — сказал Аркадиус.

Петька презрительно фыркнул:

— Это не Солнце по небу ходит, а Земля поворачивается, простота ты деревенская!

— Что поворачивается? — спросил Аркадиус, округлив глаза.

— Земля! — повторил Петька.

— А как ты докажешь? — потребовал Аркадиус.

Петька долго думал, чесал в затылке, но никакого доказательства вращения Земли так и не вспомнил. Мы, кстати говоря, тоже...

— Чудеса... — прошептала Лидка. — А может, она и не вертится?

В ее синих глазах появился страх, а изумление Аркадиуса прошло. Он снова посмотрел на нас свысока и заявил:

— Не может Земля вертеться. Ты в уме ли, житель Петька? Представь себе только, что Земля чуть-чуть повернулась. Мы бы все покатились, как по кособору.

— Верно... — ужаснулась Лидка.

— Море вместе с рыбаками выплеснулось бы прямо в небо, как похлебка из перевернутой миски.

— Правда... — пискнула Лидка.

— Развалились бы дома, покатались камни, бревна и лошади, сметая все на своем пути. Одни только птицы летали бы в небе... Впрочем, куда они будут садиться на ночь, если Земля перевернется вверх тормашками? Теперь ты понял свою глупость, Петька?

— Понял, — сказал Петька, ошеломленный картиной катастрофы.

— А все-таки она вертится! — прошептал я в сторонку.

— Земля стоит незыблемо, — заявил Аркадиус, — а Солнце ходит по небу своими путями. От каждой елки и от каждой палки падает тень, и ползет она по земле с равномерной скоростью...

Возле Аркадиуса было воткнуто в землю несколько палок.

— Если Солнце восходит в шесть утра, а заходит в шесть вечера, то тень от палки ползет по земле двенадцать часов, — продолжал умный Аркадиус. — Я намечаю эту линию колышками, а потом делю ее на двенадцать частей. Вот тебе и час! Мудро?

Я думал, Петька закричит, что солнечные часы изобрели еще древние греки, но он, посрамленный, молчал. Тогда я сказал:

— Это называется «солнечные часы».

— Подходящее название, — одобрил Аркадиус. — Спасибо, Миша, что подсказал. Все умею, а вот названия не умею выдумывать...

Не стоило объяснять, что название придумал не я...

— Теперь, — сказал Аркадиус, — я знаю, что такое час. А вот который час, — этого я еще не знаю.

— Мудри дальше, — буркнул обиженный Петька. — Может, когда и узнаешь...

— Аркадиус, — сказала Лидка. — Объясните нам, как жители ловят муравьев? Штучками или есть какой-нибудь способ?

Мудрый Аркадиус рассказал нам:

— Они собирают муравьев очень непроизводительным способом. Тыкают палкой в муравейник, а потом стряхивают муравьев с палки в

баночку. Много ли их вцепится в палку? От силы три десятка. У меня нет времени так собирать муравьев...

— И что ты изобрел? — спросил я, уверовав в Аркадиуса.

— Это моя тайна. Но за то, что ты мне подкинул название, могу сообщить. Только не рассказывайте жителям! — попросил Аркадиус.

— Ни за что! — поклялись мы.

— Тогда слушайте... Я заметил, что у муравьев очень развито чувство дружбы. Если один попадает в беду, остальные бросаются его выручать.

— Какие хорошие муравьи!.. — воскликнула Лидка.

— Очень хорошие, — согласился Аркадиус. — Но умный и хитрый враг может употребить твои добрые качества в своих интересах. Так часто бывает...

— И ты употребил? — спросила Лидка с укоризной.

— Что поделаешь, — вздохнул Аркадиус. — И вот — я вставляю банку в муравейник и бросаю в нее одного муравья. Он пищит, зовет на помощь. Приятели бегут выручать и друг за дружкой валятся в банку. Когда банка наполнится, я беру ее и, посвистывая, отношу в Лабаз. Это ли не мудро?

— Гениально! — воскликнул Петька. — Теперь мы обеспечены!

Лидка всхлипнула и сказала:

— Это безнравственно. Как не стыдно!

— Аркадиус прав, — решил я. — Пошли искать муравейники. Не все ли равно, каким образом попадет муравей в мою банку.

— Браконьеры безжалостные, — простонала Лидка, но все-таки пошла вслед за нами.

Мы нашли три муравейника и вставили в них баночки. Дружные, но глупые муравьи посыпались туда водопадом. Банки наполнялись, а нам делать пока было нечего.

— Есть охота, — пожаловался Петька.

— Пожуй кончик одеяла, — предложил я.

— Дубина, — выразился Петька. — Я страдаю, а ему хоть бы что. Лидочка, у тебя не осталось конфетки?

— Ты больше всех моих конфет слопал! — сказала Лидка.

Петька притих и стал жевать веточку. А банки скоро наполнились.

У костра около волшебной пещеры сидел симпатичный доктор Клизман. С уважением посмотрев на наши полные банки, он дал нам по факелу и похвалил за старательность, потому что знал, каким мудрым способом мы собрали муравьев.

— А как вы на них охотитесь? — ядовито спросил Петька.

— А я и не охочусь, — покачал головой доктор Клизман. — Потому что я занят в сфере медицинского обслуживания жителей.

— А материальные блага из пещеры вы получаете? — спросил я.

— Когда все здоровы, тогда получаю. Но если кто так серьезно заболеет, что не сможет собирать муравьев, тогда не получаю, пока не вылечу жителя.

— Значит, когда не работаете, тогда получаете, а когда работаете, тогда не получаете? — удивился Петька.

— Вот именно, — сказал доктор Клизман и потряс бородкой.

— Поразительная страна! — воскликнул Петька и пошел в пещеру.

Мы спустились в сырое подземелье, и снова стало жутковато. Но теперь мы знали, что волшебник работает честно.

Петька сунул банку в камеру и произнес замогильным голосом:

— Дорогой Лабаз! Я со вчера ничего не ел, у меня живот к спине прилип и кишка кишке бьет по башке. Я набрал полную банку муравьев, затратив необыкновенное количество труда и усилий. Дай мне за это кило колбасы, полкило сыру, кило вареного мяса, кило шоколадных конфет «Мишка на севере», три пачки печенья «Мария» и жареную курицу. Не очень много за полную банку, да? Завтра я тебе еще наберу. Спасибо, добрый Лабаз.

— Это ты на всех попросил? — поинтересовалась Лидка.

— Вот еще! — сказал Петька. — У вас свои языки есть.

Поставив баночку в камеру, Лидка сказала:

— Дорогой волшебник Лабаз! Я очень люблю вкусные вещи, но я понимаю, что ты все даешь даром, и мне стыдно только за одно спасибо просить слишком много. Дай только большую сладкую булку, еще конфет «Золотой ключик», немножко чернослива и пачку чая. Спасибо, добрый Лабаз!

— С такой пищи ноги протянешь, — сказал Петька.

— Как бы кому-то из нас не пришлось протягивать руку! — сказал я, поставил в камеру банку и, подумав, попросил: — Добрый Лабаз, во-первых, дай мне спичек. А из пищи: картошку, сахар, хлеб и помидоры. Я их очень люблю. Дай еще мяса и лопату. Все. Спасибо.

Переночевали мы опять у Митьки. Голод терзал жестоко, потому что вечером съели только по две картофелины и одну лепешку на троих. Утром кое-как сполоснулись в ручье и отправились в волшебную пещеру. Было тепло и тихо. Приветливо светило невысокое еще солнышко, и настроение у нас было, в общем, хорошее. Даже шkodник Петька подобрел и не сломал по пути ни одной ветки. Он свистел красивые песни, а когда уставали губы, мечтал вслух, как вынесет из пещеры всю еду, разложит вокруг себя на полянке и будет лопать, лопать и лопать, пока живот не раздуется шире дивана. Слушая его завлекательные речи, мы глотали слюнки и начинали жалеть, что попросили так скромно. Конечно, мы не надеялись, что Петька с нами поделится.

Около костра никого не было, он едва тлел... Петька опять удивил нас: набрал хворосту и подкинул в костер. После этого мы запалили факелы и спустились в подземелье. Петька сунул руку в свою камеру, долго там шарил — мы подумали, что ему никак не вытащить, и вдруг заорал:

— Нету!!!

Он повернулся к нам. Оранжевый огонь факела освещал растерянное лицо и трясущуюся нижнюю губу.

— Надувательство... — пробормотал Петька. — Так не игра!

— Сейчас я посмотрю, — сказала Лидка и вытащила из своей камеры пачку чая и кулек с конфетами «Золотой ключик». — Больше ничего. Ни булки, ни чернослива. Миша, а у тебя что.

Мне повезло больше всех. Волшебник дал мне корзину с картошкой, пакеты с сахаром, мукой и солью и еще лопату.

— Вот так! — сказал я, очень довольный. — Волшебник не одобряет баронские замашки. Жареные курицы в Мурлындии не полагаются. Удовлетворюсь жареной картошкой!

— А я что буду есть? — завыл Петька, подняв глаза кверху. По его лицу катились крупные слезы. — Ребята, вы не дадите мне умереть с голоду? Мне ведь еще только тринадцать лет!

— Конечно, не дадим, Петенька! — воскликнула Лидка. — На, родной, съешь конфетку!

— Ладно, от голодной смерти мы тебя спасем, — сказал я. — Поделимся всем, что имеем. Но в другой раз будь скромнее.

— Еще бы! — обрадовался Петька, и слезы его высохли. — Теперь я знаю, чем тут кормят.

Он засунул в рот две конфеты и даже улыбнулся.

Вот так мы и узнали, что добрый Лабаз ограничивает свои дары самыми простыми продуктами и предметами первой необходимости самого низкого качества — из тех, что лежат у нас на прилавках под вывеской «уцененные товары». Покладистые жители не обижались. Только мой нож внес в мурлындские умы некоторую сумятицу: все знакомые в один голос заявили, что с ножом мне здорово повезло. Многие пытались повторить операцию, но красивых ножей с двумя лезвиями из нержавеющей стали добрый Лабаз никому не выдал. По Мурлындии разнесся слух, что я любимец волшебника. Благосклонность великих персон окружает тех, на кого она падает, некоторым ореолом. Жители издалека кидались, чтобы со мной поздороваться.

Как-то раз я получил за полную банку муравьев новенький топор. Я насадил его на топориче и заточил об камень. Забавляясь новой вещью, мы с Петькой порубили зазря много деревьев, но скоро одумались и решили сотворить что-нибудь полезное. Лидка просила построить дом, но это показалось скучным, и мы построили качели. Нехитрый снаряд произвел могучее впечатление. Мы успели покачаться только с полчаса, потом набежали жители и стали

умолять дать и им попользоваться новой потехой. Жители выстроились в длинную очередь. Они качались даже ночью при свете факелов. И тут я впервые в жизни понял, что тот, кто делает что-то новое, обязательно наживет себе врага.

Зампотех Федя отвел меня в сторону и сказал мрачным голосом:

— Миша, это нечестно. У тебя должно быть чувство товарищества. Потехи — моя специальность. Выбери себе другое...

Сперва я не очень понял, что он имеет в виду, и спросил:

— Как это понимать?

— Понимать это надо так, — растолковал зампотех Федя: — Если у тебя возникает подобная мысль, приходи и скажи: так, мол, и так,

знаю, как устроить какую-то потеху. А я тебя угощу.

— А потеху сделаешь сам и скажешь, что это ты придумал?

— Ну, конечно, — беззастенчиво согласился зампотех Федя. — Значит, мы с тобой договорились?

— Договорились, — согласился я, и Федя пожал мне руку. Но я заметил, что недобрый блеск в глазах его не пропал.

Пришел и король Мур со своей королевой Дылдой. Сперва король качался в мантии, потом разгорячился, скинул ее, а заодно и корону. Дылда не решалась скинуть тяжелое, длинное платье. Она не качалась, а просто мучилась в этом музейном наряде. Помучившись, она отошла и села на травку с печальным выражением на лице.

— Надо помочь бедной королеве! — сказала Лидка. — Посмотрите, тетенька чуть не плачет.

Она подошла к горящей Дылде и стала ей что-то рассказывать. Королевино лицо постепенно прояснялось. Лидка с королевой обнялись и быстрым шагом пошли в сторону дворца.

Дожидааясь очереди, жители коротали время по способности. Одни играли в чехарду, другие пели песни, тут же и боролись, латали драные одежды. Зампотех, чтобы примазаться, приволок патефон. Доктор Клизман залез одному бедняге в рот и расшатывал большими блестящими щипцами зуб. Из-за солидности возраста доктор не качался на качелях, но наблюдал забаву с

любопытством. Он же оказывал срочную медицинскую помощь поспорившим из-за очереди.

Короля Мура пропускали через пятерых. На качелях он развеял свою постоянную печаль и подошел ко мне почти веселый.

— Голова у тебя, любезный Миша, несмотря на странное увлечение, работает хорошо, — похвалил меня его величество. — Подумать только, изобрел такую потеху!

— Мне кажется, — ворчливо произнес доктор Клизман, — что сегодня добрый волшебник получит намного меньше муравьев.

— Чепуха, любезный доктор, — улыбнулся король. — Ему-то какая разница — больше или меньше?

— Существенной разницы, конечно, нет, — сказал доктор. — Но дело в том, что жители получают меньше продуктов. Их организмы похудеют, ослабнут и расположатся к заболеваниям, которые...

Внезапно доктор ахнул и стал тереть глаза кулаками.

— О великий Лабаз! — воскликнул он, зашатался и рухнул на землю в глубоком обмороке.

Я тоже чуть не обалдел: по дороге шли королева с Лидкой. На королеве уже не было тяжелого платья до земли, на ней были голубые брючки и пестрая кофточка с короткими рукавами. Королева помолодела лет на двадцать, и выражение лица у нее было счастливое-счастливое. Она скинула какого-то жителя с качелей и стала качаться сама, заливаясь радостным смехом. Пораженные жители сперва молчали, по-

том опомнились и стали кричать, что пора и со-сказывать. Королева показывала им язык. Она подхватила Лидку, они долго еще качались вме-сте на зависть стонавшим от нетерпения жите-лям. Я и не заметил, как пришел в себя доктор Клизман. Он поднялся, отряхнул брюки и стро-го сказал:

— Это называется: скандал в благородном се-мействе!

— Сперва я тоже так решил, — произнес ко-роль Мур, любясь своей помолодевшей короле-вой. — А потом я подумал: а почему бы и нет? Смелый поступок — королевский поступок. Мне нравится!

Расстроившийся высоконравственный доктор только покачал головой.

Королева вовремя почувствовала королевским инстинктом, что ропот народа по поводу ее беззакония сейчас превратится в бунт. Она подмигнула Лидке, и обе спрыгнули с качелей. Тут же завязалась свалка. Жители не могли решить, кто следующий. Доктору пришлось много поработать.

— Мурик, ты не сердисься? — Королева игриво погладила щеку своего короля.

— У нас можно делать все что хочешь, — сказал Мур, приподняв подбородок. — Должен сказать, что в брючках ты очень мила.

— Спасибо! — обрадовалась королева.

— Пожалуй, теперь ты сможешь ездить верхом, — добавил король.

— Я попробую, — сказала королева. — Вели Феде, чтобы он поймал мне лошадь!

— Сейчас поздно, — удержал ее король. — Попробуешь завтра.

— Я тоже хочу на лошади! — сказала Лидка капризно.

— А я разве не хочу? — заявил Петька.

— Я тоже не рыжий, — сказал я. — И мне лошадь!

Король принял гордую позу и произнес:

— Я велю зампотеху пригнать завтра утром ко дворцу пять лошадей. Поедем кататься.

— Вот умница! — воскликнула королева Дылда и чмокнула своего короля в щечку.

А когда наступило утро, мы хорошенько умылись в ручье и пошли к королевскому дворцу. Сторож Кирюха лежал в будке и надраивал ногти тряпочкой. Заспанный зампотех Федя привязывал лошадей к ограде.

— Кто эту потеху придумал? — спросил Федя и посмотрел на меня неприязненно.

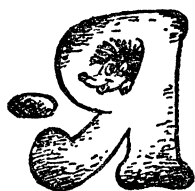
— Королева придумала, — ответил я Феде.

— Ну ладно, — зевнул Федя. — Патефон вам не понадобится?

— Патефон нам не понадобится, — сказала Лидка. — Иди, Федя, досыпай.

Зампотех Федя еще раз зевнул и удалился. Королева пригласила нас завтракать. За столом, попивая черничный компот, король Мур сказал нам такую вещь...

Тетрадь пятая

Я не считаю себя очень уж мудрым, — сказал король Мур с деликатной улыбкой, — но порой под мою золотую корону забредают ценные мысли... Страна Мурлындия с севера омывается морем, а со всех других сторон окопана канавой.

— Какая же это мысль? — удивилась королева.

— Это только информация, — согласился король. — А мысль вот такая: давайте пообедем Мурлындию вдоль по канаве.

— Здорово придумано! — сказали мы втроем.

— Очень ценная мысль, — похвалила королева. — Только надо взять с собой достаточно еды.

— Это уже твоя забота, ваше величество, — сказал король Мур. Организационные мелочи его не интересовали.

Через полчаса мы попрощались с Кирюхой и расселись по коням. У меня и у Петьки висели за плечами мешки с едой. Мур вместо короны прикрылся черным беретом с разноцветным лохматым пером. Королеву Дылду Лидка подстригла и соорудила ей лохматистую прическу. Дылда каждую минуту доставала из кармана зеркальце и гляделась. Правду говорят, с кем поведешься, от того и наберешься...

Часа полтора мы ехали лесом, а потом оказались на берегу моря. Оно было совсем как наше — такие же аккуратные волны, такая же прозрачная даль, такой же песчаный пляж, где ноги лошадей утопали по самые бабки. Поглядев на море, я впервые за время жительства в Мурлындии заскучал о своем поселке, о домике и саде и о бабушке, которая требовала, чтобы я каждое утро приносил нашим кроликам мешок травы. Мне приходилось идти и рвать траву, потому что больше некому, а кролики при нашем пенсионном существовании были большим подспорьем. Кормить зверюшек мне нравилось. Они издалека слышали мои шаги и всем выводком повисали на сетке крольчатника. Они лезли друг на друга и вращали красными глазами, потом усаживались вокруг травы и быстро-быстро ели. Куча быстро таяла. Когда зверю очень

навивалась травинка во рту соседа, он принимался ее жевать с другого конца. Сколько бы я ни приносил травы, им все было мало, зато и вырастали они быстро, как редиска... А потом мы их ели, и это были грустные для меня дни. За каждую шкурку бабушке давали на заготовительном пункте три рубля. Жаль, что в нашем поселке нет волшебной пещеры.

Широкая канава начиналась у моря и скрывалась в лесу. Король Мур медленно подъехал к канаве, остановил лошадь и обернулся.

— Край страны Мурлындии, — сказал он печальным голосом.

— А почему нет пограничного столба? — спросил Петька.

Король печально махнул рукой и сказал:

— Никому неохота ставить.

Я предложил:

— Давайте выложим камешками на песке слово «Мурлындия». Вот и будет указание, что здесь начинается страна мудрецов.

— Нет, нет, любезный, — возразил король. — Никаких надписей. Когда моего папу задрал в лесу медведь и бедный папа умирал, обливаясь слезами и кровью, он сказал мне такие слова: «Милый сын! Если ты хочешь жить в свое удовольствие, а тебе придется жить именно так, ибо способности к чему-либо другому ты не имеешь, сопротивляйся всякой грамоте, истребляй каждую написанную букву. Помни, что все королевские неприятности происходят от грамотных жителей. Будь здоров, сын!» С этими сло-

вами мой бедный папа скончался, и я буду хранить его завет до конца дней. Поехали дальше!

Мы стукнули лошадей пятками по бокам и углубились в лес.

В стоячей воде канавы росли белые водяные лилии, и с берега в воду при нашем приближении ласточкой ныряли лягушки. Солнце уже перевалило за полдень, когда добрались до того места, где через канаву переброшена черная кривая доска.

— Вот здесь мы перебрались в Мурлындию! — закричал Петька.

А мне очень вспомнился наш поселок и тот день во всех подробностях, даже хромая собака, которую я угостил мясом.

Вдруг мы услышали разудалую песню:

*Беззаботно я живу —
вставши спозаранку,
я в дремучей чаще рву
бледную поганку.*

*Птичка весело поет,
щелкает и свищет —
добрый доктор мне дает
и штаны и пищу!*

С треском проломившись сквозь кусты, на поляну вышел Митька-папуас. На плече он нес мешок с поганками.

— Здорово, путешественники! — рывкнул, увидев нас, Митька.

— Это ты сочинил такую красивую песню? — спросила Лидка.

Митька опустил ресницы, вздохнул и сказал:

— Я сочинять не умею. Это мне один знакомый сочинил... А петь я умею, вот и пою! Между прочим, я ежика поймал. По имени Ежуня.

Митька размотал мешок, вытащил оттуда ежа и протянул королю Муру. Королевская лошадь скосила глаза на колючего зверя, заржала и отскочила в сторону. Бедный его величество полетел из седла вниз беретом.

Раздался сердитый крик:

— Чтoб тебя, осла коронованного...

И еще какие-то слова, которых мы не разбирали.

С земли король поднялся не один. Рядом встал, морщась и потирая плечо, незнакомый житель, причесанный и в целой рубашке. Мы

раскрыли рты от удивления. Первым опомнился король Мур.

— Кто ты таков? — строго спросил он у незнакомого жителя. — Я всех в Мурлындии знаю, а тебя первый раз вижу.

— Ни разу бы не увидели, ваше величество, если б не этот клопоморщик со своим дикобразом. Желаю счастливого пути!

И незнакомый житель исчез в кустах.

Король спросил у Митьки:

— Скажи, любезный, ты когда-нибудь встречал этого жителя?

— Никогда! — ответил Митька. — Он, наверное, такой глупый, что стыдится на глаза показываться. Ежика дикобразом назвал.

— А тебя клопоморщиком, — напомнил невоспитанный Петька.

— Тоже глупо, — сказал Митька. — В общем, я его не знаю и ничуть об этом не жалею!

Он замотал ежика обратно в мешок и зашагал по тропинке, напевая свою веселую песню:

*Не горюй и не тоскуй,
жить старайся просто.
Ты, кукушка, накукуй
лет мне этак до ста!*

*Проживу их без труда,
как букашка в травке.
Накукуешь мне тогда
двадцать лет добавки!*

Мы слушали его удаляющийся голос, и ехать дальше как-то расхотелось. Чувствовалась уста-

лость, и болело то, чему полагается болеть после продолжительной езды на лошади. Решили сделать привал. Мы с Петькой запалили костер, король Мур прибрал лошадей, а Лидка с королевой расстелили скатерть и приготовили угощение. Налопавшись так, что ему стало тяжело дышать, Петька улегся под елкой, задрал ногу на ногу и принялся рассуждать о мурлындских порядках.

— Хорошо у нас в Мурлындии, — говорил Петька, побалтывая тапочкой, — но простовато живем. Мудрые мысли не доводятся до конца, все остановилось на какой-то невзрачной середке.

— Например, что? — поинтересовался король Мур Семнадцатый.

— Вы еще просите примеров! Вы, ваше величество, сами являетесь примером. Знаете, как живут короли в других странах?

— Очень смутно, — сознался король. — Мой бедный папа, которого задрал медведь, рассказывал мне... Но я забыл.

— Я вам напому. В других странах короли живут со всем великолепием роскоши жизни. В других странах короли имеют потрясающие дворцы из двадцати комнат, с мраморными лестницами и позолоченными куполами. Везде зеркала и ковры, и каждая комната увешана картинами. В витринах под стеклом лежат драгоценные вещи, а на лестнице стоят красивые памятники голым мужчинам и женщинам.

— Увлекательная жизнь, — кивнул король Мур.

— Более того! — Петька быстрее замотал тапочкой. — У королей много лакеев, которые подают им кушать, стягивают сапоги, моют полы и стоят у дверей, чтобы никто не прошел без разрешения.

— К нам заходят, даже не постучавшись, — вздохнула Дылда.

— А как у них устроено государство? Это же любо-дорого смотреть! Король — как солнце, а вокруг, как планеты, вращаются советники, генералы, министры и придворные дамы удивительно красивой внешности. Все разодеты в мундиры и бархатные фраки, расшитые золотом. И никому не позволено ходить босиком! По утрам министры докладывают королю, как идут дела в государстве, и спрашивают приказов на будущее. Советники советуют, чем развлечься после завтрака — поехать на охоту, завоевать неведомое царство, устроить рыцарский турнир или веселый народный праздник с бесплатной раздачей орехов, а придворные дамы играют на арфах. Если король решит пойти на войну, генерал зовет барабанщика и собирает войска. А если он устраивает праздник, лакей призывает министра. Король приказывает министру обеспечить музыку, кукольное представление и фейерверк.

— Живут же некоторые!.. — воскликнула потрясенная королева.

— Ох, а что у них подают за обедом!.. — зажмурился Петька.

— Небось компоту вволю пьют? — спросил король Мур.

— От пуза, — уверил его Петька. — Ваше величество, давайте устроим в Мурлындии настоящее королевство!

— Я бы с удовольствием, — нерешительно произнес король, — да кто же пойдет, например, в лакеи? Кого назначить министром или генералом? У нас дураков нет работать.

— Дураки найдутся, — уверенно сказал Петька. — Надо только преподнести затею так, будто бы это новая игра. Тогда от дураков отбою не будет!

— Если так, то я согласен, — решил король Мур.

— Только поклянитесь все, что будете хранить наш замысел в глубокой тайне! Если жители нас раскусят — ничего не выйдет.

Мы торжественно поклялись.

Петька чувствовал себя героем. Он прыгал и махал руками.

— К чертям географию! По коням! — скомандовал Петька. — Скачем в Мудросельск устраивать веселую жизнь!

Спешившись у дворца, мы отпустили лошадей в поле, а король Мур сказал сторожу Кирюхе:

— Любезный Кирюха, назначаю тебя Главным стражем дворца!

Кирюха отложил в сторону тряпочку для ногтей и сделал один глаз шире другого.

— Не будешь никого пускать без разрешения коронованных особ!

— Почему это? — спросил наконец Кирюха.

— Будем играть в настоящее королевство, — объяснил король. — Это очень веселая игра. Понял? Петька будет Главным советником, а ты — Главным стражем...

Кирюха поскреб затылок пятисантиметровым ногтем, протер ноготь тряпочкой и спросил:

— А что мне за это дадут?

В затруднении мысли король Мур пожал плечами и обратился вопрошающий взор на Главного советника Петьку.

— Тебе дадут... — задумался Главный советник. — Дадут тебе за это... Медный шлем и алебарду!

— По рукам, — сказал Кирюха. — Когда дадите, тогда и буду не пускать. А сейчас отойдите и не заслоняйте мне солнца.

И он опять стал доводить ногти до безумного блеска.

— Петька, ты спятил! — тихо сказала Лидка. — Где ты в Мурлындии добудешь медный шлем?

— Проще простого, — сказал Петька. — Согну немного твой котелок — и получится отличный шлем для Кирюхи.

— Не отдам котелок!

— Выходишь из игры? — угрожающе посмотрел на нее Петька.

— Грабь, разбойник... — вздохнула Лидка.

Я сказал:

— Со шлемом ты устроился. А как же алебарда?

Петька засмеялся мне в лицо:

— Еще проще. Насадим топор на длинную палку — вот и алебарда!

— Это мой-то топор?!

— Какое может быть твое-мое, когда начинаем великое дело, — убедительно сказал Петька. — Какие тут котелки и топоры, когда все блага жизни посыплются на нас, как дождик из тучи!

Договорившись с Кирюхой, пошли во дворец. Он состоял из пяти комнат и кухни.

— Здесь будет тронный зал, — решил Петька в самый большой комнате. — Надо перекрасить его в голубое с желтым, подновить мебель и поставить приличный трон. А то бедновато.

— Я бы повесила на окна шторы, — мечтательно сказала Лидка. — Шторы придают помещению богатый вид.

В комнате поменьше Петька распорядился:

— В этой зале будут толпиться министры и придворные, ожидая королевского вызова. Ее перекрасим в бордовый, а вдоль стен поставим лавки. Шторы вешать не надо, а то придворные будут чистить об них сапоги.

Следующие две комнаты Петька великодушно отдал королю и королеве для личных надобностей. Озирая пятую комнату, Петька делал вид, что напряженно мыслит. У него даже вспотел лоб.

— Пятую комнату, — сказал наконец Петька, — надо отдать Главному советнику, чтобы он был всегда под рукой у короля.

— Это очень мудро, — сказал король Мур. — Я ведь без тебя не обойдусь, особенно на первых порах.

После таких слов мы с Лидкой не смели даже улыбнуться.

Потом, за ужином на королевской кухне, мы обсуждали кандидатуры министров.

— Кого поставим военным министром? — спросил Петька.

Король Мур допил третью кружку компота, попросил четвертую.

— Знаю я одного жителя, — сказал он. — Все время ходит с луком и стрелами, бьет сорок. Лицо свирепое — Зовут Евтихий.

— Подойдет, — решил Петька. — Военным министром и генералом назначаем Евтихия. Теперь министерство правописания...

— Нам не понадобится! — решительно закончил король Мур.

— И то верно, — согласился Петька. — Завота с плеч. О министерстве медпомощи и думать нечего. Министром назначим доктора.

Все согласились, что это мудро, а Петька продолжал:

— Для организации забав и потех необходимо завести министерство развлечений.

— Пусть развлечений, — кивнул король. — Лишь бы не правописания!

— Тоже долго думать нечего: министром назначим зампотеха Федю. Пусть устраивает забавы и потехи. Теперь дальше... Все-таки у нас королевство мудрецов. Предлагаю завести министерство мудрости. Министром поставим Ар-

кадиуса, который чуть не изобрел солнечные часы.

— Для формы и это можно, — согласился Мур. — Надеюсь, ничего лишнего этот Аркадиус не изобретет и хлопот с ним не будет.

— Необходимо министерство внешних сношений, — сказал Петька.

— А для какой надобности такие сношения? — осердился король.

— Ну... хотя бы для развития торговли.

— Никакой торговли! Мой бедный папа, которого задрал медведь, часто говаривал: «Дорогой сын! От торговли хиреют и вымирают на свете короли. Кто торгует, тот в короле не нуждается, тому король только лишнее препятствие. Пресекай торговлю и всякий товарообмен, сын мой, и ты доживешь до старости лет в свое удовольствие. Будь здоров». Я не преступлю завета бедного папы.

— Значит, никаких сношений устраивать не будем, — быстро согласился Петька. — Ну, а полицию?

— Уж это-то зачем? — подала голос королева Дылда.

— Дабы выискивать противников мурлындского образа жизни, — объяснил Петька.

— Не стоит заводить, — махнул рукой король Мур. — В таком мудром государстве, как наше, таких болванов просто не может быть.

Вдруг распахнулась дверь, в кухню ввалился широкоплечий житель с красной повязкой на волосах. На плече у жителя был наколот трехмачтовый парусник и слова: «В море — дома».

— Всем привет! — рявкнул житель громчайшим голосом. — Приятного аппетита, ту те ранги матуи!

— Капитан Прунамель, — представил нам король наколотого жителя. — Отчаянный моряк, вот только никак не отучится браниться по-новозеландски. У него есть корабль «Диоген», на котором мы иногда катаемся. В остальное время дуется в карты с матросами...

— О том и речь, тикароа матараи, — перебил король капитан Прунамель. — Колода растрепалась, аху оаху! Валета с королем путаем, от трефовой семерки половинка осталась, а червонная дама вдоль разъехалась по самой середине... Не найдется ли у вас свежей колоды до завтра, ваше величество? Я нынче в Лабазе закажу — завтра возвращу новехонькую.

— Найдется колода, — сказал король. — Только чтоб завтра вернуть! Сейчас схожу...

Король собрался было встать с табуретки, но нахальный Главный советник Петька шлепнул по столу ладонью:

— Опомнитесь, ваше величество! Пусть выдаст министр развлечений!

— Как же быть... — задумался король. — У Феди карт нету...

— А вот как быть, — посоветовал Петька. — Пусть капитан позовет Федю. Вы скажете ему, на каком месте лежит колода, и Федя подаст. Так делают короли в настоящих королевствах.

— Ты мудр, Петька, — сказал довольный король. — Слыхал, капитан, что тебе надлежит сделать?

— Какой-то новый порядок... — Капитан Прунамель потер лоб. — И что это за Петька такой появился, тикароа матараи?

— Не «что за Петька», а Главный советник его величества короля! У нас теперь настоящее королевство, анархии мы не допустим!

Петька вскочил с лавки и выгнул дугой тощую грудь. Лицо капитана вытянулось... Вдруг Петька засмеялся и сказал:

— Не обижайтесь, капитан. Это игра. Все как раньше, только поиграем в настоящее королевство. Я играю Главного советника. Ваше величество, назначьте капитана министром морского флота!

Капитан Прунамель спросил опасливо:

— Значит, порядки прежние? Притеснений не будет?

— Никаких.

— Тогда я согласен и министром!

Король Мур торжественно провозгласил:

— Капитан Прунамель, назначаю тебя министром морского флота.

— Благодарю, ваше величество! — сказал капитан и поклонился.

— Но правила игры надо исполнять, — ехидно прищурился Петька. — За Федей придется сбегать.

— А так как неловко посылать одного министра сбегать за другим, — сказал король Мур, — пускай это сделает мой Главный советник. Ступай, Петька!

— Мне... бежать... за Федей? — Петькины глаза полезли на лоб.

Король развел руками:

— Младше тебя чином никого здесь нету.

Петька выгнул грудь дугой в обратную сторону и поплелся за Федей.

В тот вечер мы еще сделали алебарду и медный шлем для главного стража. Кирюха тут же натянул на голову котелок, вытащил свою лавку из будки, сел на нее и поставил алебарду между колен.

— Вот теперь буду не пускать! — сказал Кирюха.

Вид у него был суровый и внушительный.

Сразу стали сбегаться жители. Слух о новой

забаве неся по Мурлындии со скоростью ракеты. И мы, пользуясь тем, что Кирюха никого не пускал и обеспечивал покой во дворце, принесли свои одеяла в комнату Главного советника Петьки и улеглись спать.

Тетрадь шестая

тром площадь перед дворцом гудела на разные голоса, как расстроенный радиоприемник. Кирюха размахивал алебардой, отражая от дворца слишком любопытных. Лидкин котелок сверкал на нем во-

инственно и грозно.

— Начинается настоящая жизнь! — сказал Петька. Он щурился на утреннее солнышко и потирал руки. — То ли еще будет!

На крыльцо вышел король Мур в золотой короне и длинной мантии. За ночь король повзрослел лицом. Величавое спокойствие черт придало ему значительность и даже красоту. Его величество медленно простер обе руки к солнцу. Жители, как по команде, перестали метаться и прикрыли рты. Наступила такая тишина, что слышно было, как зеленая муха соскребает лапкой с Кирюхиного шлема остатки варенья. Выждав распалюющую ожидание паузу, король Мур произнес:

— О жители! Я подумал и решил, что скучно стало жить у нас в Мурлындии.

— Вообще-то верно, — согласились жители. — А что делать?

— Играть, конечно! — сказал король.

— Во все уже переиграли, — невесело загалдели жители. — Все старое надоело, а нового ничего не видать.

— Есть новое! — провозгласил король Мур, и жители вылупили глаза. — Начнем сегодня играть в новую игру, которая называется «Настоящее королевство Мурлындия». Играть могут все жители, независимо от степени мудрости. Условия игры будут сообщены дополнительно. Соберитесь после обеда. А сейчас я повелеваю остаться Главному коменданту, зампотеху Феде, капитану Прунамелю, охотнику Евтихию, мудрому Аркадиусу и доктору Клизману. Остальные ступайте пока восвояси.

Тут раздался жалобный вопль:

— А я-а-а?

Митька-папуас, расталкивая жителей, пробирался к ограде дворца и махал нам мешком.

— А как же я-а-а? — кричал Митька.

Казалось, что полные слез Митькины глаза смотрят прямо мне в душу. Я сказал самым решительным тоном:

— Надо и Митьку приспособить к делу. Все-таки он делился с нами жильем и пищей. Такого нельзя забывать!

— Надо взять, — сказала Лидка.

— Ну, возьмем, — согласился Петька. — Ваше величество, я вам советую пригласить и Митьку-папуаса...

Вскоре площадь опустела. Главный страж Кирюха уселся на лавку, положил под колено

алебарду и стал надраивать тряпочкой медный шлем.

А мы чинно прошли в тронный зал и расселись по лавкам. Приличного трона еще не соорудили, поэтому король Мур поместился в свое старое кресло с высокой спинкой. Он тут же, по Петькиному совету, назначил Степана Кузьмича премьер-министром. Старик казался довольным. На его строгом лице промелькнуло что-то, похожее на улыбку. Все министры обрадовались новой игре, только доктор и зампотех Федя воспротивились. Они говорили, что даже в игре нельзя нарушать порядок мурлындской жизни. Но Степан Кузьмич только мигнул глазом — и оба примолкли.

Лидку назначили придворной дамой и велели министру развлечений Феде обеспечить арфу. Федя только вздохнул...

Долго придумывали должность Митьке-папуасу. Ни в какие министры он не годился. Выручил доктор. Он предложил:

— Назначьте Митьку заведующим ассенизационно-гигиеническим отделом моего министерства.

Звучный титул Митьке понравился. На этом и порешили.

— Теперь подумаем, куда тебя девать, — покровительственно сказал мне обнаглевший Главный советник Петька.

Я пожал плечами:

— Вроде уже некуда.

Тут подал голос премьер-министр:

— А где же у вас министерство обеспечения, головы садовые?

— Наше обеспечение само по себе существует, — сказал король.

— Сама по себе существует только дурь людская, — возразил премьер. — Все другое требует причины. Для того чтобы случилось волшебство, нужна хотя бы волшебная палочка. В нашем случае — это «спасибо», которое мы говорим волшебнику. Не скажешь спасибо — не будет волшебства. Ходи голодный. Вот вам и обеспечение.

— Убедил, — согласился король Мур. — Миша, назначаю тебя министром обеспечения. Будешь докладывать, как жители собирают муравьев и сколько получают продуктов.

— Ладно, ваше величество. Попробую.

Премьер-министр сказал:

— Процедура часть закончена. Назначаю первое заседание кабинета министров королевства. Ваше величество, не желаете ли высказаться?

Король смотрел мимо нас, в окно, где шумели сосны под ветром, летали вороны и поднимались из-за леса белые, толстобрюхие облака. Казалось, он видит там еще что-то, кроме леса, ворон и облаков. Лицо его было одухотворено и сосредоточено. Король поднялся с кресла, прошелся по тронной зале и запахнул мантию.

— Я не спал ночь, — сказал он. — Я вспоминал, что же рассказывал про настоящую королевскую жизнь мой бедный папа, которого задрал медведь. Папа королем никогда не был, но ему рассказывал дедушка, который слышал от прадедушки, ну а прадедушка был настоящим королем в каком-то королевстве. От него в нашей семье сохранилась золотая корона и эта бархатная мантия на меху, довольно ветхая... Так вот, Петька! В королевской жизни главное не дворцы из двадцати комнат и лакеи. Главное, что короли совершают великие подвиги! Они сокрушают великанов, завоевывают неведомые царства, освобождают из плена зачарованных принцесс и устраивают пир на весь мир. Вот что рассказывал мой бедный папа, которого задрал медведь. Жаль, что я был бестолковым ребенком, невнимательно слушал и многое уже позабыл. Но оставшегося в моей памяти доста-

точно, чтобы я немедленно предпринял решительные действия.

— Ближе к делу, ваше величество, — сказал наглый Петька. — Скоро обед!

Его величество сверкнул глазом и рявкнул:

— Молчи, подданный, когда изволит говорить твой король!

Петька поежился и пробормотал:

— Так мы же играем...

— Иная игра не доводит до добра, — жалобно вздохнул добрый доктор Клизман.

— Р-р-разговор-рчики! — прорычал военный министр Евтихий.

Стало тихо, и его величество продолжал речь:

— Будет и дело... С высоты своего престола я плюю на дворцовый комфорт и прочие мелочи. Желаю совершить подвиг! Хватит забав и развлечений. Федька, я упраздняю твое министерство, а тебя жалую званием придворного шута. Митька, отдай ему колпак!

— Ах, — сказал Митька. Но послушаться не посмел, снял свой колпак с бубенчиком и отдал его Феде.

Бывший министр развлечений, а теперь придворный шут, мрачно принял колпак, положил его на колени и отвернулся.

— Водрузи на башку! — приказал король Мур.

Федя сопел, краснел и не исполнял, а король все выше поднимал подбородок.

— Ну, водрузи, милоч, — ласково сказал Феде премьер-министр.

Степана Кузьмича Федя послушался. Он убрал под колпак нечесанные кудри и, к нашему удивлению, стал выглядеть куда приличнее.

— Далее, — сказал король Мур так же решительно. — Чем у нас занимается министр медпомощи? Доктор, объясните мне!

— Я постараюсь, — откликнулся доктор. — Министерство медпомощи в моем лице оказывает медицинскую помощь заболевшим и пострадавшим жителям, потому что, ваше величество...

Король перебил его, сверкнув глазами:

— В преддверии великих событий, которые ожидают мое королевство, незачем тратить силы на мелочи. Я упраздняю министерство медпомощи, а доктор будет главным лекарем армии генерала Евтихия.

— Слушаюсь, — сказал доктор и втянул голову в плечи.

— А я-а-а-а? — подал голос Митька.

— Что «а я-а-а-а»? — не понял король Мур.

— А я куда же, если нет министерства? — простонал Митька.

— Ах, ты... — Король наморщил лоб. — Будешь собирать поганки, как и прежде!

— А какая моя будет должность? — спросил Митька. — Я не хочу без должности.

— Доктор, придумайте ему должность. Только без права появления при королевском дворе. Проваливай, от тебя клопами пахнет!

— Колпак, колпак-то отдайте! — заплакал Митька.

— Ступай, ступай! — прикрикнул король. — Не простудишься.

Утирая слезы мешком, Митька поплелся к выходу.

А король Мур Семнадцатый продолжал громить кабинет.

— Министерство обеспечения я тоже упраздню. Понимаете, премьер, само слово «обеспечение» припахивает... — Мур брезгливо сморщился, — прогрессом, развитием, переходом в новое качество... Упразднить! Для решения хозяйственных проблем королевства хватит управления по сбору налогов.

— Слово короля — закон для подданных, — сказал Степан Кузьмич. — Миша, станешь теперь директором управления.

— Тоже красиво, — сказал я сокрушенным голосом.

Король Мур совсем зарвался в своем самодурстве.

— Министерство мудрости нам тоже ни к чему, — заявил он. — Предлагаю его упразднить, а мудрого Аркадиуса назначить сапером в армию генерала Евтихия.

Но его величество не на того попал. Аркадиус тут же посадил его в лужу.

— Поиграть мне было бы интересно, скрывать не стану, — сказал Аркадиус. — Но в саперы не пойду. Времени нет. Играйте без меня. На прощанье, ваше величество, задам вопрос: какая будет численность армии генерала Евтихия?

Король сдвинул на лоб корону и брякнул:

— Большая.

— Сколько солдат?

— Сто! — сказал король.

— А позвольте спросить, что такое «сто»?

— Сто, — сказал король, — это когда не считать!

— Теперь я убедился, что вы были бестолковым ребенком, — сказал Аркадиус и направился к двери.

Король Мур опомнился и позвал его:

— Аркадиус, не уходи! Я не буду упразднять министерство мудрости. Ты останешься министром!

Покладистый Аркадиус вернулся и вновь уселся на лавку.

— Без правописания короли обойтись могут, — сказал он, позевывая в кулак. — А вот без мудрости им труба!

— Только не подводи базу... — проворчал король. — Итак, почтенные министры, приступаем к главному. Генерал Евтихий!

Евтихий вскочил с лавки, вытянулся и стукнул пятку о пятку.

— Слушаю, ваше величество! — рявкнул генерал.

— После обеда соберутся жители. Составишь из них армию и вооружишь до зубов!

— Чем прикажете вооружить, ваше величество?

— Дрекольем! — распорядился король Мур. — Чтоб до смерти кого не убили... А министрам и мне, как сознательным, выдай луки и стрелы. Как только армия будет вооружена, пойдем в поход!

— Это куда же? — спросил премьер-министр, глядя исподлобья.

— Завоевывать неведомое царство! — провозгласил король Мур.

— Тебе своего мало? — испугалась королева Дылда.

— Значит, мало! — заявил король Мур.

Придворная дама Лидка шепнула разволновавшейся королеве:

— Это же игра!..

Ее величество успокоилась и отправилась на кухню, потому что близилось время обеда. За ней величаво прошествовала дама Лидка.

После обеда мы вышли из дворца, поглаживая сытые животы. На площади толпились жители, а Кирюха в чищенном медном шлеме махал длинной алебардой, не подпуская их близко к воротам.

— Утихомирьтесь, жители! — заорал Главный советник Петька. — Сейчас его величество вам все расскажет!

Жители утихли, и Кирюха перестал махать алебардой. Его величество король Мур Семнадцатый стал в позу и подробно рассказал жителям, какое теперь у нас будет королевство и у кого из нас какая должность.

— Ловко придумано! — одобрили жители. — Веселая игра!

Потом вышел я и сказал так:

— Каждый житель за право участия в игре будет отдавать в казну королевства десятую долю того, что получит в Лабазе. Это будет государственный налог. Кому жалко, может сидеть дома!

— За интересную выдумку ничего не жалко, последнюю рубаху отдадим! — согласились жители. — Эй, король, говори, что теперь делать?

Король сказал:

— Сейчас генерал Евтихий навербует из вас армию и вооружит дрекольем. Потом двинемся в поход. Завоевывать неведомое царство!

— Ура! — закричали жители. — Давно бы так! Где твоя голова раньше была?

— Нужен случай, чтобы проявить свои дарования, — скромно сказал король.

Армия была набербована и вооружена за два часа. Министр мудрости Аркадиус, пользуясь палочками собственного изобретения, насчитал в войске семьдесят девять солдат.

— А не сто! — гордо сказал он королю.

Королева, Лидка, Степан Кузьмич и Федя в армию не вступили.

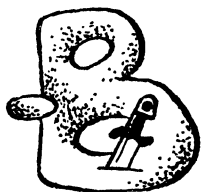
— Мне в походе делать нечего, — сказал премьер-министр. — Мне и в родном государстве делов хватит.

И он опять чуть заметно ухмыльнулся.

Капитан Прунамель тоже захотел остаться, но доктор Клизман увлек его разговорами, а когда капитан стал очень уж упираться, обещал где-нибудь на походном привале научить его играть в покер. Капитан соблазнился и остался при войске. Евтихий выдал ему лук и стрелы.

Министры уговаривали его величество потерпеть до утра, но король загорелся и велел выступать в поход немедленно.

Тетрадь седьмая

перед, вперед, сыны Мурлындии! — воскликнул король Мур, сдерживая поводьями горячего коня. — Нас ждет неведомое царство!

Солдаты потрясали дрекольем. Они тоже орали что-то, но в общем гаме отдельных слов не было слышно. Кроме короля, еще

Петька и Евтихий гарцевали на лошадях. Остальные были пешие, и я в том числе.

Лидка повесила мне на плечо мешок с провизией и сказала:

— Миша, игра игрой, это я понимаю, но ты себя береги. Мало ли что может случиться. Это тебе не дома, где каждый позаботится, если ты собьешься с пути.

— А ты при чем? — удивился я. — Твоя ли это забота?

Придворная дама Лидка опустила голову, махнула рукой и отошла в сторонку. Петька укрощал своего коня, вкушал счастье и ничего этого не видел.

Генерал Евтихий построил войско в колонну по четыре.

— Р-р-р-равняйся! Смирно! — скомандовал он.

Воины застыли, и генерал стал обходить строй, делая замечания.

— Что ты стоишь, как только что вытащенный из-под шкафа? — сердился генерал. — Распрями плечи! А ты что? На весь поход наелся? Убери живот! Гр-р-р-рудь вперед! А ты что? — тыкал он пальцем воину в подбородок.

— А я ничего, — оправдывался воин.

— Наглец, еще оправдывается! — сердился генерал.

Наконец он привел войско в порядок и доложил королю. Мур приказал выступать, и войско двинулось вперед. У каждого воина за спиной была торба с продуктами, а в руке дубина. Строем они умели ходить еще хуже, чем стоять. Во-

ины смешались в толпу, наступали друг другу на пятки, падая и ругаясь. Шум стоял такой, что на войско с сосен дождем сыпалась хвоя.

— Вот что может наделать одно слово, если оно сказано мудрым деятелем, — хвалился Петька, показывая рукой на толпу воинов. — Дома я ничего не мог придумать только потому, что ничего нельзя.

Когда добрались до пограничной канавы, стояла уже глубокая ночь. Измученное войско зевало. Король Мур, освещенный трепетным светом факелов, обратился к воинам с такими словами:

— Сегодня не вышло. Времени не хватило. Но завтра мы непременно перейдем через канаву, отыщем неведомое царство и завоюем. Спите, воины, набирайтесь сил. Нас ждут великие дела!

— Прива-а-а-ал! — скомандовал генерал Евтихий и спрыгнул с лошади.

Воины наломали еловых веток и улеглись спать прямо под открытым небом. Только министр мудрости Аркадиус догадался захватить в поход палатку, довольно искусно сшитую из трех одеял. К нему примазался ночевать король Мур.

— Эх, опередил! — пожалел Петька.

— Посоветуй королю расставить на ночь часовых, — сказал я ему.

— А зачем?

— В походе полагается. Вдруг ночью будет нападение?

— А кому нападать-то?

Подумали и решили, что нападать здесь на нас некому. Да и вряд ли кто из жителей согласится стоять ночь в карауле.

Лагерь быстро угомонился, жители улеглись спать и огласили окрестность громким храпом. Только доктор Клизман ушел гулять во тьму, никому ничего не сказав. Мне это не показалось очень уж странным: старички часто страдают бессонницей. Я лег на еловые ветки, прижался спиной к Петькиному животу и заснул, не дождавшись возвращения доктора.

До чего же велика сила всякого дурацкого психоза!

Ночью мне приснилось неведомое царство. Наше войско шло по каменистой равнине среди зверского вида кактусов. Только вооружены мы были мечами, щитами и копьями. На всех воинах плащи и медные шлемы, а на плащах изображен золотой муравей, увенчанный короной короля Мура. И вот впереди на холме высятся зубчатые стены и могучие башни с флюгерами и флагами, а под запертыми воротами написано золотом: «Неведомое царство».

И будто король Мур говорит мне, потирая руки:

— А ты сомневался! Вот сейчас завоюем неведомое царство — и назначу Петьку вице-королем. А тебе фиг!

Мне обидно стало, просто жуть.

И будто король Мур командует:

— На приступ, сыны Мурлындии!

И тут началось столпотворение: Митька-папуас стучит в барабан, генерал Евтихий дует в

трубу, войско кричит «ура» и бежит на приступ, а со стен неведомого царства летят в нас камни, камни и камни... Один камень, громадный, как тыква, угодил мне в плечо. Я закричал от боли — и проснулся.

Темноту ночи прорезали в беспорядке мечущиеся факелы. Жители бегали и вопили, а со всех сторон летели в нас увесистые камни.

— Нападение! Нападение! — кричал Петька. — Миша, кто же это?

— Лабаз его знает! — выразился я. Очень болело ушибленное плечо. — Не все так просто в Мурлындии, как сперва кажется.

Камень попал мне в грудь. Я совсем разозлился, нашел на земле несколько камней и стал швырять их в темноту. Мне показалось, что один камень угодил в живое. Я даже услышал крик боли.

— Так и надо! — крикнул я во тьму.

Мы пошли к палатке, расталкивая обезумевших от страха воинов. Там министр мудрости обматывал тряпкой раненую голову короля. Король Мур стонал. От его воинственности не осталось никаких следов. Увидев меня, он сказал:

— И зачем мне понадобилось это неведомое царство?! Что, мне дома компота не хватало, что ли? Главный советник! — заорал он на Петьку. — Что это такое творится?

— Я думаю, что нападение противника, ваше величество, — пробормотал Петька.

— Тогда советуй, что делать!

Камень попал мне в спину, и я присел на корточки от боли. Другой камень свалил с ног Петьку. Он завыл и сунул голову под палатку.

— Удирать надо, — мудро посоветовал Аркадиус. — Пробираться лесом до дому.

В короле вдруг заговорила совесть.

— Как же я оставлю подданных? — спросил он.

— Подданные раньше вас разбежались, — сказал Аркадиус. В самом деле, жителей вокруг нас оставалось уже очень мало. — Пригнитесь — и бегом к лесу!

На прощанье я запустил в темноту еще несколько камней, и мы ринулись в лес. Крики нашего рассеянного войска становились все тише и глуше. Наконец они и вовсе умолкли.

Только зловеще стонал ветер в верхушках деревьев и где-то поблизости ухала сова, как бы предвещающая беду. Тьма была такая, будто глаз у тебя вовсе нету. Мы брели, спотыкались и наконец остановились.

— Теперь куда? — спросил король Мур, прекратив на время свои стоны. — Я не знаю дороги. Главный советник, а?

— Я советую идти в сторону дома, — сказал Петька. — А где эта сторона, спросите у министра мудрости. Это по его части.

— Дурак! — выразился король Мур кратко и решительно. — Упраздняю!.. Аркадиус, миленький, ты что-нибудь сообразил?

— Терпение, — отозвался Аркадиус. — Видите, на звезды гляжу.

— Тихо жили, мирно жили, — причитал король Мур. — А тут на тебе. Игру придумал! Это же не игра, а побоище смертное... Может, кого и вовсе убили. Смотри, Петька! В два счета выставляю из Мурлындии.

Тут Аркадиус скомандовал:

— Идите за мной, я уже прикинул. И держите друг дружку, чтобы в темноте не растеряться!

Мы двинулись гуськом, ухватившись за подолы рубах. Спотыкались об корни, падали, спотыкались опять и опять падали, поднимались, шли дальше. На лице оставалась липкая лесная паутина, ветки хлестали по глазам. Я плотно закрыл их — все равно ничего нельзя было увидеть. Как Аркадиус угадывал направление, это

уж его дело. Вдруг он остановился. Мы все ткнулись носами в спины друг другу.

— Огонек! — сказал Аркадиус.

— Костер? — спросил Петька. — Тогда пойдем погреемся...

— Не костер, — сказал Аркадиус. — Похоже, что окно.

Я пригляделся. Не очень далеко от нас светилось между деревьями окошко.

— Что это может быть? Откуда здесь дома? — удивился я.

— Не знаю, — сказал Аркадиус. — Все равно, пойдем, посмотрим.

Небольшого количества света, падавшего из двух окон, хватило, чтобы привыкшие к темноте глаза разглядели приземистый домик под

крышей в один скат, с поломанной приступочкой у покосившейся двери. Вокруг дома торчали остатки изгороди.

Вдруг король Мур рухнул с тяжким рыданием. Левой рукой он снял с головы корону, а правой стал рвать волосы. Мы были потрясены таким бурным выражением горя.

— Я узнал его... Я узнал этот дом!.. — проговорил король Мур сквозь всхлипы. — Это бывшая охотничья хижина моего бедного папы, которого задрал медведь. Здесь папа испустил последний стон. С тех пор никто и никогда не ходил на это печальное место. Отчего же свет в окнах?

— Может, там лешие собрались? — предположил Петька.

— Как не стыдно верить в такую чепуху! — сказал король. — На свете нет ничего сверхъестественного, кроме волшебника Лабаза. Я слышу какие-то звуки... Там кричат, плачут и поют песни.

— Может, там разбойники? — сказал Петька.

— Это ближе к истине, — согласился Аркадиус.

— Никогда у нас не бывало разбойников, — возразил король.

— Времена меняются, — заметил Аркадиус. — Подкрадемся к окнам и заглянем!

Мы подобралась к домику и приникли носами к мутному, потрескавшемуся стеклу. Петька оказался прав — за столом сидели пятнадцать разбойников в черных плащах и черных масках. Они пировали и веселились. На столе перед

ними лежал жареный баран, стояли бочонок с пивом и бутылки. Отрезав кусок мяса, разбойник втыкал свой ужасный кривой нож в столешницу. Потом он совал мясо в рот и запивал прямо из горлышка. Почти у всех из-под масок спускались на грудь длинные бороды. Нам стало страшно, а еще больше мы задрожали, когда услышали, что они говорят.

— Здорово мы расправились с этим босяцким войском! — сказал один разбойник, вытащив изо рта горлышко бутылки. — Теперь у Мура надолго пропадет охота завоевывать неведомые царства!

— Она бы у него и не появилась, — добавил другой разбойник. — Это новенький житель Петька разворошил в его груди королевские чувства. Я этому Петьке попал камнем прямо в грудь.

— Все хорошо, — сказал третий разбойник, длинный, тощий и без бороды. Он держался среди прочих как старший. — Но какой же негодник угодил камнем в голову начальника?.. Доктор сказал, что вряд ли он выживет, а работать определенно не сможет.

— Не волнуйся, Стропила! Найдут другого, не хуже, — сказал первый разбойник и опять сунул в рот горлышко бутылки.

Король Мур потряс Аркадиуса за плечо и спросил шепотом:

— Не понимаю, что за жители... Как думаешь, мудрый Аркадиус?

Аркадиус покачал головой и ответил:

— Есть много вещей на свете, ваше величество, которые непонятны даже мудрецам.

Я спросил короля:

— В настоящее королевство будем еще играть?

— А ну его в канаву, — выразился король Мур. — Нет у меня желания совершать подвиги. Знаешь, Аркадиус, я не считаю себя очень уж мудрым, но порой под мою золотую корону забредают ценные мысли.

— Какая же мысль сейчас забрела вам под корону? — поинтересовался мудрый Аркадиус.

— Кто ничего не выдумывает, того не бьют камнями! — сказал король самоуверенным тоном.

— Пожалуй, верно, — согласился Аркадиус. — Надо запомнить.

В эту секунду сильная жесткая рука зажала мне рот. На голову накинута черную тряпку. Я стал вырываться, но меня скрутили и подняли в воздух. Заскрипела дверь, и я понял, что меня внесли в дом, где пировали разбойники.

— Черт их сюда занес, — услышал я приглушенный голос. — Что теперь с ними прикажете делать?

Меня поставили на ноги и сдернули с головы тряпку. В глаза ударил резкий свет электрических фонарей. Разбойники сидели за столом и смотрели на нас четверых, стоявших рядом у двери. Глаза их сверкали из-под черных масок.

— Как не стыдно, — сказал длинный и безбородый разбойник, которого называли Стропилой. — Такие почтенные жители, с королем во главе, и заглядываете в окна.

— Простите, пожалуйста, — сказал Петька. — Мы больше не будем.

— Простить? Ха! — сказал Стропила. — У нас такое преступление не прощается.

Аркадиус высказался:

— Любопытство — это, конечно, свинство, но не преступление.

— Вот за свинство мы и предадим вас жестокой казни! — сказал Стропила. — Через... допустим, повешение. Кикимор, волоки сюда веревку! — скомандовал он коренастому и очень бордатуму разбойнику.

— Разбойнички, милые, опомнитесь! — сказал король Мур. — Все-таки надо считаться с тем, что я единственный король на всю Мурлындию. Если вы меня предадите казни через повешение, страна осиротеет.

— По-вашему, мы, значит, разбойники? — спросил Стропила.

Между тем Кикимор принес толстую длинную веревку.

— А кто же? Я много слышал про разбойников от своего бедного папы, которого медведь задрал на этом самом месте, — сказал король Мур. — Бывало, что короли попадались к ним в лапы, но никогда они королей не убивали. Разбойники брали за них выкуп.

— В этом есть резон... — задумался Стропила. — Только какой с тебя, голодранца коронованного, возьмешь выкуп?

— Корону с него снять, — подсказал Петька. — Она золотая!

— Тоже мне сокровище! — скривился Стропила. — Я предпочитаю мягкие шляпы.

— Крепко сказано: мягкие шляпы! — повторил бородатый Кикимор.

— Мы очень жестокие разбойники, — сказал Стропила. — Пожалуй, мы вас все-таки повесим. Вяжи их, Кикимор!

Свирепый Кикимор связал нас по рукам и ногам. Петька рыдал. Аркадиус усиленно думал. Король Мур приготовился принять смерть с королевским достоинством и следил только за тем, чтобы не перекосилась на голове корона.

— Послушайте-ка, уважаемые разбойники, — сказал связанный Аркадиус ровным голосом, в котором не чувствовалось и признака боязни. — Я не знаю, в каких отношениях находитесь вы с Лабазом, и не собираюсь об этом задумываться...

Разбойники насторожились.

— Но я уверен, — продолжал Аркадиус, — что если вы нас вздернете, то огорчите волшебника. После этого от вашей шайки останутся только клочья бороды Кикимора!

Разбойники засунули ножи за пояса, стали в кружок и посовещались. Потом Стропила подошел к нам и сказал:

— Времени на вас нету. И так зачахнете от голода!

Опрокидывая лавки, разбойники вышли из дома, а мы остались, связанные, на полу. Петька перестал рыдать и облизнулся:

— Сколько еды оставили! Надо скорей развязываться!

Но свирепый Кикимор затянул нас такими узлами, которые не поддавались даже крепким Петькиным зубам.

— Лучше уж сразу быть повешенным, чем медленно чахнуть от голода, — сказал Петька, всхлипывая.

— Не наводи уныния, — сказал Аркадиус и пополз к двери.

Он стал тереть веревку, связывавшую руки, о край доски.

— Нет пределов твоей мудрости, Аркадиус! — сказал король.

Примерно через полчаса работы веревка перетерлась. Аркадиус смахнул со лба капли пота, вынул из моего кармана знаменитый нож и освободил нас от пут. Первым делом мы наелись. В бутылках разбойники, правда, ничего не оставили, но конфет, мяса, печенья и яблок было вполне достаточно.

— Хорошо едят разбойники! — позавидовал король Мур. — Не родись я королем, пошел бы к ним в шайку.

— От такой пищи и верблюды не откажется, — сказал Аркадиус.

За окном уже светало.

— Может, поиграем в разбойников? — предложил повеселевший от конфет Петька.

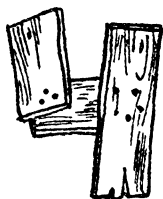
Король Мур бросил на него презрительный взгляд.

Подкрепившись разбойничьей пищей, мы поплелись домой через дремучий, пахнущий гнилью мурлындский лес. Вскоре мы уже были в Мудросельске.

— Будем жить тихо, мирно, в свое удовольствие, — повторял король Мур Семнадцатый. — Кто ничего не выдумывает, того не бьют камнями!

Тетрадь восьмая

Через три дня все забылось. Единственным напоминанием о Петькиной затее остался медный шлем на голове у Кирюхи (алебарду король у него отобрал, и я снова превратил ее в топор). Да еще Главный комендант Степан Кузьмич в ту ночь свалился с крыши, здорово стукнулся головой и теперь лежал в постели не поднимаясь. Говорил он с трудом и

дышал тяжело. У меня появлялись сомнения, что не с крыши свалился Степан Кузьмич, но я не давал им воли...

— Кого же теперь назначить Главным комендантом? — беспокоился король Мур. — У нас дураков нет работать...

Жители продолжали заниматься мелкими делюшками и развлекались по способности. А мне вдруг стало скучновато в Мурлындии. Хотелось что-то выдумать — радостное, как мир, который видишь, проснувшись ранним летним утром... Пусть даже за это побьют камнями.

Король, конечно, прогнал Петьку из дворца, нам пришлось перебраться к Митьке-папуасу. Лидка сказала:

— Мальчики, пора строить дом. Не жить же все время у Митьки!

Митька был рядом и учил ежика ходить на задних лапах. Возражать он не стал, и мы поняли, что поднадоели...

— Пора, — без восторга согласился Петька. — Никуда не денешься. Предлагаю строить круглый, как у Митьки.

— А круглый дом трудно построить? — спросил я.

— Легче легкого! — сказал Митька, спрятал ежика в мешок и приступил к объяснению: — Начинаешь с того, что рисуешь на земле круг. Потом через каждые три шага забиваешь по колу. Потом натаскаешь длинных веток, сплетишь между кольями плетень, оставив в нем пять дырок: одну для двери и четыре для окон. А дальше — совсем пустяки: намесишь глины с травой

и обмажешь стены. Поставишь сверху крышу. Как делать крышу, я потом расскажу. Боюсь, что сразу ты всего не запомнишь.

Ранним утром Лидка сказала:

— Ну, начинаем!

— Сперва искупаемся, — хотел оттянуть это дело Петька.

— Я тебе не приказываю, — сказала Лидка, — но мы с Мишей одни построим дом и будем в нем жить. Тебя не пустим!

Если бы эти слова сказал я, Петька стал бы артачиться, но Лидку он слушался беспрекословно. Он нарисовал круг и насчитал в нем тридцать шагов.

— Значит, надо вырубить в лесу десять кольев, — сказал Петька.

— Не будем мелочными, — возразил я. — Забьем по колу через каждые два шага. Легче переплетать ветками, а во-вторых, ты же видишь, как Митькины стенки шатаются. В общем, ты как специалист по копанию выроешь пятнадцать ямок. А мы пойдем рубить колья.

— Опять мне самая тяжелая работа! — возмутился Петька. Всегда он считал доставшуюся ему работу самой тяжелой. — И я хочу рубить!

Мне надоело все время с ним спорить. Я попросил:

— Лида, скажи!

— Петя, так надо! — сказала она.

Петька покорно взял лопату, а мы пошли в лес. Срубали тонкие елочки и очищали стволы от сучьев. За три приема мы перенесли на поляну все колья. Тем временем Петька вырыл

пятнадцать ямок, упарился и лег на траву отдыхать. Я вкопал колья в землю, но они шатались и вели себя подозрительно. Надеяться на их устойчивость было нельзя. Пораскинув мозгами, мы срубили пятнадцать жердей и приколотили их к верхним концам кольев. После этого наша конструкция стояла совершенно незыблемо. Зато прошел целый день, а руки и спины ныли, как после сдачи норм на значок БГТО. Едва хватило сил развести костер. Я спросил:

— У Митьки спим или здесь? Как-никак, у нас три одеяла.

— Крыша важнее, — сказал Петька. — От нее самое тепло.

— А я за то, чтобы спать в своем доме, — сказала Лидка.

— Предлагаю расчистить пол и натаскать травы, — поддержал я Лидку. — Обойдемся пока без крыши.

— Предупреждаю, ребята: дом это последнее, к чему я прилагаю руки! — сказал Петька. — Докончим его — и станем жить в свое удовольствие, без всякой работы!

С этим мы согласились. Кто же откажется жить в свое удовольствие? Поди сыщи такого дурака на свете...

Целых два дня мы ничем другим не занимались, а только носили из лесу длинные ветки и заплетали их между кольями. На второй день Петька стал тереть поясницу и грозить, что наплюет на нас и уйдет жить к Митьке-папуасу.

— Раз в жизни попал в страну, где все можно, а приходится с утра до ночи трудиться, вместо того чтобы развлекать себя легкими и приятными забавами, — стонал Петька. — Хочу, наконец, сесть посреди улицы и сыграть на гитаре «Во саду ли в огороде»!

Но чувство еще удерживало его. Петька был влюблен в Лидку до неприличия. Он покорялся ей во всем.

— Мы должны достроить дом и жить по-человечески, — повторяла Лидка. — Ведь мы не какие-нибудь жители...

Плетень наконец соорудили. Но прежняя работа показалась нам детской забавой, когда начали месить глину и обмазывать стены. Тяжело вспоминать, какие мы были грязные, измотанные и злые.

И Петька не выдержал: он швырнул лопату, плюнул и пошел разыскивать Митьку-папуаса. Когда мы, проработав день, легли без ужина спать, я услышал, что Лидка плачет.

— Ты чего это?

Она редела и не отвечала. Мне стало жалко Лидку. Работала она наравне с нами — значит, уставала больше. Как-никак, она слабее нас, мальчишек. А тут Петька устроил предательство... Я подвинулся ближе к Лидке, погладил ее по голове и сказал:

— Ну, не рыдай, Лидочка. Вернется твой Петька, никуда он не денется. Неужели он нас на Митьку променяет? Он же наш парень!

— Я понимаю, что в Мурлындии все можно, — сказала она, всхлипывая. — Только ведь нигде нельзя бросать товарищей!

Она опять заревела. Я гладил ее по голове и говорил:

— Лидочка, милая, не плачь, пожалуйста. Никто тебя не бросил, просто Петя устал и пошел отдохнуть. Ведь он не очень сильный. Помнишь, он хотел тебя понести и уронил? Ему надо прощать.

Лидка перестала рыдать и спросила:

— А почему ты меня тогда не понес, если ты очень сильный?

Я удивился такому нахальству и сказал:

— Не хотелось. С чего бы это я тебя носил?

— Не хотелось, так перестань гладить меня по голове. Слышишь?

Реветь она кончила, спать не мешает. Я отодвинулся, пожелал ей спокойной ночи, ответа не дождался и заснул.

Утром вернулся Петька. Он был какой-то пришибленный, вилял спиной и глядел в сторону. Он принес нам от Митьки лепешку и жареную сороку.

— Это не сорока, а рябчик! — клялся Петька.

Мы давно уже не собирали муравьев, а только строили дом. Продукты наши кончились. Пришлось поверить Петьке и съесть птицу.

Петька очень стыдился. Он набросился на работу, как на блюдо с клубникой. В тот день благодаря его усердию мы закончили обмазывать стены. На радостях разожгли костер и плясали вокруг него, как дикари, вернувшиеся с удач-

ной охоты. Прекрасный дом, построенный нашими руками, стоял на месте, которое недавно было пустой поляной! Честное слово, он получился как настоящий!

Еще два дня провозились с крышей и перегородкой, потому что решили устроить в доме две комнаты: одну нам с Петькой, другую — Лидке. Стены вскоре просохли. Я сходил проведать Степана Кузьмича, а заодно попросил у него голубой краски.

— Возьми за шкафом, — сказал Степан Кузьмич слабым голосом и долго смотрел на меня внимательными глазами.

Наш домик стал голубым, как небо. Крышу мы покрыли свежей травой. Дверь я сколотил из коричневых еловых стволиков.

— Чего-то не хватает... — сказала Лидка. — Нет выдумки. Дом как дом. Ничего оригинального. Может, нарисовать что-нибудь на стенах, как у Митьки?

Митькины стены были разрисованы разными невозможными в природе зверями. Самым обыкновенным был крокодил с крыльями...

— Выдумаем что-нибудь свое! — сказал Петька и пошел думать.

Через некоторое время он притащил кусок белой жести. Петька вырезал из жести жуткую рыбу с длинным хвостом и насадил ее на палку так, чтобы она могла свободно вращаться. Получился флюгер. Он установил его на крыше, и с флюгером дом приобрел, наконец, законченный вид. Петька спросил:

— Ну, как теперь?

— Это почти оригинально, — сказала Лидка.

Петька отошел, почесывая затылок: гадал, похвалила его Лидка или нет...

На следующее утро, едва взошло солнце, нас разбудил Митька.

— Поздравляю с новосельем! — кричал папуас. — Видите, какгодились мои мудрые советы! А что это за селедка торчит у вас на крыше?

— Флюгер, — сказал Петька.

— Как-как?

— Штука, которая показывает направление ветра, — объяснил Петька. — Понимаешь, ветер дует, и...

Разобравшись в назначении мудрого прибора, Митька ахнул:

— Неужели сам придумал?!

— Конечно, сам! — соврал Петька. — Ты, что ли, мне помогал? Притащи-ка лепешку по этому случаю. А то у нас ничего нет.

— Что — лепешку! — закричал Митька. — Да за такую выдумку я тебе сейчас пирога с вареньем достану!

Он бросил наземь свой мешок для поганок, подхватил под мышку ученого ежика и помчался.

Мы помылись, прибрали постели, вскипятили воды на костре. Митька-папуас все не возвращался. Мы почти перестали надеяться на пирог с вареньем.

— Голодно, — вздохнула Лидка. — Еще чуть-чуть подождем да пойдем собирать муравьев. Хоть завтра получим поесть...

Лидка села на камень, пристроила зеркальце и стала расчесывать волосья. Петька лег на спину и от переутомления задремал. Я принялся мастерить стул из обломков стройматериалов.

Я первый заметил, что вдали показалась процессия. Впереди шла лошадь и тащила телегу. На лошади восседал король Мур Семнадцатый, а в телеге ехала его королева Дылда.

Сзади двигались пешие жители: доктор Клизман, Митька с ученым ежиком на плече, замполтех Федя с патефоном и охотник Евтихий. Закрыл шествие сторож Кирюха в оранжевом мундире с эполетами и медным шлеме.

Я отставил недоделанный стул и толкнул Петьку:

— Кончай храпеть, к нам гости!

— Ой, я так и не успела причесаться! — воскликнула Лидка таким голосом, будто случилось непоправимое горе. — Как же принимать гостей в таком виде?!

Король Мур ловко спрыгнул с лошади, подошел к нам и сказал:

— Что же вы не пригласили нас на новоселье? Нас все приглашают.

— Простите, ваше величество, — сказал я смущенно. — У нас угощения нет. И мебели нет, сесть не на что.

— Нашел беду! — сказала с телеги королева Дылда. — На травке даже приятнее сидеть, чем на мебели. И насчет угощения не беспокойся. Мы всегда в гости со своим угощением приезжаем. Эй, Федя! — крикнула она зампотеху. — Снимай с телеги угощение! Ставь самовар!

Федя положил патефон на траву, взял с телеги узел и отнес к нашему костру. Митька приволок самовар. Королева сошла с телеги, и лошадь отправилась в поле пастись.

Петька обнюхал королевин узел и нахально развязал его. Он потер руки, подмигнул правым глазом и заявил:

— Что хотим, то и делаем! На то она и Мурлындия!

Он ухватил бублик и сунул в рот. Я не успел дать ему за это по шее, потому что король Мур попросил меня показать дом. Я показал весь дом изнутри и снаружи. Гости похвалили.

А Лидка, которой не давал покоя вопрос о клопах, спросила:

— Доктор, ну откройте вашу тайну! Зачем вы заказываете Митьке клопомор? Я сколько уже дней живу в Мурлындии, а меня еще ни одна букашка не укусила.

Доктор смутился и попытался увильнуть от прямого ответа:

— Наверное, ты для букашек невкусная.

— Ну, серьезно! — взмолилась любопытная Лидка.

— Подойди поближе, — доктор поманил Лидку пальцем. — Скажу тебе по секрету, только Митьке не передавай.

Я прислушался. А Петька уже жевал пятый бублик, и ему было все равно.

— Я клопомор в яму выливаю и землей закапываю! — сказал доктор.

— А зачем? — удивилась Лидка.

— Из соображений санитарии и гигиены, — объяснил доктор. — Чтобы Митька очищал леса от поганок и жители не травились ядовитыми грибами. Теперь в лесу редко поганку встретишь. Чуть она вырастет, Митька ее сразу срывает. А если бы я его просто так, по-дружески попросил поганки рвать, он не нашел бы в этом ничего оригинального и не стал бы.

— Это очень мудро! — сказала Лидка.

На щеках доктора выступил румянец. Наверное, от удовольствия.

Митька с Евтихием принесли воды и растопили самовар. Зампотех Федя наладил свой любимый патефон. Королева Дылда и Лидка разостлали на траве тряпочку и красиво расставили привезенное угощение.

— Вот это я понимаю! — приговаривал Петька. — Это настоящая жизнь! Да здоровствует Мурлындия, страна мудрецов!

— Ах, какая я растяпа! — воскликнула королева Дылда. — Хотела взять бублики и забыла! Как жалко...

— Это Петька слопал бублики! — выдавала Лидка. Она все еще не простила Петьке, что он тогда ушел. — Петька у нас обжора!

Но королева не рассердилась, а обрадовалась:

— Вот и прекрасно! А то я думала, что забыла... Ваше величество, опять ты снял корону! — крикнула она своему королю, который забавлялся с ученым ежиком. — И садитесь к скатерти, уже готово!

Петька столько лопал, что живот его раздувался прямо на глазах. Зампотех Федя играл нам на патефоне веселую музыку. Евтихий, наевшись пирогов с вареньем, натянул свой лук и подстрелил сороку с первого раза. Мы тоже попробовали, но наших стрел сороки даже не заметили. Подстреленную птицу Митька выпросил себе и отнес домой, благо было недалеко. Лидка задумалась и спросила у доктора:

— Доктор, а сорок можно кушать? От них не отравишься?

— Можно, — сказал доктор. — Сороки не вредные, а только противные. Если не знаешь, что это сорока, так и совсем хорошо.

Мы плясали под патефон, качались на качелях, пели песни и играли в чехарду. Я еще никогда в жизни не прыгал на спину королю. А теперь вот пришлось... Повеселились мы хоро-

шо, от всей души. К вечеру разошлись, договорившись пойти завтра на сорочью охоту.

Ложась спать, я думал, когда же мы наловим желтых муравьев, когда пойдем в пещеру и почему Петька никак не попросит у волшебника гитару? Да, в стране, где можно делать все что хочешь, вдруг появляется столько забот, что гитару попросить некогда...

Тетрадь девятая

ак мы и не ходили собирать муравьев. Кормились мы то у королевы на кухне, то по старой привычке у Митьки-папуаса. Евтихий обеспечил нас луками и стрелами. В первую охоту мы убили двенадцать сорок. Даже Лидка одну подстрелила. Битую птицу Евтихий развешивал на ограде королевского дворца. Чем больше сорок висело на ограде, тем лучше становилось настроение у короля Мура Семнадцатого.

— Никакого неведомого царства не надо! — восклицал король, поднимая застреленную сороку. — Делал бы Евтихий достаточно стрел да варила бы моя королева побольше компоту!

Однажды Лидка упросила нас оставить оружие дома и пойти в лес за ягодами. Пройдя лес насквозь, мы вышли на берег моря в таком месте, где еще ни разу не были. В маленькой бухточке покачивался на волнах парусный корабль. Паруса его были спущены и привязаны к

мачте, черный якорь лежал на песке. Около него сидели на корточках капитан Прунамель и два жителя в трусиках. Они дулись в карты и заметили нас, когда мы подошли совсем близко.

— Полундра! — сказал капитан. — Его величество со свитой, ту те ранги матуи!

Король пожал ему руку и сказал:

— Знаешь, любезный, я не считаю себя очень уж мудрым, но именно в эту минуту под мою золотую корону забрела ценная мысль.

— Поздравляю, ваше величество! — торжественно произнес капитан Прунамель. — Вы мне расскажете, что это за мысль, или предпочтете сохранить ее в тайне?

— Расскажу, любезный. Зачем же таить ценные мысли!.. Твой «Диоген» в порядке?

— Всегда готов выйти в море! — доложил капитан Прунамель.

— Тогда попроси матросов поставить паруса. Прокатимся на остров Высшей Мудрости, — сказал король Мур. — Давно я там не бывал.

— Матросы! Карты бросить, якорь на палубу тащить, паруса ставить! — скомандовал капитан Прунамель басом.

Матросы побежали исполнять приказание, а доктор сказал нам:

— Повезло! Король почти никого не возил на остров Высшей Мудрости. Я сам был там только раз, очень давно.

В подтверждение этих слов король сказал Митьке-папуасу:

— А ты не востришь, не востришь со своим ежиком. Тебя не возьму. Иди собирай поганки, любезный!

Митьке пришлось пойти прочь.

Матросы поставили паруса, отпихнулись от берега шестами, и «Диоген» поплыл к острову, который темным пятнышком виднелся на самом горизонте. Король сел на палубу, подставил солнцу печальное лицо и закрыл глаза.

— Мало того, что в Мурлындии можно делать все, что хочешь, — говорил Петька восхищенным голосом. — Здесь еще преподносят сюрпризы в виде морской прогулки на парусном корабле! В какой еще стране возможно такое счастье?! Капитан, — сказал он нахально, — я хочу постоять за штурвалом!

— Весьма сожалею, — ответил капитан Прунамель, — но штурвал у меня только один. Я сам хочу за ним стоять.

Петькин номер не прошел.

— Ладно, — сказал он. — В другой раз, когда вам расхочется.

— Скажите, доктор, — спросил я, — а что это за остров такой? Почему «Высшей Мудрости»? Там жители мудрее, чем в Мурлындии?

Доктор ответил с глубоким почтением:

— Там не жители. Там проживают высшие мудрецы! Да такие мудрецы, каких и в древней Греции не водилось. На острове образ жизни, к которому мы стремимся, доведен до идеала. Там живет сам Главный мудрец! — доктор прищурился и поднял указательный палец.

Остров оказался небольшим и лесистым. Между морем и лесом тянулась узенькая песчаная полоска. На песке неподвижно лежали вышедшие мудрецы — бородатые, нечесанные и совсем не одетые. Даже набедренная тряпочка была не у каждого. Когда «Диоген» ткнулся носом в берег, они приподняли головы, взглянули и снова позакрывали равнодушные глаза. Тишина, стоявшая на острове, поразила меня.

Доктор угадал мои мысли и сказал:

— Только неразвитые дикари толпой сбегаются к каждой посудине, которая причаливает к берегу. Мудрец не выходит из состояния покоя при таком незначительном в мировых масштабах событии.

— Они совсем ничего не делают? — поинтересовался Петька.

— Ловят рыбу, собирают ягоды, грибы, желтых муравьев, — сказал доктор. — Каждый вечер три мудреца приезжают на материк, оставляют в Лабазе муравьев и забирают пищу. Потом едут обратно.

— А дома они строят? — спросила Лидка.

Доктор покачал головой:

— Это не соответствует правилам высшей мудрости.

— Знал бы я, что в Мурлындии есть такой остров, так сразу бы сюда поехал, — заявил Петька. — Не пришлось бы с вашим домом уродоваться. До сих пор спина гудит!

Петька мне до смерти надоел со своим отвращением ко всякой работе. Я сказал ему вполне серьезно:

— Можешь оставаться. Никто тебя назад не тянет.

— Лидочка, останемся на острове? — ухватился за мысль Петька.

Лидка отказалась:

— Я не могу на улице жить. Уж я такая... немудрая.

Петька вздохнул и прекратил разговор. Чувство к Лидке пока еще поддерживало в нем энергию жизни.

Капитан Прунамель проверил, хорошо ли матросы закрепили канат, потом посмотрел на высших мудрецов и сказал укоризненно:

— Король приехал, а им хоть бы хны, ту те ранги матуи!

Некоторые бородатые пооткрывали по одному глазу, но большинство даже не шелохнулось. Только один потрудился раскрыть рот:

— Какая ему, дураку, охота была через море тащиться?

— От дурака слышу! — обиделся король Мур.

— Не расстраивайтесь, ваше величество, — сказал капитан Прунамель. — Он мудрец, блока ему в бороду! Что с него требовать?

— Мог бы вести себя повежливее... — проворчал король. — Итак, любезные спутники, пойдем к Главному мудрецу. Послушаем его мудрые речи. Поучимся высшей мудрости жизни.

— Не пойду! — отказался Петька. — Я и без речей вижу, в чем высшая мудрость жизни!

Он бухнулся на песок и подставил живот солнечным лучам.

Мы впятером пошли на холм, где проживал Главный мудрец. Глубочайшая тишина стояла на острове. Иногда начинала чирикать птичка, но тут же смолкала, испугавшись собственного голоса. Мы видели по дороге два жиденьких шалашика, а больше никаких следов человеческого обитания не встретили.

Главный мудрец, долговязый, бородатый и давно не чесанный, лежал в маленькой, совсем открытой пещерке на тощей подстилке из сушеных водорослей. Он положил руки под голову и внимательно смотрел, как в паутине над ним паук душит муху. Мы прекратили разговоры, подошли к пещере на цыпочках и почтительно замерли. Король Мур снял корону, протер рукавом, водрузил на голову и сказал:

— Привет тебе от жителей Мурлындии, Главный мудрец. Как ты здесь на острове поживаешь?

— Помаленьку, — откликнулся Главный. — Лежу, мыслю. Поучаю. А вы как? Продолжаете пасти лошадей, строить дома и варить компот?

Король Мур смутился и стал оправдываться:

— Лошадей уже не пасем! Лошади сами пасутся, прямо в упряжке. А дома строим... Такие уж у нас жители — любят иметь над головой крышу. Новенькие пришли, так сперва обходились, а потом все равно смалодушничали. Построили себе жилище...

Вопрос о компоте король оставил без ответа.

— Некому с вами заняться, внушить правила, убедить, — покачал головой Главный мудрец. — Обременяете вы себя имуществом, домами, привычками... Это сковывает разум, отвлекает вас от углубления во внутренний мир. Житель, имеющий дом и обожающий сладкий компот, никогда не постигнет высшей мудрости жизни.

— А в чем высшая мудрость? — спросила любопытная Лидка.

— В равнодушии и пренебрежении, — быстро ответил Главный. — Ничего не люби, ничего не храни, ни к чему не привязывайся. Не имей потребностей. Не имей желаний. Углубляйся в свой внутренний мир и совершенствуй духовный облик. Ты любишь есть вкусную пищу...

— Люблю, — призналась Лидка. — А как вы догадались?

— Это заметно, — подмигнул Главный. — Когда ты не имеешь такой пищи, тело начинает страдать, угнетая дух.

— Бывает, — вздохнула Лидка.

— Ты не можешь думать о высоких материях, а думаешь только о том, где добыть вкусную пищу. Хорошо ли это? — спросил Главный.

— Наверное, нехорошо, — потупила Лидка глаза. — А что делать?

— Научись удовлетворять аппетит ягодами, рыбой, пресной лепешкой и водой из ручья. Тебе не придется страдать и прилагать усилия. Ты будешь приносить в пещеру полные горсти желтых муравьев и просить только муки и ситчику на юбку. Удовлетворившись этим, ты будешь проникать во внутренний мир души и совершенствовать его. Ясно?

— Ясно, — горестно вздохнула Лидка. — Только это очень трудно. Я так не смогу.

— О, если бы это было легко! — с печалью в голосе сказал Главный мудрец. — И откуда в нас это скверное стремление слопать побольше, понастроить клетушек и натянуть на свое тело уродливые швейные изделия? Как легко было бы нам, не будь у нас потребностей. Некоторые жители даже сапоги просят у волшебника. Разве это порядок?

— Конечно, не порядок! — поддержал доктор. — Ходить босиком гигиеничнее. Только надо перед сном мыть ноги.

— И медицинская наука подтверждает! — обрадовался Главный. — Поглядите на моих выших мудрецов: ничего не строим, ничего на се-

бе не носим, не имеем потребностей. В результате — что? Мы делаем что хотим и живем в свое полное удовольствие, счастливо и мирно.

Мне не понравились рассуждения косматого философа. Было в них что-то противное человеческой природе. Я сказал ему:

— Не счастливо вы живете, а скучно. Где же счастье? Питаетесь вы плохо, ходите не одетые, с волосатыми ногами. Спите на траве и книг не читаете. Даже не знаете, что такое радио. Только и делаете, что углубляетесь в мир своей души. А ведь существует другой мир, поинтереснее, чем у вас в душе.

— Приткий ты малый, — улыбнулся Главный, — но неразвитый. Мыслишь трафаретно. Не можешь понять, что углубление в мир своей души является источником невообразимых духовных наслаждений. Вот ты кино видал? Вроде бы что это? Игра света на белой простыне, ничего ощутимого руками. Но какую бурю переживаний вызывает в душе эта игра света!.. А ты говоришь об удовлетворении потребностей тела! Вот в чем разница: ты — организм, а я — одухотворенная личность. Удовлетворять потребности тела для меня гадость и мучение. Фи!

Любопытная Лидка спросила довольно резонно:

— А откуда вы знаете, что это гадость и мучение?

— Раз говорю, значит, знаю. Может, еще лучше твоего!

— Если и знаете, то понаслышке, — поддержал я Лидку. — Вы ни разу в жизни на нор-

мальной кровати не спали, штанов не надевали, бороды не побрили, книжки не прочли и едите из какой-то глиняной миски, да еще и побитой! Что вы можете после этого знать?

— Ах, так?! — рассердился Главный мудрец. — Этот недоросток смеет обвинять меня в незнании! Ну, так сейчас ты увидишь, откуда я знаю!

Он вскочил на ноги, пригладил гриву, стряхнул с себя травинки и толкнул камень в стене. Камень со скрежетом повернулся. Открылся вход в помещение.

— Только вытирайте ноги! — предупредил Главный.

Мы прошли в просторную, хорошо обставленную комнату. Я остолбенел. Ничего не понимая, я глядел на шкаф, полный книг в ярких обложках, письменный стол, широкий мягкий диван, удобные кресла и буфет с хрустальной посудой, на красивой тумбочке стоял пятидиапазонный приемник «Фестиваль». Пол был устлан пушистым ковром, а на стенах висели со вкусом подобранные эстампы...

— Глядите и удивляйтесь, я разрешаю! — сказал Главный мудрец. — Но пусть будет стыдно тому, кто подумает, что вся эта рухлядь служит для удовлетворения моих потребностей! Порой я захожу в это помещение и сравниваю, что мудрее: удовлетворять низменные потребности тела или высокие интересы души? Сравнение выходит в пользу второго... Возьмите по апельсинчику! — предложил нам

Главный и сам схватил из вазы большой рыжий апельсин.

Мы не отстали. Король Мур прихватил один апельсинчик в карман для королевы Дылды, как он объяснил нахмутившемуся Главному.

В глубине комнаты раскрылась незаметная дверь. Зашла женщина в платочке и спросила:

— Что, Арчибальдыч, обед подавать или как?

— Подавай, Францевна, — сказал Главный мудрец. — Хотя я и не желаю, но надо сделать гостям приятное. Да вынеси мне пижаму. Все-таки здесь не пещера.

За обедом, уписывая тушеное мясо, приодетый в золотистую пижаму Главный мудрец проповедовал закон высшей мудрости:

— Истина познается на опыте, путем сравнения, в борьбе двух основных начал: низменного телесного и благородного духовного. Поев жирной баранины, я убеждаюсь в том, что набитый желудок отрицательно влияет на способность мыслить. Стены, оклеенные голубыми обоями, отгораживают меня от мира, превращают жизнь в тягостное заточение. Когда я ложусь на мягкий диван, тело блаженствует, но дух замирает в сонном отупении. Хорошо ли это?

Мы молчали, не в силах решить.

— Это отвратительно! — решил за нас Главный. — И я встаю с дивана, иду в пещеру, проникаюсь счастьем полноценной жизни и учу жителей высшей мудрости. Теперь, Миша, ты понял, что я все испытал, знание далось мне не

понаслышке, а тяжелым трудом и напряжением всех моральных сил?!

Я проникся глубоким уважением к Главному мудрецу. Нет, он не досужие выдумки проповедует, сам все испытал, все проверил!.. Значит, мы и в самом деле такие тупые, неразвитые и ужасно немудрые... Закосневшая в неразвитости Лидка толкнула меня в бок:

— Знал бы Петька, какой здесь пир идет!

Мне стало противно, что она ничего не поняла и не почувствовала, думает только о мясе и апельсинах. Разве в них счастье?

Когда допили компот и сели на мягкий диван, который так и звал, чтобы забраться с ногами, Главный мудрец сказал:

— Идея группирует жителей и становится позвоночным хребтом порядка... Вот только в шахматы поиграть не с кем при таком порядке. Доктор, вы не любитель?

— Я все больше в камешки с жителями играю, — сказал доктор.

— Я умею. Давайте сыграем, — предложил я Главному.

В прошлом году я играл в школьном турнире, обыграл многих и заработал пятую категорию. Я надеялся проиграть Главному не слишком быстро. Ему по жребию вышли черные.

После первых же ходов я понял, что в теории дебютов он слаб, но вообще соображает прилично. Лидка болела за меня, а доктор за Главного. Король сперва бродил по комнате, с печальным выражением на лице разглядывал эстампы и ковырял обои. Но вскоре и он заин-

тересовался, для чего мы переставляем по квадратикам фигуры и какое нам от этого удовольствие. К концу партии Мур навалился животом на мои плечи и хрипло дышал в затылок. Партия сводилась на ничью, но Главный в одном месте прохлопал, и я провел пешку в ферзи. Конечно, он сдался. Сыграли еще, и белыми Главный выиграл. Я потерял бдительность и по-глупому пожертвовал коня. Сыграли контровую. Я играл осторожнее и выиграл. Потом выиграл Главный. Мы устали, сложили фигуры и согласились, что равны по силам.

Главный мудрец сказал мне:

— Оставайся у меня на острове. Под елкой жить не будешь, комнату тебе устрою не хуже этой. Только чтобы мудрецы мои не пронюха-

ли, а то пойдут разговоры, брожение умов... Давай, а?

Отвечать отказом на такое радушное предложение было неудобно. Я замялся, стал что-то бормотать, но выручил король Мур:

— Миша мне самому пригодится! Откровенно говоря, в стране мудрецов не так уж много мудрых жителей...

Главный мудрец только усмехнулся.

— Он качели изобрел! — сказал король.

— Поменьше бы вы там изобретали, — буркнул Главный. — Впрочем, качели — это не вредно. Миша, если захочешь, переезжай ко мне!

— Спасибо, подумаю, — сказал я.

Главный снял пижаму, растрепал бороду, натыкал в нее сучков и пошел провожать нас до берега. Солнце садилось. Косматые мудрецы вооружились удочками и разложили костры. Капитан Прунамель и матросы резались в карты. Петька лежал на старом месте пузом кверху. Когда я пихнул его ногой, Петька спросил:

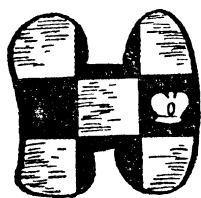
— Ну, понял, в чем высшая мудрость жизни?

Я не мог ему ответить. В голове все перемешалось.

Матросы отвязали канат. Паруса наполнились свежим морским ветром. «Диоген» резво поплыл обратно в Мурлындию.

На песчаном берегу острова Высшей Мудрости стоял Главный мудрец и махал нам рукой... Может, ему тоже хотелось куда-нибудь съездить, да мешали дела.

Тетрадь десятая

несколько дней я ходил совершенно растерянный, сочинял безумные планы, пытался даже уговорить Петьку с Лидкой бросить дом и уйти жить к морю. Мы один раз попробовали, замерзли и на следующую ночь пришли спать под крышу. Слова Главного мудреца не давали мне покоя. В самом деле, какая же это свобода, если над собой ты не властен? Тебе и поесть хочется по-вкуснее, и надеть на себя что покрасивее, и поиграть в интересную игру, и сделать что-нибудь, чтобы люди удивились и похвалили тебя... От всех этих желаний ты целиком зависишь, им подчинена твоя воля, они заставляют беспокоиться, трудиться, искать... А вдруг если я освобожусь от этих приземленных потребностей, то смогу взлететь к звездам и свободно парить по пространствам вселенной?..

Надо было как-то отвлечься. Я стал делать кровать, Лидка ушла за ягодами, а Петьку Митька-папуас куда-то увел. Я сколачивал кровать, понемножку успокаивался и думал о том, что в домах у жителей нет печек и что с ними будет, когда наступят холода?

Работа не клеилась, топор выпадал из моих рук. Я воткнул его в чурбан и пошел навестить Степана Кузьмича. Старик все еще не вставал с постели.

— Мне вот что не понятно, — сказал я, согрев самовар и налив по кружке чаю. — Сейчас ле-

то, погода теплая, дожди редко идут. А наступит осень, потом зима. Что жители будут делать? Ведь у них дома ветерком насквозь продуваются, печек нет, одежда легкая и вся в дырах. Замерзнут небось жители?

Степан Кузьмич покачал головой и сказал:

— Жители на зиму спать ложатся, наподобие медведей. Закапываются в сено и засыпают. Спят таким образом до самой весны, когда солнышко сызнова тепло греть начнет и желтые муравьи из муравейников повылезут. Жители просыпаются, отощав, налавливают муравьев и бегут в Лабаз.

— Не может такого быть! — воскликнул я в удивлении.

— Именно так, — сказал Степан Кузьмич. — Сейчас август кончается. Месяц-полтора жители побегают, попляшут, а там станут к зиме готовиться, сено в дома носить. В ноябре никого уже не встретишь на улице.

— И вы... спать будете? — спросил я, сомневаясь.

— Где-нибудь и я спать буду, — сказал Степан Кузьмич с тяжелым вздохом. — Что-то худо мне, Миша...

Зашел Федя, зампотех, и кинул на меня подозрительный взгляд.

— Вот ты где, — сказал Федя. — А я ищу!

— Зачем?

— Король зовет. Что ты там еще придумал?

— Пока ничего не придумал, — сказал я.

— Если придумаешь, помни наш уговор! — сказал Федя и ушел.

— Сходить к нему, что ли...

Ведь в Мурлындии король существует для формы, просьбы его не обязательны, каждый волен поступать, как ему заблагорассудится.

— Сходи, — сказал Степан Кузьмич. — У меня будет поручение личного характера... Передай Муру, что здоровьишко мое очень уж плохо. Пора назначить нового Главного коменданта. Эти хлопоты уже не по мне. Пусть доктора поставит или Федю. Они в курсе дела, что и как. Могут исполнять должность.

— Хорошо, передам, — сказал я. — Только вы не унывайте, Степан Кузьмич. Выздоровляйте скорее.

Король Мур сидел в печальной позе, сунув ногу под кресло и вытянув вперед другую. Волосы его растрепались, а золотая корона валялась на полу самым непристойным образом. Я поднял корону, положил на столик и спросил:

— Что с вами, ваше величество? Не случилось ли несчастья?

— Всю ночь заснуть не мог, — пожаловался король. — Шахматы мне вспомнились. До утра рассказывал королеве, какая это мудрая игра. Миша, научи меня играть в шахматы!

Я развел руками:

— Как же можно научить, если шахмат нету?

— Ты их сделай! Долго ли умеючи? Скажи, что для этого нужно, — я велю зампотеху добыть материалы и инструмент.

— Ладно, ваше величество, — согласился я. — Мне самому интересно. Предоставьте мне

квадратную доску, длинный брусок и две краски: черную и желтую. Остальное есть.

Вскоре Федя принес мне краски, доску и брусок. Вид у зампотеха был расстроенный.

— Что за новую потеху придумал? — спросил Федя.

— Шахматы. Это не я придумал — король сам попросил.

— А для чего они, эти... шахматы? — спросил Федя.

— Игра такая, — объяснил я. — Индийского происхождения.

— Ах, индийского! — сказал Федя. — Ну, тогда делай шахматы.

Зампотех немного посмотрел, как я режу деревяшки, но скоро ему надоело, и он пошел прочь.

Фигуры я мастерил часа четыре. Потом час чертил на доске клетки и красил. Пришел сонный часовой Кирюха и начал ругаться:

— Одна с тобой морока и трепка нервов. То на новоселье к тебе иди, то посылают... Скоро ты эти пешки королю представишь? Он мается, места не находит. Весь компот еще горячим выпил!

— Через полчаса принесу, — заверил я Кирюху. — А компот пусть королева другой сварит и поставит в ведро с водой, чтоб остыл.

— А ты и в самом деле мудрый малый, — похвалил меня Кирюха.

Он зевнул и поплелся обратно в будку, а я дождал часок, пока подсохла краска, и понес шахматы во дворец.

Мур довольно быстро запомнил, какая фигура как ходит. Только с конем долго путал, ему казалось странным, что конь ходит углом. Король недоверчиво спрашивал, не ошибаюсь ли я. А все остальное, даже рокировки, он понял сразу.

Пришла королева Дылда и сказала, что пора обедать. Мур пробовал от нее отмахнуться, но Дылда надвинула ему на лоб корону, приподняла за ухо и повела на кухню. Мы вкусно пообедали и пили компот, который она по моему совету сварила снова и остудила в ведре с водой. Я спросил королеву:

— Помните, ваше величество, вы обещали мне рассказать, почему вы муравьев не ловите, а все имеете от Лабаза?

— Можно рассказать, — кивнула королева. — Мы с Муром напоминаем жителям, чтобы они не тратили сил на другие занятия, а только пользовались волшебной пещерой и благодарили волшебника. У иного жителя порой появляется склонность к какой-нибудь работе. Зачем это нужно, когда в Мурлындии есть волшебная пещера?

— Теперь понятно, — сказал я.

— Главный комендант тоже не ловит муравьев, — добавил король. — И доктор. И зампотех Федя. И наш сторож Кирюха. И капитан.

— И Митька, — напомнил я. — Его доктор питает.

— Митька — это досадное исключение, — определил нашего друга король Мур. — И почему доктор за него, совершенно непонятно.

— Ваше величество, у меня к вам поручение от Главного коменданта. Степан Кузьмич просил передать, что со здоровьем у него плохо. Надо бы назначить другого, — сказал я королю.

— Кого же я назначу... — задумался король Мур. — Дураков нет работать. Каждый хочет делать, что ему нравится, а не по должности управляться.

— Можно доктора назначить, — сказал я.

— Нельзя доктора, — помотал головой король Мур. — Он у нас единственный в вопросах медпомощи разбирается. Ему работы хватает.

— А зампотеха Федю?

Король махнул рукой:

— Совсем необразованный! Только и умеет, что патефон крутить. А для того чтобы исполнять важнейшую в стране должность, надо хоть до ста уметь считать.

— Так поищите такого, — сказал я. — Кто-нибудь в Мурлындии умеет до ста считать!

— Таких шустрых у нас, к счастью, мало... Даже не могу сейчас сообразить, кого можно приспособить...

Король стал перечислять жителей и после каждого имени отрицательно мотал головой. Наконец, устав вспоминать, он сказал мне:

— Я подумаю на досуге. Завтра сообщу!

Я пошел домой. Там была только Лидка. Она вернулась из лесу, развела огонь и варила черничное варенье.

— Ты где пропадаешь? — спросила Лидка. — И кровать не кончил.

— Пришлось шахматы королю сделать, — сказал я. — Подарил ему и научил играть. Мур доволен, будто сто сорок подстрелил.

— А я варенье варю, — похвасталась Лидка. — Попробуй!

Она подала мне ложку. Я одобрил из вежливости.

Потом я доделал кровать и преподнес ее Лидке. От неожиданности она даже прослезилась. Лидка утащила кровать на свою половину и через некоторое время позвала меня:

— Миша, посмотри, как я устроила!

На кровати лежали матрас, подушка, простыня и одеяло — все как надо. Я попробовал прилечь. Мягко у нее получилось.

— Отлично, — сказал я Лидке. — Будешь спать, как бог!

— Как богиня, — поправила она с обычной своей скромностью.

Со двора раздался Петькин голос:

— Эй, жители! Где вы прячетесь?

Мы выбежали из дома. Петька был грязен, всклокочен, штаны в дырах, а рожа довольная и вымазанная Лидкиным вареньем.

— Зачем же ты один варенье лопал? — возмутилась Лидка.

— В Мурлындии все можно, — заявил Петька. — Да ты не пугайся. Я немножко.

— Ничего себе немножко, — сказала она, заглянув в котелок. — Ровно половину!

— А разве это много? — невинно спросил Петька.

— Бессовестный ты!

— Ну пусть бессовестный... Зато я сегодня прославился на всю Мурлындию. За мной толпы жителей ходили.

— А что ты придумал? — заинтересовалась Лидка.

Он одной рукой подбоченился, другую поднял над головой и произнес:

— Я пил носом воду!.. Поняли? То-то. Вся Мурлындия хлопала в ладоши и кричала громкое «ура». Некоторые завистливые жители тоже пробовали, но все захлебывались. Один я не захлебывался!

— А это очень трудно? — спросила Лидка.

— Не просто, — важно ответил Петька. — Однако чего только не выдержишь ради громкой славы и удовольствия окружающих жителей!

— Бездельник ты, Петька, — сказал я. — Ты бы ради удовольствия окружающих хоть стул сколотил, дурак этакий...

— Потихе с дураками! — грозно рявкнул Петька. — Меня в Мурлындии все уважают. За дурака можешь получить!

— Уж не от тебя ли? — спросил я презрительно.

— От жителей! — сказал Петька. — Они теперь все за меня.

Я легонько пихнул его в лоб, и Петька сел на траву с глупым видом.

— Понял? — сказал я. — Так всегда будет, пока не справишься. И никакие жители не помогут... Лидка, дай ему поесть. Одной водой сыт не будешь.

А ранним утром к нашей двери подбежал ученый Ежуня и забарабанил лапками.

— Это за мной! — сказал Петька, вскакивая с постели.

— Скорее, Петя! — крикнул со двора Митька-папуас.

Петька поддернул драные штаны и выскочил за дверь. Мы поднялись, умылись и хотели пить чай с вареньем. Лидка заглянула в котелок и перевернула его вверх доньшком. Я посмотрел — пусто. Дно блестит, как начищенное. Мы ничего не сказали и стали пить пустой кипяток. Даже лепешки в тот день у нас не нашлось.

Вдруг глядим — едет в нашу сторону конный король Мур Семнадцатый. Мантия развевается, золотая корона сверкает и в правой руке скипетр. Мур осадил коня у самого костра и ловко спрыгнул.

— Добро пожаловать, ваше величество, — сказал я. — Что это вы при таком параде? Может, праздник в Мурлындии, а мы не знаем?

— Я приехал по важному государственному делу, — заявил король торжественным тоном. — А государственные дела полагается вершить при полном параде, в короне и со скипетром.

— Какое же у вас к нам дело, ваше величество?

Король Мур поправил корону, чтобы не набекрень, и произнес внушительно:

— Станьте по стойке «смирно», затаите дыхание и слушайте мои слова обнажив голову!

Я невольно подтянулся. Любопытная Лидка спросила:

— Мы и так без шапок, чего нам обнажать?

— Значит, ничего не надо обнажать, — разрешил король.

Он воздел скипетр и проговорил такие слова:

— Своим королевским указом от вчерашнего числа сего года я назначаю тебя, мудрый житель Миша, Главным комендантом Мурлындии, страны мудрецов. Кланяйся и говори «спасибо».

Я машинально произнес «спасибо» и присел на травку. Перед глазами плавали разноцветные пятна, голова кружилась. Вдруг показалось, что я по горло в воде. Я начал грести руками, будто плыву. Весь мир шатался и дрыгался передо мной. Вероятно, такое случается с

мальчиками, которых на четырнадцатом году жизни внезапно производят в премьер-министры... Очухавшись, я взмолился:

— Ваше величество! Отмените свой указ от вчерашнего числа сего года! Не гожусь я на такую работу, мал еще, опыта нет! Какое же мне будет уважение от жителей? Засмеют, да и только!

— Не прибедняйся, не прибедняйся, — сказал король Мур. — Ума у тебя хватит на сто жителей. Да и какое жителям дело? Будем жить в свое удовольствие, ходить на охоту, играть в шахматы, кататься на «Диогене». Глупого Федьку я прогоню, а Лиду зампотехом назначу.

Лидка сразу и решительно отказалась:

— Не желаю исполнять обязанности!

— Обидно, — сказал король Мур. — Ну ладно, не в этом счастье. Иди, Миша, к Степану Кузьмичу и прими у него государственные дела.

— Увольте, ваше величество! — попросил я еще раз.

— За что ты меня обижаешь? — сказал король Мур. — Ну, прими дела, что тебе стоит? Потом зайдешь ко мне, в шахматы поиграем. Королева компоту наварит...

— Эх... — сказал я убитым голосом. — Зайду уж...

Обрадованный король вскочил на коня и помчался, колотя его скипетром по каурым бокам. Я сидел на травке и думал грустные думы. Лидка сказала:

— Мишенька, не надо расстраиваться. Все хорошо. Ты ведь не глупее других. Может, даже умнее.

— Нет, Лидушка... Все плохо. Нет у меня опыта в управлении государством. Опозорюсь перед жителями...

— Ну и что же, что нет опыта? Кто первый раз идет на такую работу, ни у кого нет опыта. А потом появляется. Через месяц ты станешь таким прекрасным Главным комендантом, что вся Мурлындия будет удивляться, как она раньше без тебя существовала.

Я тяжело вздохнул и сказал Лидке:

— Через месяц вся Мурлындия от моего управления разленится и распустится до крайней степени. Я с одним Петькой не могу справиться. Жители бросят даже муравьев собирать, забудут дорогу в волшебную пещеру и станут щеголять нагишом, доедая последнюю дохлую сороку. Они изругают меня, надают по шеем и прогонят. Бедный я человек, Лидочка...

Мы вместе всхлипнули. Она обняла мою опущенную голову и прижала к груди.

— Не горюй, Миша, — прошептала она. — Имей присутствие духа. Я постараюсь тебе помочь, как смогу... А если у тебя случится что-нибудь страшное, тогда я останусь с тобой, даже если все от тебя отвернутся... Я никогда не брошу тебя на произвол судьбы!

— Никогда не бросишь? — переспросил я. — Это точно?

— Никогда в жизни! — поклялась Лидка.

Она прижала руку к сердцу, синие глаза ее сверкали.

— Выше голову, Миша! — сказала Лидка. — Вырви с корнем все страхи и сомнения, расправь плечи и ступай принимать государственные дела Мурлындии!

Великие перемены будят в душе человеческой великую энергию и рождают великие чувства. В дни великих перемен очищаются сердца, проявляются характеры и сплетаются судьбы.

Я стиснул зубы, поднялся с земли и расправил плечи. Лидка стала на одно колено и крепко завязала шнурки моих тапочек. Я затянул ремень потуже, пригладил волосы и пошел принимать государственные дела Мурлындии, страны мудрецов.

Тетрадь одиннадцатая

тепан Кузьмич лежал в постели и нехотя жевал крендель. Лицо у него было желтое, изнуренное болезнью.

— Пить хочется... Нацеди мне чайку из самовара, — попросил он. Отхлебнув горячего, Степан Кузьмич сообщил: — Только что Мур здесь был. Выходит, тебе дела сдавать?.. Что молчишь? Аль недоволен?

— Чему радоваться? — сказал я. — Это самая глупая мысль, которая когда-нибудь забредала под его золотую корону.

Степан Кузьмич усмехнулся, с трудом приподнялся на локте.

— Коли уж ты попал в состав, так сказать, правящей верхушки, — произнес он приглушенным голосом, — необходимо открыть тебе некоторые секреты... Знай, что королю никакая мысль самопроизвольно под корону не забредает, а забредают только те мысли, которые заранее продумали волшебник Лабаз и Главный мудрец.

Я удивился:

— А как же это получается?

— Есть способ, — сказал Степан Кузьмич. — Своевременно и ты про него узнаешь... Ну, чай в сторону. Принимай государственные дела.

— Много дел-то? — спросил я.

— Дел у нас будет десять пунктов, — ответил Степан Кузьмич. — Пункт первый: не позволять Кирюхе спать на посту у дворца.

— Как «не позволять»? — не понял я. — Нельзя же приказывать!

— Приказывать нельзя, — согласился Степан Кузьмич. — Свобода личности должна соблюдаться неукоснительно. Однако сообрази, какой наступит в стране ералаш, если мудрая сила не будет направлять эту свободу в правильное русло. Раскинь умом, найди Кирюхе занятие, отбивающее склонность ко сну. Я придумал за ногтями следить, но это ему уже приедается. Вот-вот заснет житель. Придумай ему другое, столь же увлекательное занятие.

— Попробую, — сказал я.

— Второй пункт: ты в ответе за то, чтобы корабль «Диоген» и его команда были всегда на месте и готовы к плаванию. Опять ты спросишь меня, как обеспечить? Шевели мозгами. Я придумал морякам карты. Они сутками в дурачка дуются, даже мысли не возникает от корабля отойти. Чтобы сбегать в Лабаз за продуктами, они жребий кидают. Но карты могут надоесть. Имей выдумку про запас.

— Постараюсь придумать, — сказал я.

— По третьему пункту государственных дел тебе вменяется в обязанность следить, чтобы Евтихий всегда имел запас стрел для королевской охоты на сороку. Это не хлопотно. Евтихий дело обожает, водится только с доктором, по причине мозолей, и должность охотника исполняет с великим прилежанием... Четвертый пункт говорит о знаке отличия. Вот эта медаль, — Степан Кузьмич потрогал золотую медаль, свисавшую с его шеи на толстой цепи, — является знаком твоего высокого достоинства, свидетельствуя о том, что ты самый мудрый житель в Мурлындии.

— Так я же не самый мудрый! — воскликнул я в отчаянности.

— Это невозможно установить, кто самый, а кто не самый, — с улыбкой произнес Степан Кузьмич. — Однако есть такое правило: на ком нашивки, тот и капитан. Подумай, легко ли жителю разобраться, кто мудрее всех? Для облегчения усилий ему сказано: самый мудрый у нас Главный комендант. Житель к нему и прислушивается. Помни это и слов на ветер не бро-

сай... Медаль дает тебе льготу: при ее ношении ни один житель побить тебя не имеет права.

Я грустно улыбнулся:

— Хорошо, хоть такая льгота предусмотрена.

— По пятому пункту ты обязан устроить так, чтобы лошади, которые уходят в поле пастись, возвращались обратно в Мудросельск.

— Значит, мне и конюхом надо быть?

— Может, кто другой пожелает. Все в твоих руках, — сказал Степан Кузьмич. — Умей заинтересовать, прояви мудрость. По пункту шестому ты обязан поощрять зампотеха в выдумывании забавных удовольствий для жителей... Пункт седьмой говорит о том, что у входа в волшебную пещеру денно и ночью должен гореть костер. Об этом заботится доктор. Старик обо-

жает посидеть у огонька, вспомнить былое под треск горящих сучьев... Может, другие причины есть...

— Какие, например?

— Это дело докторово... Пункт восьмой касается твоей наиважнейшей обязанности. Ты должен постоянно напоминать жителям, что они живут в стране, где полная свобода и можно делать все что хочешь, что работать им не надо, а для того чтобы удовлетворить насущные потребности, достаточно набрать банку желтых муравьев, принести в пещеру и сказать «спасибо».

— Зачем об этом надо так часто напоминать?

— Для прочного сохранения заведенного порядка. Подробнее узнаешь, когда поработаешь, — сказал Степан Кузьмич. — Тебе муравьев собирать не надо. Если что понадобится, подойди к своей камере и скажи: «Добрый Лабаз, мне нужна, например, пачка цейлонского чая. Сегодня я напомнил такому-то жителю, занятому собиранием орехов, что выгоднее набрать муравьев и попросить орехов у доброго волшебника!»

— Понятно... А зачем волшебнику столько муравьев?

— Это известно только волшебнику, — сказал Степан Кузьмич. — Теперь пункт девятый: заметив в Мурлындии что-нибудь написанное — на заборе ли, на стене ли, на песке ли, — немедленно сотри, выясни, кто написал, и сообщи доктору, чтобы лечили жителя.

— Мракобесие! — сказал я.

— Порядок, — поправил меня Степан Кузьмич.

Да, забот порядочно... Лучше всех у нас устроился Петька. Дел не делает, развлекается как хочет, добился громкой славы и ходит задрав нос. Что завтра будет есть, под чьей крышей спать, — это его нисколько не волнует. Получил то, чего хотел. Лидка тоже живет неплохо. Смотрится в зеркало сколько хочет, воспитывает королеву Дылду в своем духе, варит варенье, командует нами в нашем доме и недовольна лишь тем, что в Мудросельске грязные улицы... Мне пришлось хуже всех. Хотел пожить в свое удовольствие, а приходится каждый день выполнять разные обязанности, чего-то устраивать и что-то придумывать. Где же она, свобода? Прав, наверное, Главный мудрец, что от всех потребностей надо отказаться решительно и навсегда. Иначе свобода будет только видимостью, а в действительности ты будешь самым жалким рабом своих желаний. Правда и то, что ничего не надо делать. Я уже заметил: чем больше делаешь сегодня, тем больше дел встанет перед тобой завтра. Что это за такая странная зависимость?..

— А где же десятый пункт государственных дел? — спросил я.

— Сидит перед тобой, — сказал Степан Кузьмич.

Я поднял глаза от кружки — и в изумлении закашлялся. Передо мной сидел житель в целой рубашке и с чистой шеей. Он улыбался. Лицо жителя было мне знакомо. Где же я его видел?..

— Зовут его Шнырь, — продолжил Степан Кузьмич, поправив подушку. — Увлекается подноготной жизнью. Так сказать, частный сыск.

Страна Мурлындия открылась мне с новой, неожиданной стороны.

— Какой, какой жизнью? — спросил я.

— Подноготной, — сказал Шнырь веселым голосом. И вообще он показался мне очень жизнерадостным. — Такой жизнью, которую стараются от чужих глаз упрятать подальше. На улице ее не увидишь, надо каждому чуть не под ноготь забираться.

— Зачем это надо? — спросил я.

— В Мурлындии все можно, — объяснил мне Шнырь. — Не исключено, что иной шkodливый житель задумает, например, королю Муру булавку в кресло засунуть. Для того чтобы разузнать такие нехорошие намерения, я и существую в Мурлындии.

— Его еще никто не видел, даже король, — сказал Степан Кузьмич.

— Вспомнил! — закричал я. — Видел его король! Когда ехали вдоль канавы, король на вас упал с лошади. Точно?

— Точно, — признался Шнырь. — Кто же мог предположить, что Митька его кобыле под нос ежа сунет? В каждом деле бывают промашки, в моем тоже... Должен вам сообщить: Петька до того напился воды через нос, что лежит животом кверху, единого слова сказать не может. Жители потешаются и очень довольны. Можете поставить на Петьке крест — он уже не

вашего поля ягода. И остерегайтесь Петьки. С точки зрения своей дремучей глупости жители считают его исключительно мудрым. Он рассказал жителям, что вы его вчера дураком назвали, и те ропщут.

— А больше ничего предосудительного не случилось в Мурлындии? — спросил Степан Кузьмич.

— Все спокойно, как в глубинах моря, — заверил Шнырь. — Жители развлекаются и никаких планов не вынашивают. Доктор Клизман новый стишок сочинил.

— Он стихи сочиняет? — удивился я.

— Еще как! По этой причине и в Мурлындии оказался. На втором курсе фельдшерского училища сочинил стишок, товарищи похвалили из вежливости, а доктор возомнил о себе, училище бросил и стал еще сочинять. Стихи получались такие, что лошади шарахались. Его даже в Союз писателей не приняли... Уговаривали, чтобы бросил сочинять, потом стали гнать из городов. Как услышат первый стишок, так и выводят с дворником за пределы городской черты, чтобы не портил эстетические вкусы граждан. Бродил доктор из города в город и попал, наконец, в Мурлындию. Здесь все можно.

— А вы не помните, какое он стихотворение сочинил? — спросил я тайного человека.

— Попробую вспомнить... — задумался Шнырь. — Ага, вот такое:

*Шиворот-навыворот,
выворот-нашиворот,*

*поворот на заворот,
заворот кишок.
У меня красивый рот,
у тебя — шире ворот.
Сделай рот наоборот,
скушай артишок!*

— Совсем спятил доктор! — отплюнулся Степан Кузьмич.

— Непонятное стихотворение, — сказал я по возможности вежливо. — Это, наверное, абстракционизм называется?

— Это бездарность называется, — сказал Шнырь. — «Измы» здесь ни при чем... Ну, прощайте!

Он пропал совершенно внезапно. Только хлопнула створка окна. Степан Кузьмич снял с шеи золотую медаль и протянул мне:

— Иди к королю, доложи, что принял дела. Наденет он на тебя медаль, и станешь ты Главным комендантом. И Петьки не бойся!

Король Мур играл сам с собой в шахматы.

— Странное дело, — сказал он. — Когда я сам с собой играю, то каждый раз выигрываю. А с тобой — никак. Ну, с чем пожаловал?

— Принял государственные дела, — сказал я.

— погоди, погоди, любезный! — замахал руками король Мур. — Нельзя же так попросту. Пойду переоденусь в церемониальное платье!

Вскоре он вернулся, принаряженный в прадедушкину мантию с меховым воротником. Король взял из моих рук медаль и уселся в кресло. Он сказал:

— Докладывай по всей форме.

Я доложил:

— Дела государственные Мурлындии, страны мудрецов, в количестве десяти пунктов принял!

Король Мур величаво поднялся с кресла и повесил мне на грудь комендантскую медаль. Поздравив меня, он сказал «уф!», скинул тяжелую мантию и предложил мне партию в шахматы.

Я поддавался как мог, но проиграть так и не удалось. После восьмой партии король расстроился, смешал фигуры и сказал, что на сегодня хватит. Я попрощался, поправил медаль на шее и ушел.

Около ограды дворца нервными шагами ходила Лидка. Я спросил, втайне радуясь, что она за меня волнуется:

— Зачем ты меня караулишь?

— Я не караулю, — сказала Лидка. — Я переживаю, а ты ничего не чувствуешь, носорог толстокожий! Что это у тебя за штучка на шее? Дай лучше я буду носить?

— Нельзя, Лидочка. Это комендантская медаль. Кто ее носит, тот считается самым мудрым человеком во всей Мурлындии. Даже бить его никто не имеет права!

— Значит, ты уже самый настоящий Главный комендант? — восхитилась неразумная Лидка. — Ой, как здорово! Знаешь, Миша, я начала было жалеть, что убежала в Мурлындию. Домой захотелось. А теперь не жалею. Очень у нас все интересно получается!

Я нахмурился, выслушав эти легкомысленные речи.

— Тебе интересно, а у меня забот полные карманы. Десять пунктов государственных дел. Понимаешь?

— Понимаю! — радостно сказала Лидка.

Ничего она не понимала...

Дома я снял с шеи медаль. Мы ее рассмотрели, потом Лидка унесла ценную вещь на свою половину, чтобы не потерялась. Мы сидели у костра, попивали чай с вареньем, и я рассказывал Лидке про десять пунктов государственных дел.

Вдруг мы услышали крики, и показалась толпа жителей. Впереди шел Петька. Жители держали в руках дубины, и выражение лиц у них было самое угрожающее. Петька размазывал по щекам слезы и кричал:

— Вот он, который меня дураком обозвал! После каждого слова из его рта брызгала вода.

— Сейчас мы ему дадим! — орала толпа. — Покажем ему, что в Мурлындии нельзя безнаказанно оскорблять мудрого жителя!

— Бейте его палками! — выл Петька, брызгаясь в разные стороны.

— Будь уверен! — отвечали жители.

Лидка ойкнула, вскочила и убежала в дом. «А говорила, что никогда не бросит, — подумал я с горечью в сердце. — Верь после этого женщинам...» Я соображал, куда спрятать голову, чтобы не так больно было.

Надо мной уже нависли кулаки и дубины, как вдруг я почувствовал прикосновение к шее холодного металла. Это Лидка надела на меня золотую комендантскую медаль. Кулаки и дубины медленно опустились. Жители отошли на пять шагов и притихли. Петька удивился такому обороту дела, закричал, брызгаясь водой:

— Чего вы ждете, жители? Бейте его палками! Дайте ему как следует, чтобы Лидка видела.

Жители мялись, переступая с ноги на ногу.

— Почему же вы его не бьете?.. — тихо спросил Петька.

— Мишу не полагается бить, — сказал Митька-папуас. — Он теперь Главный комендант. Самый мудрый житель в Мурлындии. Видишь медаль?

— Вижу, — сказал Петька. — А что дальше?

— А то, что все остальные глупее его. Он имеет полное право любого и каждого дураком считать, — сказал Митька. — Понял? Пойдем, друг Петька. Тут наши, как говорится, не пляшут.

Петька закрыл лицо руками и поплелся вслед за жителями.

Когда они скрылись, я сказал:

— Ты меня извини, Лидка...

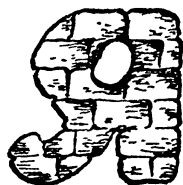
Она удивилась:

— За что это?

— Я подумал, что ты убежала. Испугалась жителей с дубинами и бросила меня на произвол судьбы...

— Толстокожий ты, как бегемот, — вздохнула Лидка. — Ничего не чувствуешь!

Тетрадь двенадцатая

оказался никудышным деятелем. Жизнь в Мурлындии разладилась. Кирюха весь день храпел в своей будке. Зампотех перестал даже патефон заводить. Жители разленились и огрубели. Костер у волшебной пещеры едва тлел, а лошади разбежались по полям и стали дичать. Не на чем было из лесу бревно привезти.

— Впрочем, так-то оно лучше, — махали рукой жители. — А то еще нагружать да возить...

Жители собирали все меньше муравьев, все

больше спали и перестали чинить одежду. А я бродил по Мурлындии, размышлял о своем горестном положении и чуть не плакал. Хотелось сбежать на остров Высшей Мудрости от всех неприятностей... Одно было хорошо: занятый своими печальями, я стал проигрывать королю в шахматы.

— Не надо так переживать, — жалела меня Лидка. — Все наладится, войдет в колею. Не понимаю, почему тебя так расстраивают мурлындские дела? Ведь тебе ничего за это не будет!

Я и сам не понимал почему. Подумав, я сказал:

— Совестно перед жителями, Лидочка.

— Ну, раз тебе совестно, ничего не поделаешь, — сказала Лидка. — Тогда старайся.

И я старался. Однажды попросил у волшебника длинную веревку и игру «в пятнадцать». Получив вещи, я накинул веревку на шею и пошел к Кирюхе. Сторож храпел в будке громким храпом. Я растолкал его и научил играть в пятнадцать. Скажу, забегая вперед, что с тех пор Кирюха вообще не спал, даже ночью. Он гонял в коробке квадратики при лунном свете, а в пасмурные ночи жег лучину.

Я шел домой, радуясь, что одна проблема, наконец, решена. Но по дороге попадались жители, и их скучные лица напоминали мне, что на Кирюху им наплевать, а нужно им совсем другое...

— Миша, сделай стол, — попросила Лидка.

— До стола ли мне...

Неужели я такой бездарный, что не могу наладить жизнь в крохотной стране? Почему у Степана Кузьмича все выходило, а у меня все разваливается? Размышляя, я крутил веревку, завязывал и развязывал на ней узлы. У меня получилась петля.

— Миша, что это ты выдумал? — забеспокоилась Лидка. — Развяжи сейчас же, а то я кричать стану!

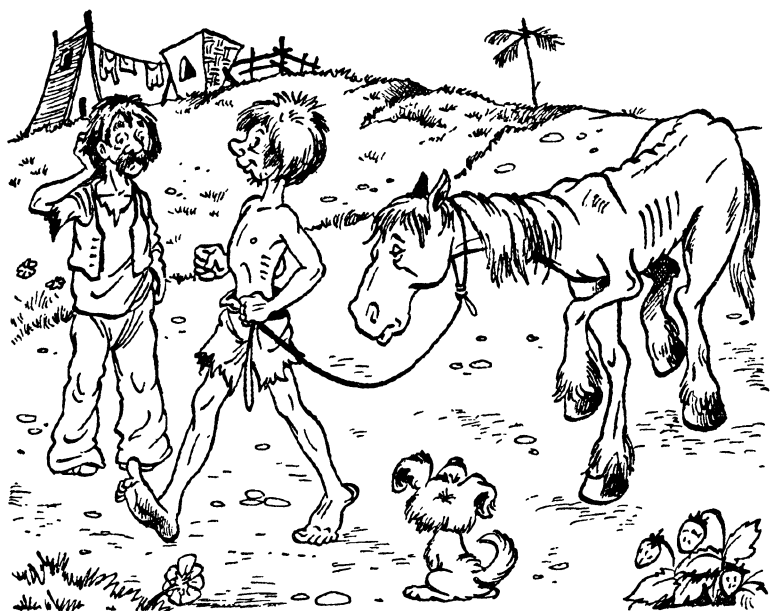
— Не беспокойся, — сказал я Лидке. — Это простой аркан.

Я начал накидывать аркан на столбик. Часа два я укрощал непослушную петлю, наконец она научилась лететь точно и ложиться куда надо. Свернув аркан, я пошел в поле.

Запряженные в телеги лошади щипали траву и поглядывали на меня дикими глазами. Я подобрался к одной лошадке, которая выглядела помирнее, крутанул петлю над головой и бросил. Лошадь рванулась, поволокла меня по земле, но петля стянула ей шею — и пришлось остановиться. С гордым видом я повел лошадь в Мудросельск и привязал ее к деревцу около нашего дома.

Когда я охотился уже на шестую лошадь, из травы поднялась заспанная фигура и уставилась на меня, разинув рот. Этого жителя я немного знал. Звали его Жареный, потому что он все дни проводил в поле и загорел чернее африканского негра. Дома у него не было.

— Вот это выдумка! — воскликнул Жареный, когда петля затянулась на лошадиной шее. — Миша, дайте мне половить!

— Без тренировки не получится, — сказал я. — Только скотину распугаешь. Сперва надо поучиться.

— Ну, так учите меня, — потребовал Жареный. — А вы себе другую забаву придумаете. Вы мудрый, вам легко придумать!

— Ладно, забей в землю кол! — сказал я и стал учить Жареного.

Спустя часа два он здорово настропалился. Я со спокойной совестью отдал Жареному аркан и пошел в город, ведя за собой трех лошадей.

С тех пор жители не испытывали недостатка в транспортных средствах. Жареный вылавливал всех лошадей до единой. Он рассказал, что аркан придумал мудрый Главный комендант

Миша, и жители стали здороваться со мной еще вежливее, чем раньше.

Несколько раз я навещал капитана Прунаме-ля. Моряки жили на отшибе, увлекались картами и в город почти не ходили. Каждый вечер они плавали на остров Высшей Мудрости, доставляя туда питание.

— Почему вы не постройте дом? — спросил я капитана.

— Клянусь бородой Нептуна, дорогой шеф, что размеры нашей малютки планеты как раз достаточны для того, чтобы всю ее считать своим домом! — сказал капитан.

Это мне понравилось.

— У вас настоящая морская душа, капитан, — произнес я и пожал ему руку. — Но не все так думают, как вы. Большинство считает, что обязательно надо отгородить на планете свой уголок, чтобы не затеряться.

— Предпочитаю оставаться в меньшинстве! — гордо заявил капитан.

Я спросил:

— Не надоели еще картишки?

— Карты не могут надоесть, — покачал головой капитан. — Они относятся к числу вечных ценностей человечества, таких, как запах розы, свет луны или вкус кофе. Люди играют в карты уже восемь столетий — и все с большим удовольствием!

— Так долго? — удивился я.

— Не менее. Один таможенный инспектор рассказывал мне за бутылкой фалернского, что известный Христофор Колумб свой патент на

открытие Америки проиграл в карты итальянскому торговцу Америго Веспуччи. Поэтому континент назван не Колумбией, а Америкой.

— Каких только махинаций не устраивают в этой Америке! — сказал я.

— Не говорите, дорогой шеф!.. Извините, мне сдавать, — заторопился капитан, пожал мне руку и ушел сдавать карты для следующей партии.

Я брел домой, сшибал палкой мухоморы и думал о том, что скоро осень, жители улягутся спать — и мы с Лидкой останемся одни во всей Мурлындии. Петька тоже завалится. Недаром Шнырь, всеведущий подноготник, сказал, что он уже не нашего поля ягода. Наверное, мы обязаны на него повлиять, взять в руки. Нельзя же просто так терять человека, как пуговицу от пальто!.. Но даже если нас будет трое? Непроходимая тоска всю зиму...

Я зашел провести Степана Кузьмича. Старик все больше слабел и, что называется дышал на ладан. Я вспоминал кошмарную ночь нашего похода, когда мой камень угодил во что-то живое, и удручающие мысли появились в моей голове... Трудно было прогнать их... Но как мог Степан Кузьмич оказаться среди разбойников?

Я поправил на нем одеяло, согрел самовар и напоил старика чаем. Потом поделился своими печальями:

— Не представляю, как жить зимой. Один ведь останусь не спящий во всем государстве. Да Лидка еще...

Степан Кузьмич опустил руку под кровать, достал прямоугольный ящичек и подал его мне с такими словами:

— Пойди на берег ручья, намеси глины с песком и сделай штук двадцать кирпичей.

— И что будет?

— Увидишь, — сказал Степан Кузьмич. — Не должен был я тебе это советовать, да ладно. Мне уже все равно...

Я не хотел расстраивать старика отказом, взял формочку и на следующее утро налепил кирпичей. Просушил их и обжег на большом костре. Кирпичи получились красные, звонкие, прямо как настоящие. Когда я принес Степану Кузьмичу показать, он посоветовал:

— Сложи из них на полянке домик.

— Зачем домик? — удивился я. — Что за детские игры?

— Увидишь, — сказал Степан Кузьмич.

Я пожал плечами, но домик сложил.

Возле моего строения сразу собралась толпа жителей. Митька спросил почтительно:

— Миша, это вы сами придумали такую мудрую игру?

И только тут я понял, какой золотой совет дал мне Степан Кузьмич!.. Задрав нос повыше, я ответил Митьке:

— Сам придумал. А что, понравилось?

— Еще как! — загалдели жители. — Мы тоже хотим в эти камни играть! Покажите нам, как их делать?

Жители галдели, а в моей голове клокотали мысли и планы. Кирпичи. Печки. Тепло! Вот

что требуется, чтобы зимой не спали жители!.. «Только нельзя пускать дело на самотек, — думал я, — нельзя начинать не продумав, не подготовив как следует».

— Покажите нам, как их делать! — умоляли жители.

— Не сегодня, — сказал я. — Я чертовски устал от управления государством. Приходите утром, и я покажу вам, как делать кирпичи.

— А сегодня никак нельзя? — стонали нетерпеливые жители.

— Нельзя! — отрезал я. — Приходите завтра.

Жители разошлись с неохотой, жадно оглядываясь на кучу кирпичей.

Когда я вернулся домой, Лидка спросила:

— Ты опять что-то придумал?

— Мелочь, — ответил я скромно. — Ставлю кирпичный заводик.

— Ого! — восхитилась Лидка, но тут же спросила в сомнении: — Думаешь, жители станут работать?

— Жители будут играть, — сказал я. — А пока разберутся в чем дело, мы налепим кирпичей на сто печек!

— Увидим, — сказала Лидка. — Ну, пойдем, я тебя чаем напою. Только завтра обязательно сделай стол.

Я пообещал. Потом мы уселись на пол и стали пить чай. Вдруг возник тайный человек Шнырь. Как всегда, он был в целой рубашке и с мытой шеей. На него приятно было смотреть.

— Решили основать предприятие? — спросил Шнырь, посмеиваясь. — Умное дело... Только привьется ли на здешней почве?

— Привьется, — сказал я уверенно.

— Кирпичей вы налепите, это я допускаю, — сказал Шнырь. — Даже печек настройте. Но потом жители разберутся в вашей махинации, и затея лопнет. Жители зимой привыкли спать, а не печки топить.

— А мы их переучим! — заявила Лидка.

— Скорее они вас переучат, — покачал головой Шнырь. — Масса, знаете ли, играет свою историческую роль... Она подавляет отдельную личность и растворяет ее в своей толще...

— Отдельные личности нерастворимы, как булыжники, — сказала Лидка. — Считайте, что мы из таких. Мы знаем, что делаем!

— Ух ты, колючка! — засмеялся Шнырь и взъерошил Лидке прическу. — В общем, к вашему, Миша, удовольствию, сообщаю, что Петька в луже. Фокус с водой всем надоел. Жители галдят о кирпичах, из дома в дом образец носят. Митька выставил Петьку за дверь, дал по шее и не велел приходить ночевать.

— Ох, за что ж это он его так? — вскрикнула Лидка.

— Петька хотел ученого Ежуню сварить и съесть. Теперь сидит на берегу ручья под елкой и заливается слезой.

— Надо его позвать, — сказала Лидка. — Не оставаться же на улице ночью...

Она кинулась к двери, но Шнырь удержал ее за руку:

— Не стоит. Он не гордый. Замерзнет — и сам придет.

— Да, он не гордый, — вздохнула Лидка и села на пол.

— А больше ничего предосудительного не случилось в Мурлындии? — спросил я тайного человека. — Никто не передрался, не замыслил нехорошего?

— Девять кирпичей у вас жители стибрили, — сказал Шнырь.

— Пускай, — я махнул рукой. — Что такое девять кирпичей?..

— Вот и все события дня, — сказал Шнырь. — Доктор ночью стишок сочинил.

— Не помните?

— Сейчас вспомню... — Шнырь прикрыл глаза. — Вот такой...

*Котята съели бегемота
среди болот во время сна.
А у меня на сердце что-то,
не то зима, не то весна.
До посинения об этом
рыдал зеленый крокодил.
А я, ребята, прошлым летом
пешком в Австралию ходил.*

— Глупые стихи, — определила Лидка.

— Как всегда, — согласился Шнырь. — Впрочем, «зеленый крокодил», рыдающий «до посинения», — в этом что-то есть... Спасибо за чай, милая Лида. Ждите Петьку!

Тайный человек Шнырь растворился в наступающих сумерках.

Потом явился Петька. Он стоял перед нами, глядя в землю.

— Ну что, помогли тебе твои папуасы? — спросили мы с Лидкой.

— Простите меня, — всхлипнул Петька. — Я больше не буду. Мне ночевать негде, а на улице холодно.

— Некоторые вещи простить трудно, — сказал я. — Например, подлую измену.

— Миша, накажи его и прости, — попросила Лидка. — Видишь, какой у него раскаявшийся вид. Он больше не будет.

— В общем, так, Петр, — сказал я. — На первый раз прощается. Сделаешь стол для общего пользования. Все. Обсуждению не подлежит. Не доволен — проваливай ко всем папуасам!

Петька молчал и не проваливал.

— Видишь, какой он хороший? — сказала Лидка.

— А еды дадите? — тихо спросил Петька.

Лидка причесала ему волосы, дала лепешку, сказала сердито:

— Зачем же ты ежика хотел слопать? И не стыдно?!

— Я еще никогда ежиков не пробовал, — объяснил Петька.

С восходом солнца к нашему дому потянулись жители. Усаживались на травке и терпеливо ждали, когда мы проснемся. Мы умывались, завтракали, а жители все сидели и ждали, глядя на кирпичи. Наконец я вытер губы, сказал Лидке «большое спасибо» и подошел к жителям.

— Совсем ты, Митька, потерял совесть, — ругнул я папуаса. — Ну, украл бы один кирпич, если невтерпеж. А то два утащил!

— Грызущка тоже два, — выдал Митька. — И Федя! Я уже после них взял.

— Про всех знаю, — сказал я. — И про Евтихия, и про Жареного, и про Аркадиуса. Вот уж от кого не ожидал! Серьезный житель, сол-

вечные часы чуть не изобрел, а кирпичи ворует!

— Не корысти ради, — развел руками Аркадиус. — Надо было познакомиться, что за вещь такая, исследовать.

Я подал Аркадиусу формочку и распорядился:

— За провинность сделаешь таких формочек десять штук. Возьми в помощники Жареного. Остальные — за мной!

Я показал жителям, где копать глину, как ее размешивать, сколько лить воды и сыпать песку. Они удивлялись, как это из серой глины, такой мягкой, получатся твердые красные кирпичи? Но они верили мне, работали охотно и споро. Когда Аркадиус принес формочки, мы налепили тысячу кирпичей и сложили их в

штабеля для просушки. На другой день мы выкопали яму, развели в ней огромный костер и обожгли кирпичи. Многие, конечно, потрескались, но штук семьсот получились как надо. Положили их остывать и разошлись.

Придя к ручью утром третьего дня, я увидел, что жители, ругаясь и отвешивая друг другу подзатыльники, пытаются разделить кирпичи. Я самым решительным образом пресек это безобразие и велел еще работать. Только на пятый день, когда кирпичей накопилось достаточно, я разрешил взять — кто сколько унесет за два раза...

В стране Мурлындии началась кирпичная лихорадка. Жители валили ко мне толпами, просились работать. Они построили сарай, куда я складывал продукцию. Из каждой сотни сделанных кирпичей я давал жителю десять, остальное отправлял в сарай. Житель хватал заработок и говорил «большое спасибо», а на его место приходил другой. Мой сарай наполнился строительным материалом.

— Куда тебе столько? — дивилась Лидка.

— Дом! — высказал я свою заветную мечту. — Понимаешь?

— Понимаю, — сказала Лидка, хотя вряд ли она понимала всю грандиозность моих замыслов.

Королю я подарил сто кирпичей. Мур забросил охоту и шахматы: он целыми днями играл в кирпичи, строил стены и башни, возводил дома, замки и крепости. Построив крепость, Мур говорил:

— Вот в какое неведомое царство надо играть! Его можно завоевать без всяких хлопот и увечий!

Иногда он играл с королевой в «кто больше кирпичей поставит друг на дружку». Дылда выиграла у него все кирпичи и выложила ими дорожку в саду. Печальный король пришел ко мне просить еще.

Но у меня был принцип. Только придерживаясь его, я мог исполнить мои грандиозные планы.

— Придется поработать, ваше величество, — сказал я королю. — Сотню я вам подарил в виде исключения, как коронованной особе. Больше не могу. Не надо было проигрывать.

Мур Семнадцатый заткнул полы мантии за кушак, нахлобучил корону и работал на общих основаниях. Король не ленился. За два дня он заработал семьдесят четыре кирпича. Мое сердце размягчилось, и я добавил ему двадцать шесть — как премию за усердие.

Кирпичная лихорадка трясла страну Мурлындию. Жители играли только в кирпичи. На моем заводе было уже сто формочек, и ни одна не валялась без дела. Жители построили второй сарай. Он быстро наполнялся, и я велел строить третий. Кирпичей жителям требовалось все больше, потому что они совершенствовались в игре и научились возводить наисложнейшие фигуры. Трудились даже ночью. Над берегом ручья пылало зарево. Капитан Прунамель привел своих матросов. Они заработали по сот-

не кирпичей и погрузили их на телегу, сияя от счастья. Я спросил капитана:

— А как же карты? Ведь восьмивековая традиция...

— Традиция традицией, а мода модой, — сказал капитан. — Одно дополняет другое, и жизнь приобретает гармоничную цельность. Всякая традиция когда-то была модой, не так ли?

Жители очень неохотно тратили время на ловлю муравьев. Кирпичи стали монетой. Установился курс. За восемь штук давали теплую лепешку. За двадцать кирпичей житель снимал рубаху и еще считал, что ему повезло. Грызушку я назначил начальником охраны кирпичных складов, и он добросовестно служил за сорок восемь кирпичей в неделю. Лидка тоже не терялась. Она нанимала жителей на уборку улиц и давала по десять кирпичей за рабочий день. От желающих не было отбоя. Улицы в Мудросельске засияли чистотой, как полы у хорошей хозяйки. Лидка решила озеленить город и объявила, что даст пять кирпичей за каждое пересаженное дерево. Сбежались желающие, и через три дня улицы Мудросельска были обсажены березками, кленами, липами и тополями. Город преобразился. Жители тоже. Появились богачи, накопившие по три, а то и по четыре сотни кирпичей. А когда какой-нибудь лодырь просил у них: «Дай кирпичик» — богачи складывали кукиш и говорили: «Работай, братец, работай!»

Лодырь шел ко мне или к Лидке, просился на работу и получал кирпичи. Одним словом, страна Мурлындия встряхнулась, стала жить деятельной, полнокровной жизнью. Только сторож Кирюха сидел в будке, играл в пятнадцать и ничего, кроме этой игры, не желал знать.

Как-то раз к нам пришли гости: Митька-папуас, мудрый Аркадиус, начальник охраны складов Грызушка и бездомный житель Жареный. Сперва Митька показывал фокусы. Он командовал:

— Ежуня! Покажи, как зампотех Федя развлекает жителей!

Ученый Ежуня становился на задние лапки, а передними крутил в воздухе.

— Ежуня! — кричал Митька. — Петька пришел, сейчас тебя съест!

Ежуня быстро забирался в Митькин мешок.

— Ушел Петька!

Ежуня вылезал из мешка, озираясь, и подходил к хозяину. Митька вынимал из карманадохлого мышонка и кидал Ежуне награду. Мы смеялись, а Петька сидел красный, с опущенными ресницами и страдал от стыда. Чтобы отвлечь от себя внимание, он спросил:

— Грызушка, а много у тебя на складе кирпичей?

— Много! — сказал Грызушка.

— Сколько?

— Ну... два сарая и третий почти полный.

— А ты не подсчитывал?

— Кто ж такую тьму подсчитает? — удивился Грызушка.

— Мы народ малограмотный, — вздохнул Аркадиус. — Считать не умеем.

— Миша, а что, если организовать для жителей школу? — спросила Лидка. — Научим их читать, писать, считать. Хорошая идея?

Я вспомнил пункт девятый государственных дел Мурлындии, отвел глаза в сторону и сказал:

— Только чтобы я об этой твоей школе ничего не знал!

— Хорошо, — сказала Лидка. — Это будет потаенная школа.

Я вышел из дому, чувствуя себя государственным преступником.

Тетрадь тринадцатая

сентябрь подходил к концу, и погоды становились все прохладнее. Третий сарай был полон. И вот наступил день, когда я начал осуществлять свои планы. Нет, я не стал строить дом! Я решил все де-

лать постепенно.

— Приведи-ка лошадку, — сказал я утром Петьке...

Петька поймал упряжку, и мы навозили на наш двор кирпичей. Жители завистливо ахали, когда мы с полной телегой ехали по улице. Мы сложили в доме немного корявую, но прочную печку и вывели над крышей высокую трубу. На этой печке вечером вскипятили чай.

Поевши, Петька попросился:

— Миша, можно я схожу к жителям, в кирпичики поиграю?

Я разрешил, и Петька умчался. В ту же секунду за столом появился Тайный человек. Шнырь, как всегда, был с мытой шеей и улыбался приятной улыбкой.

— Что новенького в Мурлындии? — спросил я.

— Жареный проиграл кирпичи Аркадиусу, — сказал Шнырь. — Завтра придет проситься на работу. Зампотех Федя пожелтел от зависти. Придумывает, чем бы вам насолить. Остерегайтесь зампотеха. Федя злопамятен и упрям.

Лидка предложила:

— Скажи королю, чтобы снял его с должности. Все равно он ничего не делает, только патефон крутит. Это и Ежуня сумеет!

— Не боюсь я вашего Федю, — сказал я. — Пусть придумывает.

— На остров Высшей Мудрости проник слух о кирпичах; мудрецы разволновались, скребут в бородах, бранятся и требуют у Главного транспорта, чтобы съездить на материк, — доложил Шнырь. — Главный в затруднении. Вот, пожалуй, и все новости... Доктор стишок сочинил.

— Какой? — поинтересовался я без надежды на удовольствие.

— Сейчас припомню... Вот такой:

*Осень, дождь в окно стучится.
Дождик, дождик, не стучи!
Воем во поле волчица.*

*Ой, волчица, замолчи!
Лег я спать, и сон мне снится:
румбу пляшут кирпичи.*

— Ну и поэзия! — вздохнула Лидка.

— Густую вы кашу заварили, Главный комендант, — произнес Шнырь. — Даже интересно, чем это кончится?

Я сказал:

— Очень просто кончится: сперва поставим всем жителям печки. Они будут их топить и спать не залягут. А зимой жители будут строить каменный клуб. Двухэтажный!

— Широко задумано...

Тайный человек Шнырь покачал головой, вздохнул и ушел в землю.

А время шло... Петька опять от рук отбился. Он научился лизать раскаленную лопату, ходил по домам, отвлекал жителей от работы и снова чувствовал себя на высоте. Но в явный конфликт со мной он пока не вступал.

На кирпичный завод пришел капитан Прунамель. Багровое пламя костра отражалось в его широко раскрытых глазах. Капитан размахивал руками и ругался на новозеландском языке.

— Что случилось? — спросил я, сильно забеспокоившись. — Не утонул ли ваш «Диоген»?

— «Диоген» в порядке, ту те ранги матуи! — выразился капитан Прунамель. — Но мои паруса обвисли, и я остался без хода.

— Капитан, я плохо разбираюсь в морской терминологии...

— На береговом языке это значит, что матросы выиграли у меня все кирпичи. Теперь капитан Прунамель — последний нищий в стране Мурлындии! Придется поработать в вашей кочегарке. Дайте формочку, дорогой шеф!

Я уважал капитана за то, что он — не в пример прочим жителям — имеет профессию. Никому еще, кроме короля Мура, я не дал даром ни одного кирпича. Но и Мура я принудил работать. Повторяю, капитана я очень уважал. В моих силах было облегчить его участь.

— Не надо формочку, — сказал я. — Берите сто двадцать кирпичей, грузите их на телегу и бросьте горевать.

— А работать потом? — спросил капитан.

— Вы на государственной службе, — сказал я капитану. — Жалованье — шестьдесят кирпичей в неделю. Получите за прошедшие две.

— Шестьдесят кирпичей в неделю — это куш!.. Так жить можно. И зимой будете платить? — поинтересовался капитан Прунамель.

Я ответил недолго думая:

— Если не заснете, буду платить.

— Крушение основ порядка... — задумчиво произнес капитан.

Я помог ему погрузить кирпичи. Каждый кирпичик капитан брал нежно, как пирожное. В Мурлындии отколотый кирпич терял половину своей стоимости, как у филателистов марка с оторванным зубчиком.

— Воистину порядок рушится, — пробормотал капитан, уложив сто двадцатый кирпич.

— Ничего не рушится, — возразил я. — Все остается, как было. Только интереснее станет жить.

— Это вы так думаете, дорогой шеф...

— А кто не так думает?

Капитан промолчал, отвязал вожжи, и лошадь тихо побрела к морю. Прохладный ветерок шевелил ветки над нашими головами. С них сыпались сухие листья, устилая лесную тропу мягким золотистым ковром. Под деревьями целыми бандами стояли наглые мухоморы. «Митька забросил свое занятие...» — подумал я, любуясь ядовитой красотой негодных грибов. Глубокая, умиротворяющая душу тишина стояла в лесу, только повизгивали оси старой телеги. Капитан махнул рукой и обернулся ко мне. Он сказал:

— В конце концов, Главный комендант обязан знать все, что творится в стране, за которую он отвечает. Я вам расскажу. Не обижайтесь, дорогой шеф, но вы напоминаете мне того беспечного шкипера, который, понадеявшись на ровный попутный ветер, отпустил вахту вниз, а сам разлегся в шезлонге на юте и мечтает о том, как выгодно продаст свой груз в порту назначения. Знаете, чем кончилась идиллия? Налетел шквал, разметал паруса в клочья, а от мачт на палубе остались пеньки, высотой по три фута каждый. Примите к сведению эту притчу и слушайте дальше.

Три дня назад, на восходе солнца, когда задувает утренний бриз, меня дернули за ногу. Я сказал, не раскрыв еще глаз:

— Что за болван меня будит?

— Это не болван, а король Мур Семнадцатый!

Раскрыв глаза, я увидел перед собой короля и зампотеха Федю. Оба были закутаны в плащи по самые глаза.

— Любезный капитан, — обратился ко мне король, — поскорее попроси матросов перенести якорь на палубу и поставить паруса!

Спросонок я ничего не мог сообразить. Я спросил короля:

— Куда вы, ваше величество, изволите торопиться ни свет ни заря? Соболаговолите сперва выпить с нами чайку, ваше величество.

— Некогда, любезный, — сказал король. — Распоряжайся живее!

Тем временем зампотех растолкал матросов. Мы выбрали якорь и поставили паруса. Став к штурвалу, я спросил:

— Куда править, ваше величество?

— На остров Высшей Мудрости! — приказал король.

Я направил нос «Диогена» к острову. Кильватерная струя за кормой была похожа на туго натянутую струну. Король и Федя стали у борта. Я не хотел подслушивать, клянусь великим Матуи! Но вы же знаете, что в утренней тишине каждое слово слышно за три мили!

— Если его не остановить, вся жизнь развалится, — говорил Федя королю. — Неужели вы не чувствуете, что режим шатается и скрипит? Думаете, эти кирпичи сделаны из глины? Ошибаетесь, ваше величество. Кирпичи сделаны из динамита! Скоро они взорвутся, и в Мурлындии

от старого доброго порядка останется только ваша корона в историческом музее! Вы не понимаете очевидной вещи!

Король спросил сердито:

— Какой это вещи я не понимаю?

— Да той вещи, — сказал Федя, — что о короле жители вообще уже позабыли. Будто бы его и нету. Никакого почтения, никакой заботы об особе древнего происхождения! Жители делают только то, что нужно Главному коменданту. А почему так получилось? Потому, что он придумал кирпичи! Скоро жители соберутся в кучу и скажут: «На что нам этот нищий, бездарный и ленивый король? Отнимем у него мантию и продадим Главному коменданту за тысячу кирпичей». Вы не усмехайтесь, ваше величество. Такое вполне может получиться. И Мурлындия уже не та, и жители уже не те!

Король перестал усмехаться. Федины слова его напугали. После долгого молчания он плотнее надвинул корону и спросил:

— Ну, и что ты предлагаешь?

Федя вздохнул и опустил глаза.

— Вы же знаете, что я недогадливый, — сказал он. — Хочу повидать Главного мудреца. Уж Главный что-нибудь придумает!

В таких разговорах прошел весь путь до острова. Я ошвартовал «Диогена» у кривой сосны, и мои пассажиры прыгнули на берег. Матросы остались на пляже, а я с королем и Федей пошел к пещере.

Главный мудрец лежал на подстилке, держал в руке какую-то птичку и выдергивал у нее из

хвоста перья. Король и Федя рассказали ему, что теперь делается в Мурлындии. Главный разволновался, птичку бросил, вскочил на ноги и замахал руками.

— Небывалый случай! — кричал он. — Потрясение основ! Как же вы допустили такое, мудрецы липовые?!

Король Мур виновато развел руками:

— Вынужден просить прощения. Недоглядели...

— Для чего тебя держат! — орал Главный. — Для чего тебя кормят с твоей длинноносой Дылдой! То-то жители теперь приносят в пещеру так мало желтых муравьев!

Федя сказал:

— Криком делу не поможешь. Надо подумать о том, как пресечь безобразия, не нарушая обычая и не раздражая жителей. Между прочим, ходят слухи, что девочка Лида устроила школу, учит жителей читать, писать и считать.

— Ох, не довершай удара! — воскликнул Главный. — Кирпичи, печки, школа! Что я скажу доброму Лабазу? Он же меня выгонит в три шеи. Куда я денусь при теперешней безработице?!

— Не о себе сейчас надо думать, Главный, — сказал Федя. — Думай о мерах. Жители так влюбились в кирпичи, что эту язву у них силой не отнимешь.

Главный успокоился и сел на подстилку. Он сказал:

— Силой не надо. Надо применить мудрость, потому что в ней наша сила. Давайте поразмыслим, что можно предпринять... А ты, капитан, иди к своему корыту. У нас будет закрытое совещание!

Мне пришлось уйти.

Под бортом «Диогена» матросы играли в карты на кирпичи, а рядом стояла толпа нечесанных мудрецов. От ихнего равнодушия и следа не осталось. Они выпросили у нас пять кирпичей и еще три стащили без спроса. Мудрецы забавлялись с кирпичами, как дикари с консервными банками. Я заметил, дорогой шеф, что настоящий мудрец во всем похож на дикаря, еще не испорченного цивилизацией. Но дело не в этом. Король Мур и Федя вернулись на

берег с такими сияющими физиономиями, будто им удалось продать груз, не уплатив таможенных пошлин. Они перемигивались и приплясывали на ходу. Но на борту «Диогена» они умолкли, а если и говорили, то о погоде и урожае орехов. Мур поправлял корону. Федя заметил ему:

— Не беспокойтесь, ваше величество! Теперь она сидит крепко. Недаром этот пройдоха называется Главным мудрецом!

— Я не волнуюсь, — сказал король Мур. — Я очень хладнокровный. Не забывай все-таки, что мой прадедушка самодержавно правил в каком-то вполне порядочном королевстве!

Когда прибыли домой, король отозвал меня и попросил:

— Любезный! Заклинаю тебя килем «Диогена» ничего не говорить Главному коменданту. Пусть он не знает, что мы ездили на остров. А то станет переживать, испортит нервы. Пожалей его!

Я не выполнил просьбу его величества потому, что привык помогать тем, кто в опасности. Не будьте беспечным шкипером! Шквал обычно налетает с той стороны, откуда его никто не ждет!

— Спасибо за важные сведения, капитан, — сказал я, натянул вожжи и стал заворачивать лошадь в обратную сторону.

— Эй, шеф! Что вы задумали? Куда вы заворачиваете мои кирпичи?! — громко закричал капитан и схватил меня за руку.

— Ничего не случится с вашими кирпичами, — ответил я капитану. — Мы упустили из виду важную вещь: ваши матросы тоже состоят на государственной службе, им тоже полагается жалованье. Зачем второй раз гонять кобылу?

Капитан Прунамель подумал, усмехнулся и сказал:

— Вы умеете делать выводы, шеф... Можете быть уверены, что флот Мурлындии на вашей стороне в любой передрыге! А сколько вы дадите матросам?

— Тридцать пять в неделю им будет достаточно, — сказал я.

Капитан Прунамель раскрутил над головой вожжи, хлестнул лошадь и закричал штормовым басом:

— Н-но, красавица моя! Шевели ножками!

А жизнь в Мудросельске по-прежнему кипела. Днем население зарабатывало кирпичи, а вечером предавалось играм, пляскам и прочим веселым забавам. Зампотех Федя здоровался со мной очень радушно, иногда даже расспрашивал о планах на будущее. Увлечение короля Мура кирпичами внезапно остыло. Все свои кирпичи он подарил Дылде, и она выложила ими еще две дорожки в саду. Опять я ежедневно играл с королем в шахматы. Мур относился ко мне ласково, и я позволял себе выигрывать у него партию-другую. Еще ласковее была королева Дылда. Каждый день она поила меня холодным компотом из яблок.

Время от времени в нашем доме появлялся тайный человек Шнырь. Он рассказывал мел-

кие новости, болтал о пустяках, декламировал свежие стишки доктора Клизмана. Он заверял меня, что в Мурлындии все благополучно. И правда, никакие признаки не предвещали беды. Но я тревожился. Ведь договорились же они до чего-то с Главным! Что они замыслили? Откуда ожидать шквала? Как отразить удар?..

Лидка заметила мое состояние и спросила, чем я расстроен.

— Меня волнуют заботы о благе населения, — сказал я.

— Правда, — вздохнула Лидка. — Я вижу, как ты занят все дни. А сегодня вечером ты будешь дома?

— Зачем тебе это надо? — спросил я.

— Я устраиваю в школе первый диктант. Мои ученики уже умеют писать, — похвасталась Лидка.

— Поздравляю! — сказал я.

Как только спустилась темнота, к нашему дому осторожно, на цыпочках стали подкрадываться ученики. Их было пятеро: мудрый Аркадиус, начальник охраны складов Грызушка, бездомный житель Жареный, охотник Евтихий и Митька-папуас. У каждого под мышкой была доска, выкрашенная черной краской. Ученики расселись на лавке, положили доски на колени и вытащили из карманов по куску мела. Они замерли в ожидании.

— Что ты будешь им диктовать? — спросил я Лидку.

— Петя сочинил простенький рассказик, — сказала Лидка. — Как раз для диктанта.

Она подошла к ученикам, вытянулась в струнку и начала урок.

— Сегодня будем писать диктант, — сказала Лидка противным голосом. — Приготовьте доски и мел.

— Готово, — пробасил Аркадиус.

— Пишите самостоятельно! За подглядку буду снижать отметку!

— Зачем подглядывать? — удивился Митька. — У нас каждый уверен, что грамотнее других пишет!

— Вот и хорошо, — сказала Лидка, хотя в такой самоуверенности ничего хорошего, конечно, нет. — Слушайте меня внимательно. Я буду диктовать по одному предложению. Пишите заголовок...

Ученики сопели. На пол сыпались крошки мела. Лидка продиктовала Петькин рассказ:

«МИЛА И МУЛ

Мила имела мула. Мул был мал. Мила мула мыла, а мул ел мыло. Мила смело была мула. Мул был».

— Точка, — сказала Лидка. — Проверьте, нет ли ошибок.

Ученики, забыв Лидкины предупреждения, стали совещаться. Чтобы отвлечь внимание на себя, я обратился к Лидке:

— Приличный рассказ. Для диктанта. А где сам-то Петька?

— Он бывает дома еще реже, чем ты.

— У меня работа. А у него что?

Лидка промолчала. Повернувшись к ученикам, она спросила:

— Проверили? Теперь давайте я посмотрю и поставлю отметки.

Я задумался о Петькином поведении. Чем он сейчас занимается? Пьет носом воду или лижет раскаленную лопату? Или новый фокус придумал? Лучше бы уж рассказы сочинял...

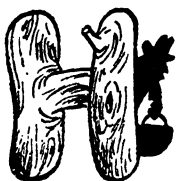
Ко мне подошла растерянная Лидка и сказала со слезой в голосе:

— У всех одинаковые ошибки! Ясно, что они бессовестно списывали друг у друга. Миша, что мне с ними делать?

— Пороть, пороть, пороть! — сказал я гневно.

Я вышел из дому и отправился искать Петьку.

Тетрадь четырнадцатая

Нигде не найдя этого бездельника, я отправился на кирпичный завод и задержался там до самой ночи. Попутчика мне не нашлось, и я пошел домой один. Ночь была осенняя, безлунная, и, задумавшись, я сбился с тропинки. Я плутал в чаще, спотыкаясь о пни и коряги, увязал в болоте, и тонкие сырые ветки осин хлестали мое лицо. Выбившись из сил, я хотел было позвать на помощь, как вдруг увидел огонек. Я обрадовался и пошел на огонь — там хоть можно будет погреться до рассвета... У костра сидели двое. Я издали узнал цыганскую прическу зампотеха и бородку доктора Клизмана. «Вот и компания», — подумал я, но какое-то опасение остановило меня. Я притаился за деревом.

— Никогда еще так не опаздывали, — сказал доктор.

— Ночь больно темна. Волны на море. Прунамель мог и сбиться с курса, — предположил Федя.

— Не мог! — возразил доктор. — Прунамель отличный специалист. Он в любой темноте доплывет.

Подбросив в костер несколько палок, Федя сказал задумчиво:

— Хорошо быть специалистом... Делаешь свою работу, получаешь удовольствие... Никого надувать не надо.

— Это конечно, — поддержал доктор. — Я то-

же чуть не стал специалистом. Почти два курса училища прошел. Просто ужасно жалею, что бросил... Приходится теперь отравой торговать.

— Не понимаю, — сказал Федя, — зачем нужна эта отравка. С муравьями все ясно, у них есть ценность. На муравьях фирма Лабаза три тысячи процентов дохода имеет... А зачем нужен отвар поганок, убей меня гром, не пойму!

— Требуется! — важно сказал доктор Клизман. — И я предполагаю, что для военных целей!

— Ах, военных, — произнес Федя. — Тогда понятно.

Я замер под деревом, стараясь не пропустить ни одного слова. Вот оно, оказывается, что! Доктор тоже из этой шайки. Вот для чего ему нужны поганки. И с муравьями темное дело... В

волшебство я давно уже не верил, но хитроумных пружин этого обмана не мог понять.

— Побуду еще год-два в Мурлындии, — сказал доктор, — накоплю достаточно средств, да и уеду в цивилизованную страну. Буду жить в свое удовольствие на проценты с капитала. И стихи писать брошу!

— Это обязательно надо, — сказал Федя.

Я не понял, что обязательно надо: уехать из Мурлындии или бросить сочинять стихи?..

— А мне нельзя уезжать, — вздохнул Федя. — Куда я поеду с моим развитием? Мне только в Мурлындии и жить...

— Девочка Лида школу устроила, — сказал доктор. — Походил бы, поучился.

— Должность не разрешает, — покачал головой Федя. — А то непременно бы походил... Да и поздно уже. Скоро этой школе и всему прочему наступит...

Раздался треск кустов. На поляну вышли трое в черных плащах с корзинами и фонарями.

— Наконец-то! — воскликнул Федя и доктор в один голос. — Мы уж подумали, не случилось ли чего с кораблем!

— Этот болван Прунамель хотел пойти с нами к пещере, — сказал один из пришедших. Багровое пламя костра играло на его бородатой физиономии с кривым разбойничьим носом. — Едва отвязались!

— Пришлось научить морячков играть в штосс, — сказал другой и захохотал. Я узнал навек запомнившийся мне голос разбойника Стропилы, который хотел нас повесить в лес-

ном домике. — Морячки запалили факелы и дуются на кирпичи... Кикимор! Доставай угощение для сотрудников, — приказал Стропила.

Низенький, косматый и кривоногий Кикимор распаковал корзину, достал оттуда консервы, сыр, колбасу, буханку белого хлеба и коробку мармелада. Все это он сложил у костра и поставил рядом три бутылки. У меня потекли слюнки. Захотелось выйти из-за дерева, угоститься колбаской. Но я понимал, что если я выйду, то угостят меня никак не колбаской... Поэтому я притаился еще незаметнее.

А у костра началось пиршество. Особенно старались доктор и Федя. Они пили прямо из горлышек, широко разевали рты и жадно кусали еду. Доктор то и дело стряхивал с бороды крошки.

— Вы там небось каждый день так трескаете? — завистливо спросил зампотех Федя.

— Каждую ночь! — уточнил Кикимор. — Днем мы спим, восстанавливаем силы. Если б не эти дежурства в пещере, совсем райская житуха была бы. Верно я говорю, Стропила?

Длинный и безбородый Стропила швырнул в мою сторону обглоданную кость и сказал:

— Ничего, брат Кикимор! Зимой возьмем отпуск и поедem на юг. Роскошный курорт выберем!.. Отравы много сегодня? — спросил он.

— Ведро, — ответил доктор Клизман, проглотив кусок. — Самому приходится варить. Митька от рук отбился с этими кирпичами.

— Пора ваш кирпич прихлопнуть! — сказал Стропила. — Больше терпеть нельзя. Добыча муравьев катастрофически снизилась. Фирма недовольна. Доходы уменьшились... Ну, пошли заступать. Доктор, слей отраву в нашу бутыл да выброси объедки подальше!

— Слушаюсь! — сказал доктор Клизман.

Трое в плащах взяли свои громадные корзины и спустились в пещеру, освещая путь фонарями. Доктор подобрал остатки пиршества и направился к моему дереву. Я в страхе врос в землю. Если бы не такая беспросветная ночь, он заметил бы меня, потому что остановился в двух шагах от моей головы. На меня посыпались шкурки, кости, бумажки и огрызки. В лоб угодила банка и по лицу потекли струйки томатного соуса. Страх прошел, осталась только отчаянная злость. «Ладно, — думал я, вытирая лицо об мокрую траву. — Я тебе отомщу, доктор!»

Вернувшись к костру, он перелил отраву из одной бутылки в другую. Мне было холодно, все тело заоченело в неподвижности. Я хотел уползти, подумав, что больше ничего интересного не произойдет, но тут трое в плащах вышли из пещеры.

— Привет, — сказали они, будто не виделись с Федей и доктором.

— Здорово, — сказал Федя. — Много заказов?

— Катастрофически мало, — ответили ему. — Просят только еду. Муравьев приносят минимальное количество. Ну и времена наступ-

пили с этим новым Главным комендантом, кирпич ему в темечко!

— Король маху дал, — сказал Федя. — Надо было меня назначить.

Трое в плащах расхохотались... Я пристально вгляделся в их лица. Это были другие, не те, которые спустились в пещеру полчаса назад. Постепенно вся история прояснялась для меня.

Они чего-то насыпали доктору в протянутые ладони, взяли бутыль с отравой и пошли к морю. В руках у них были корзины. Теперь я знал, что в корзинах не продукты для мудрецов, а муравьи...

Наутро, плохо выспавшись, я собрал у себя на дворе наиболее активных жителей. Надо было торопиться, ибо тучи над моей головой сгущались. Жители уселись на лавку, и я сказал им такую речь:

— Друзья мои, мудрые жители страны Мурлындии, счастливого края, где можно делать все что хочешь, никому не подчиняться, не затруднять себя работой и ни о чем не жалеть. Ваша жизнь полна веселья и удовольствий, и нет в ней ничего такого, что вызвало бы печаль. Кроме одного обстоятельства...

— Что же это такое? — удивились жители.

Они смотрели мне в рот с возрастающим любопытством.

— Все отлично, кроме того, что вы спите полжизни. Подумать только, что полжизни вы не получаете никакого удовольствия! Сердце обливается кровью, волосы встают дыбом, ког-

да представишь себе вас, мудрых, спящих целую зиму. Жители, разве так можно?!

— Зимой холодно, — сообщили мне жители. — Если в сено не зароешься, замерзнешь, как сосулька. Жаль, что мы будем спать и не увидим, как вы будете прыгать с ноги на ногу и тереть отмороженные уши. Пропустим такое удовольствие!

Я спросил, не обращая внимания на насмешки:

— А если бы дома было тепло, как в жаркий летний день на солнцепеке, вы улеглись бы спать?

Жители заговорили все разом:

— Тогда зачем же спать? Выскочишь на улицу, побегаешь — и домой, греться! Жаль только, что такого не может быть, потому что такого не может быть никогда!

— Такое может быть! — провозгласил я, подняв руку.

— А как?!

— За мной, жители!

Мы ввалились в дом. На глазах жителей я сунул в печь дрова, подложил лучины, поднес огонь. Пламя загудело. Быстро нагрелась печка, и в доме стало тепло. Жители скинули рубахи, стали ими обмахиваться. Они улыбались.

— Можно сделать еще теплее, — сказал я. — Надо только подложить побольше дров в печку... Ну, согласны ставить печки в домах?

Улыбки сразу пропали, жители надели рубахи и опустили глаза.

— Сколько на такую печку пойдет кирпичей, — сказал Митька. — Это же даже после Лидкиной школы подсчитать немислимо.

— Целая тьма, — сказал Грызушка.

— Две тьмы, — уточнил Аркадиус. — И еще четверть тьмы на трубу. Вон она какая высокая!

— Столько кирпичей за сто лет не заработать, — сказал охотник Евтихий. — О чем говорим, жители... Пошли запастись сеном!

— Погодите! — остановил я пессимистов. — Не делайте скороспелых выводов. Лучше слушайте внимательно, что я вам говорю.

— Как ни слушай, кирпичей от этого не прибавится, — сказал Митька. — А на улице дождик.

Я сказал громко и решительно:

— Кирпичи для печек получите без всякой работы! Просто подгоните к складу телегу и погрузите.

Наступила тишина. Ласково бормотал что-то догорающий огонь в моей печке, первой и пока единственной в стране Мурлындии. Ошарашенные жители прочищали пальцами уши.

— Свои кирпичи нам отдадите? — спросил наконец Грызущка.

— Это не мои кирпичи, — сказал я. — Это общие кирпичи.

— Мозги пляшут, — крикнул Митька-папуас. — Изложите как-нибудь попонятнее, на живом примере.

Я попробовал:

— Из ста кирпичей ты получал десять. Куда делись девяносто?

— Вы себе забрали, — сказал Митька. — Я не обижаюсь.

— А на что мне такая уйма кирпичей?

— Это мне не дано понимать, — сказал Митька. — Вы мудрее всех. Может, вам уйма требуется. Может, три уймы. Я не знаю. Вы мне дали десять кирпичей с сотни, я и доволен по самые уши.

Я спрятал под рубаху окаянную медаль, которая делала меня мудрее всех, и сказал ласковым голосом:

— Все не так, Митька. С каждой сотни я откладывал девяносто кирпичей в общий фонд.

— Что значит «общий»? — все еще не понимали жители.

— Который существует для всех вас!

— Значит, те кирпичи тоже наши?!

— Тоже наши! — воскликнул я, обрадовавшись, что они поняли.

— Давайте их разделим! — заорал бездомный житель Жареный.

Все поддержали его предложение громкими возгласами, и мне пришлось остановить взрыв неуместной радости:

— Разделим! Но не таким способом, как вы, не подумав, хотите.

— А каким же? — спросил Жареный. — Делить так делить: это ему, это тебе, это мне, это опять ему, это снова тебе, это мне. И так — пока кирпичи не кончатся.

— Устарелый способ, — сказал я. — Мы начнем с того, что каждый, кто будет строить печку, возьмет кирпичей, сколько надо.

— Плохой способ, — отверг мое предложение Жареный. — Лучше разделить на всех по справедливости.

— По справедливости, по справедливости! — поддержали жители.

— Тихо! — крикнул я и вытащил из-под рубахи медаль. Жители притихли.

— Мне кажется справедливым тот способ, который предложил я! Разговор на эту тему окончен.

Тут взял слово мудрый Аркадиус:

— Если вдуматься, так оно интересно получается... Эта справедливость-то, выходит, тонкая штучка. Разделим мы кирпичи на всех поровну, а кто-нибудь свою долю проиграет или на ягоды потратит. Из чего он будет печку строить? Опять у общества просить?

— У Жареного и дома-то нету, — напомнил охотник Евтихий.

— Вообще-то верно, — сказал Грызушка. — У нас кирпичи не залежались бы...

— Теперь ясно, для чего общий фонд! — сказали жители. — Скорее выдавайте. Будем строить печки!

Они еще по разику потрогали горячую печь и разошлись по домам. Бедняга Жареный, не имеющий своего дома, поплелся к Аркадиусу.

Я решил прогуляться на завод. Вышел, прикрыл дверь, но не успел сделать шага, как мне на голову спрыгнул зампотех Федя. Минуту мы в изумлении глядели друг на друга. Федя сказал:

— Извините. Чуть не зашиб.

— Что ты делал на моей крыше, заместитель? — строго спросил я.

— Э-э-э... — замялся Федя. — Смотрел, какая в трубе дырка.

— Зачем тебе это понадобилось?

Федя уже оправился от смущения и ответил нахальным тоном:

— Может, я сам собираюсь печку построить. Нельзя же браться за дело, не посмотрев на предшествующий опыт!

— Брось выкручиваться, заместитель, — сказал я. — Никакой печки ты строить не собираешься. Ты подслушивал! У тебя все лицо в саже, особенно уши. Признавайся, какую ты задумал каверзу?

— Клянусь, ничего не задумал! — упирался Федя. — Я захотел построить печку. Люблю, когда в доме тепло!

И тут мне пришла в голову такая мудрая мысль, что я даже улыбнулся и ласково погладил медаль у себя на груди.

— Прекрасно, заместитель, — сказал я Феде. — Верю тебе и помогу. С завтрашнего дня будешь работать каменщиком в артели. Обязанности зампотеха можешь пока не исполнять... Впрочем, ты их и раньше не особенно исполнял.

Федя сразу сник, цыганские глаза его померкли.

— Я не умею работать каменщиком, — сказал Федя. — Я не буду...

— Значит, тебе не нужна печка? Зачем же ты лазил на крышу?!

— Нужна! — воскликнул Федя. — Я буду работать каменщиком. Вот только справлюсь ли...

— Справишься, — сказал я. — Работа не умственная. За день работы будешь получать десять кирпичей. Доволен?

— Очень благодарен, — пробормотал Федя и поплелся в сторону королевского дворца. Наверное, решил посоветоваться, как ему теперь

быть. Своего соображения Феде всегда не хватало.

Накрапывал дождик. Жители вяло бродили по улицам, загребая ногами грязь. Многие тащили охапки сена и листьев.

Петька домой не являлся. Где он теперь жил и чем промышлял, — это было известно только Шнырю, но он нам с Лидкой не рассказывал. Я стал подозревать, что Шнырь многого нам не рассказывает. Вечерами он появлялся в нашем доме, пил брусничный компот, выкладывал нехитрые мурлындские новости. О секретных замыслах короля и Феди он не говорил ни слова. О том, какие дела творятся в волшебной пещере, он тоже молчал. Не мог же он этого не знать! Значит, скрывал. Впрочем, почему он обязан быть со мной искренним?..

Тайна, которую я случайно узнал, не давала мне покоя. Но не с кем было поделиться, спросить совета. Я не имел права расстраивать Лидку. Пусть живет спокойно и верит в добросовестное волшебство Лабаза. Как-нибудь и без нее выкручусь...

Первую печку сложили в доме Аркадиуса. Обмазали ее глиной, побелили мелом, вывели над крышей длинную трубу. Чем длиннее труба, тем лучше тяга. Кирпичей не пожалели. Припасенное на зиму сено Аркадиус тут же отправил в печь. Сено горело весело и жарко. Аркадиус радовался и все трогал печку — хорошо ли нагревается. Из трубы валил густой белый дым. Мы бегали смотреть...

В тот день еще десять жителей попросились в артель. Я сколотил из них второе звено и назначил звеньевым Митьку-папуаса. Не теряя времени, он повел свое звено на склад за кирпичами.

Тетрадь пятнадцатая

го величество играл в шахматы без прежнего воодушевления. Им овладела сонливость, — казалось, что умственные способности короля угасают прямо пропорционально понижению температуры воздуха. Как-то раз мы сидели за доской, я всеми силами старался проиграть, но ничего не выходило. Король терял фигуру за фигурой и беззлбно сердился. Когда зашел Федя, король Мур сгреб с доски недоигранную партию и сказал, что соглашается на ничью. Он зевнул и растянулся на лежанке, запахнув мантию. Измазанный в глине Федя подмигнул королю, поздоровался со мной:

— Почтение Главному коменданту! Как дела в масштабе Мурлындии?

— Все нормально в Мурлындии, — ответил я. — Жители радуются, печки горят. Что еще надо?

— Спать надо, — сказал король Мур и снова зевнул. — Вся природа зимой спит, всякая жизнь замирает. А ты вопреки этому закону что-то мудришь. Жили мы спокойно, умерен-

но, а ты принес заботы, хлопоты, беспокойства...

— Без забот и хлопот жить скучно, — сказал я королю. — Федя может подтвердить. Сам решил печку ставить, в артель устроился.

— Разве он по своей воле... — начал король.

— Вот именно, по своей воле! — перебил Федя. — Жду не дождусь, когда до моего дома очередь дойдет печку ставить!

— Дождешься, — пробормотал король. — Всему свое время... Дни проходят, и дни уходят, а Мурлындия остается вовеки...

Не питая особенной надежды, я все-таки закинул удочку:

— Ваше величество, у меня артель печников. Хотите, они поставят вам прекрасную печку за единый день? Всю грязь сами уберут, не беспокойтесь! А зимой будем вместе кататься на лыжах. Вы любите кататься на лыжах?

— Я не люблю кататься на лыжах, — сказал король. — Я люблю кататься на лошади. Не надо мне печек, любезный. Спать я буду зимой, как все нормальные жители.

— Мое дело — предложить. Как хотите.

— Твое дело — делать так, чтобы дел в Мурлындии было поменьше.

— У нас можно устраивать все что хочешь, — возразил я. — Вот я и устраиваю все что хочу. Других не заставляю. Кто не хочет участвовать — скатертью дорога. Силком не тащу. Я обычаи знаю!

— Вывернулся, змей... — зевнул король. —
А ты и вправду мудр!

— Вот так-то! — сказал я и пошел домой.

В доброй половине домов уже стояли печки. Хозяева запасались на зиму не сеном, а дровами. Но другая половина жителей не поддавалась на уговоры и привычно укладывалась спать. На улицах становилось все пустынное. Город замер. Листва посаженных Лидкой деревьев облетела, засыпала улицы, и некому было подметать, плати за это хоть по двадцать кирпичей. Мне становилось грустно и одиноко, особенно по вечерам. Даже Шнырь заходил к нам все реже.

Всю артель я поставил на строительство клуба. Несколько дней подряд на работу являлся капитан Прунамель с матросами. Они получили заработок, государственное жалованье и взяли авансом кирпичей вперед за полгода, заверив меня, что спать не лягут, а будут строить на берегу маяк. Погрузив свое богатство на четыре телеги, они уехали к морю.

Однажды, выбрав свободный часок и хорошую погоду, я пошел проверить состояние Мурлындского флота. Корабль «Диоген» уже не болтался просто так, носом в песок. Он солидно стоял ошвартованный у длинного бревенчатого причала. Над рубкой возвышалась труба, из нее валил густой дым. Моряки приняли меня очень дружелюбно, угостили крепким чаем и хлебом.

— Откуда хлеб? — удивился я. — У нас пекут только лепешки...

«Не пользуется ли капитан подачками Главного?» — мелькнула у меня нехорошая мысль.

Капитан Прунамель показал мне формочку, которую сам смастерил из жести. Он сказал:

— Вот в этом приспособлении и пеку.

— Очень здорово, — сказал я. — Оказывает-ся, вы все умеете!

— Далеко не все, — смутился от похвалы капитан Прунамель. — Но кое-что у меня получается. Когда плаваешь далеко от берегов, не всегда найдешь на судне нужного специалиста, если потребуется что-то сделать. Приходится самому. Отсюда и умение...

Мы пили чай, ели теплый хлеб. Я спросил капитана:

— Как вы попали в Мурлындию? Случайно или с заранее обдуманым намерением?

— И так, и так... — сказал капитан. — Это печальная история...

— Расскажите! — попросил я.

— Я служил штурманом на большом пароходе и считал, что вполне достоин быть капитаном. Но капитаном меня не назначали, и я затаил в душе горькую обиду. Особенно страдала моя гордость, когда капитан парохода делал мне замечания, что я поступаю не так, как надо. Я еще больше обижался, но все-таки поступал по-своему...

Однажды капитан парохода сказал, что если я не перестану обижаться и поступать по-свое-

му, то он вообще переведет меня из штурманов в матросы...

От этих слов я так обиделся, что кровь моя вскипела, как Мальштремский водоворот во время прилива. Я ушел с вахты, заперся в каюте, раскупорил три бутылки рома и развернул пачку галет. Я страдал от того, что не видел на свете справедливости, хотя сам и был кругом виноват. Но я не понимал этого. Я слушал, как плещется вода за бортом, и пел грустные матросские песни.

Вечером ко мне постучались. Я впустил в каюту корабельного плотника. Этот корабельный плотник был отчаянный лодырь и любитель красивой жизни. Он постучался ко мне потому, что почуял своим длинным носом запах рома. Он сел и сразу потянулся к бутылке.

— Не горюй, штурман! — сказал он, выдув третий стакан. — Из любого положения есть выход. Если человек не робкого десятка, он обязательно найдет на свете то, что ему по душе. Надо только не лежать на боку и раскидывать мозгами.

— Все мои мозги уже раскиданы, корабельный плотник, — ответил я грустно. — Но я не вижу выхода из своего скверного положения.

Корабельный плотник осушил еще стакан и запел грубым голосом:

*Есть на свете такая страна,
возле берега моря она,
там на елках растут огурцы,
и все жители там мудрецы.
Они делают что захотят,
кверху пузом на пляже лежат,
нет у них ни тревог, ни забот,
а еду им волшебник дает.
Ловят рыбку они на крючок,
правит ими король-добрячок.
Там веселье с утра до темна.
Ах, Мурлындия — это страна!*

Я не поверил корабельному плотнику и сказал:

— Обыкновенный художественный вымысел! Если даже допустить, что огурцы на елках — это метафора, все остальное тоже не выдерживает критики. Страны без несправедливого начальства и без ограничения личной свободы че-

ловека быть на свете не может. Признайся, что ты выдумал страну Мурлындию, корабельный плотник!

— Я бывал в Мурлындии, — сказал корабельный плотник. — Только пришлось уйти. Там нет ни табаку, ни рома. Как жаль! Мурлындские жители живут вольнее, чем птицы небесные. Непривычному человеку ничегонеделание даже приедается... Я там от скуки смастерил небольшой кораблик. Наверное, он до сих пор болтается у берега...

Я спросил просто так, из интереса:

— А где находится эта страна? Ты знаешь координаты?

Корабельный плотник ухмыльнулся в кулак и выдул еще стакан.

— Тебе захотелось сбежать в Мурлындию? — спросил он.

— Это мое дело, — ответил я. — Ты только скажи мне, где находится такая прекрасная страна?

После шестого стакана корабельный плотник рассказал мне, где находится Мурлындия и даже нарисовал карту. Этот лодырь неплохо знал географию.

Наш пароход проплывал неподалеку от мурлындского берега. Была глухая ночь, и справа по борту то и дело вспыхивали голубые зарницы. Я вышел на палубу и погрузил в маленькую шлюпку продукты и пресную воду. Я положил в шлюпку куртку и компас. Честное слово, дорогой шеф, месячное жалованье, кото-

рое я оставлял в корабельной кассе, как раз покрыло стоимость этих предметов.

Я подошел к шлюпке и снял брезентовый чехол. Стало вдруг жалко расставаться с родным пароходом, с нашим экипажем, который стал мне в сотню раз роднее и дороже в этот момент расставания. Но слепая злоба на жестокого капитана снова вскипела в сердце, и я без колебания спустил шлюпку на воду.

Пароход ушел во тьму, и постепенно затих шум его машин.

Я вставил весла в уключины, поплевал на ладони и поплыл к югу, в сторону мурлындского берега. Теплый морской ветер наполнил мои легкие воздухом свободы. Я греб без усталости и думал о маленьком суденышке, которое ждет хозяина у берегов Мурлындии, страны мудрецов. «Стану на нем капитаном, — думал я, — обучу себе в помощь пару матросов и буду плавать куда захочу». В общем, жизнь мне представлялась самая великолепная. На рассвете я достиг берега и увидел свой корабль...

— Ваши мечты исполнились? — спросил я капитана.

— Мои мечты исполнились, — тихо сказал капитан Прунамель. — Никакого начальства надо мной нет. Я стал капитаном. Могу плавать куда захочу... Плохо только, что никуда не хочется плавать... Поставишь парус, отойдешь от берега, возьмешь курс, скажем, на Пескадорские острова, да вдруг задумаешься: а зачем? Груза и пассажиров я не везу. Научных

работ не произвожу. Рыбным или зверобойным промыслом не занимаюсь... Любой моряк может меня спросить: «А для какой надобности, капитан Прунамель, баламутишь ты мировой океан?» Что я этому моряку отвечу? Нечего мне, дорогой шеф, ответить этому моряку... Вот и плаваю на остров Высшей Мудрости и обратно... Выпьем еще по стаканчику, шеф. С вареньем.

— Знаете, что вы возите на остров? — спросил я.

— Продукты для мудрецов, — сказал капитан. — Что же еще?

Значит, его тоже обманывали...

Я поблагодарил за вкусный чай и собрался уходить. Но только я отошел на несколько шагов от причала, капитан закричал вслед:

— Эй, шеф! Вернитесь! Событие!

Я вернулся на причал.

— Смотрите! — сказал капитан и протянул вперед правую руку.

К нашему берегу приближался плот. Он был сделан из вырванных с корнями деревьев. На середине плота стояла мачта с парусом, сшитым из черных плащей. Бородатые жители лежали на плоту и подгребали руками.

— Мне кажется, это беглецы с острова Высшей Мудрости! — сказал я, справившись с первоначальным изумлением.

Плот ткнулся в песчаную отмель. Мудрецы спрыгнули с него и побежали на сухое место.

— Здорово, Стропила! — крикнул Прунамель. — Что там у вас на острове? Чума или революция?

— Вопросы потом! — сказал Стропила, лязгая зубами. — Сперва дай согреться. Видишь, мы всю одежду на парус употребили!

Капитан провел мудрецов в надстройку «Диогена», где жарко топилась печь. Они облепили горячие бока печки и скоро согрелись.

Стропила спросил:

— Послушай, Прунамель, у вас еще делают кирпичи?

— А как же, — сказал капитан. — Даже дом строят.

— Крепко сказано: дом строят! — повторил Кикимор.

— Прунамель, — сказал Стропила, — ты всегда был своим парнем, только чуть-чуть глуповатым... то есть, я хотел сказать, слишком доверчивым...

— Так-то вернее, — буркнул Прунамель. — Что тебе нужно?

— Познакомь нас с Главным комендантом! — попросил Стропила.

Приземистый и кривоногий Кикимор, выдернув пальцы из дремучей бороды, поддержал:

— Сделай одолжение, сведи с начальством!

Кинув на меня быстрый взгляд, капитан Прунамель спросил:

— А на какой предмет вам нужен Главный комендант?

Стропила тяжело вздохнул и сказал:

— Надоело жить на этом паршивом острове. Никакие мы не мудрецы, все сплошной обман, надувательство и обираловка.

— Крепко сказано: надувательство и обираловка! — повторил Кикимор.

— А тут кирпич появился... И вдруг вспомнил я, — поднял глаза кверху Стропила, — сколько на земле построено из этого простейшего предмета! Дома, дворцы, святилища, кинотеатры, бани!..

— Крепко сказано: бани! — зажмурился волосатый Кикимор.

— И до чего же велика его сила, — продолжал Стропила, глядя в потолок, — если даже в стране Мурлындии завелся кирпич! Значит, пришла мурлындскому образу жизни с этим кирпичом полная и окончательная гибель!

— Крепко сказано: окончательная гибель! — улыбаясь, повторил Кикимор.

— Собрал я несколько приятелей повдумчивее, — продолжал Стропила рассказывать, — и объявил им, что надоел мне этот постылый остров хуже, чем Робинзону Крузо. И что надо кончать с этой обманной мудростью, пока во все не пропали... Наломали мы деревьев, сплестили, соорудили из одежек парус и безлунной ночью тайным образом покинули остров Высшей Мудрости. Теперь ты понял, друг Прунамель, для чего нам нужен Главный комендант?

— Понял, — сказал Прунамель. — Ну, знакомьтесь!

Я выступил вперед, вынул из кармана золотую комендантскую медаль и повесил на шею. Я сказал:

— Кто старое вспомнит, тому глаз вон, да, Стропила?

— Конечно, уважаемый, конечно, — торопливо согласился Стропила, взглядевшись в мое лицо. — Стоит ли вспоминать ошибки? Никто от них не застрахован.

— Скажите мне, для чего вы возите на остров желтых муравьев? Кому и зачем они нужны?

— Мы отдаем их Главному мудрецу. Раз в неделю к северному берегу острова подходит суд-

но и забирает, что накопилось. Больше мы ничего не знаем. Нам хорошо платят, вот мы и действуем, не интересуясь, как и что.

Мы еще поговорили, потом пошли в город. В гостях у Лидки сидел Митька-папуас. Он глядел на Лидку ласковыми глазами и показывал ей новые Ежунины фокусы.

— Лидия, кончай забавляться! — сказал я строго. — Возьми ножницы, обстриги вот этим жителям бороды и сделай по возможности человеческие прически. Они бежали с острова Высшей Мудрости.

— Ой, как интересно! — пискнула Лидка. — Сейчас сделаю!

Мне надо было уйти по делам. Прощаясь со Стропилой, я спросил:

— А вы не знаете, Стропила, для чего это нужно, чтобы жители всю зиму спали?

— Дорогой, это же и Ежуне понятно! — ухмыльнулся Стропила. — Зачем жителей зимой кормить, ежели они не могут муравьев добывать?

— Так я и думал. Стригитесь, мойтесь. На ночь распределю вас по одному в домах у жителей.

Когда все дневные дела были сделаны и мы с Лидкой ужинали, сидя у натопленной печи, за столом вдруг возник тайный человек.

— Поздравляю с прибавлением, — сказал Шнырь. — Ну и влетит вам от Главного! Теперь уж он непременно распотрошит вашу лавочку.

Лидка подала ему лепешку и брусничный компот. Шнырь очень любил брусничный компот.

— Это моя единственная слабость, — сказал он, отхлебнув и погладив живот. — Во всем остальном я железный человек. Когда-нибудь... Когда-нибудь я отплачу вам полноценным добром за это божественное удовольствие... М-да... Ваш милый Петька сегодня зарылся в сено.

— Он построил дом? — спросила Лидка. — Или кто-то пустил его к себе?

— Никто его не пустил, — сказал Шнырь. — Петька теперь неинтересен. Раньше он чего-то выдумывал, а последнее время приходил к жителям только за тем, чтобы попросить лепешку. Даже собирать муравьев ему лень. — Шнырь обожал порассуждать за кружкой компота. — Если разобраться в вопросе философски, придется сделать вывод, что никто никому не дает лепешек даром. Жители дают лепешки или за то, что для них уже сделано, или за то, что соискатель лепешки сделает впоследствии. От Петьки уже ничего не ждут. Он исчерпал свои способности и силу характера.

— Я не считаю, что Петя такой уж пропащий, — сказала Лидка. — А если бы и был пропащий, все равно дала бы ему лепешку.

— Где он спит? — спросил я.

— Под вывороченной сосной. Натаскал сена, зарылся в него и заснул.

— Вытащу и заставлю заниматься делом! Шнырь усмехнулся.

— Что, не верите? — спросил я.

— Мое дело наблюдать, — сказал Шнырь. — Верит пускай тот, кто мало видел и мало знает.

— Увидите и узнаете, — сказал я. — Между прочим, я заметил, что доктор очень сдружился с зампотехом. К чему бы это?

— Тут, по-моему, дело очень тонкое, — сказал Шнырь, подумав. — Федя убедил доктора в том, что, если вы устроите клуб, жители разовьются эстетически и поймут, что за ересь сочиняет доктор... Старик до смерти перепугался. Мурлындия — единственная страна на свете, где его еще слушают и хвалят. Вы же знаете его стишки... Вот вам, например, его последний сонет:

*Я полем шел, задумчивый и тихий,
срывал цветы и слушал птичий гам.
Я думал: может, так же по лугам
бредет сейчас охотник наш Евтихий.
А может быть, он ждет под елкой птицу?
А может, починяет старый лук?
Стреляй, губи живое, старый друг!
Всем тварям с жизнью суждено проститься.
Нам тоже... А кругом шумели травы.
И я подумал: может, травы правы?
Шуми, пока не ляжешь под косой!
Шуми, пока коровами не съеден!
Я снял ботинки и пошел босой.
А мир вокруг был скучен и безвреден.*

Видите, обе картины совершенно беспомощны по мысли. В первой терцете есть слабый на-

мек на интеллектуальное переживание, но вторая терцета его совершенно зачеркивает и все сводит к нулю. Получилось, что мелкая мыслишка болтается в сонете, как высохшее ядро в ореховой скорлупе. Ничего, кроме звона. Это самый непреложный признак бездарности автора. С такой поэзией не сунешься в приличное место. Вот Федя и подловил его на большом вопросе.

— И что решил доктор? — спросил я.

— Решил вредить вам в меру сил.

— Как именно? — задал я невеселый вопрос. Еще один активный враг мне был сейчас меньше всего нужен.

Шнырь улыбнулся:

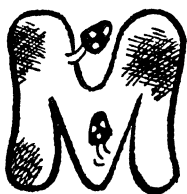
— Я Знаток подноготной жизни, а не прорицатель будущего. Чтобы я знал о событии, этому событию необходимо, как минимум, произойти.

— Да, да, — сказал я. — Извините, спросил не подумав... Значит, Петька залег под вывороченной сосной?

— Совершенно верно. Лежит на правом боку, а сверху набросаны сухие листья и хвоя. Одна рука сжата в кулак и подсунута под правую щеку, другая рука вытянута — кисть между коленями. На лбу у Петьки две царапины и одна шишка. В левой пятке торчит застарелая заноза. Это все, что я о нем знаю.

Шнырь допил компот, перевернул кружку вверх дном, всплыл к потолку и исчез.

Тетрадь шестнадцатая

не представилось, как Петька лежит под корнями вывороченной сосны, зарытый в мокрое сено. Его заносит снегом. Над маленькой дырочкой, которую он продышал, вьется легкий парок. Подходят голодные волки, смотрят и принюхиваются... Меня так передернуло, что зубы лязгнули об кружку. Если мы его не поднимем, он погибнет. Не замерзнет зимой, так проснется в апреле обросший шерстью, будет рычать, ходить на четвереньках и удивляться, что это за драная тряпка висит у него на бедрах...

— Почему ты перестал пить компот? — спросила Лидка.

— Брось ты о компоте... Надо выручать Петьку. Он, конечно, дурак, но он не какой-нибудь житель, а человек и наш товарищ.

Лидка придвинулась к столу, подперла щеки кулаками.

— Миша, ты должен узнать одну вещь, — сказала она. — Раньше я не говорила, потому что не думала, что так выйдет. А теперь, когда это случилось, я должна рассказать. Позавчера, когда тебя не было, приходил Петя. Лохматый, грязный и голодный. Я уговорила его помыться и дала лепешку. Он съел ее с такой жадностью, что я перепугалась. Никогда в жизни не видела таких голодных мальчиков!.. Он говорил, что работать под твоим начальст-

вом ему стыдно, а получать от тебя заработанную плату кирпичиками — и вовсе немислимо. И очень ему обидно, что не он все это придумал. Разве он не мог бы выдумать такую простую вещь, как кирпич?

— Мог бы, — согласился я. — Но он предпочел пить носом воду. Видишь, чем это кончается, когда человек пьет носом воду, вместо того чтобы выдумывать простые вещи?

— Вижу, — пригорюнилась Лидка. — Все равно мне его жалко.

Я спросил:

— Он все еще в тебя влюблен или приходил только за лепешкой?

Лидка покраснела и опустила глаза.

— Значит, влюблен, — решил я. — Хоть и не больше, чем в себя. Что он тебе предлагал?

Лидка молчала.

— Он предлагал мне сбежать на остров Высшей Мудрости и устроить там страну еще лучше, чем Мурлындия, — сказала Лидка.

— Эх, Петька... — вздохнул я. — Каждый раз попадает пальцем в небо. Знал бы он, что творится на этом острове!

— А что там творится? — любопытствовала Лидка.

У меня появилось желание рассказать ей, что я узнал за последние дни. Я уже раскрыл рот, но вовремя осекся. Не стоит расстраивать девчонку. Пусть верит в волшебство...

— Да так, — сказал я. — Скучно там... Наверное, Петька сказал, что если ты с ним убе-

жишь, то он перестанет лениться, будет работать дни и ночи, а насчет того, чтобы пить носом воду, забудет и думать?

— Да, — ответила Лидка. — Еще он сказал, что если я с ним не убегу, то он заляжет на зиму спать и мы его не найдем.

— Дураки вы оба! — сказал я. — Капитан Прунамель не перевез бы вас на остров. Он рассказал бы мне и спросил разрешения.

— За кирпичи многое можно сделать...

— Только не с капитаном. Прунамель не продаст меня ни за какие кирпичи... А ты что ответила Петьке?

Лидка уткнулась носом в ладони, и плечи ее затряслись. Этого еще не хватало...

Я стал говорить разные приятные слова, но она все ревела.

— Капитану ты веришь, а мне нет, — произнесла Лидка, всхлипывая. — Ты все забыл, Миша. Когда тебя назначили Главным комендантом, я поклялась, что никогда не брошу тебя на произвол судьбы. Ты ничего не помнишь, ты толстокожий и никого, кроме своих кирпичей, не любишь. У тебя черствая душа и каменное сердце. Спрашиваешь, что я ответила Петьке!..

Она снова зарыдала.

— Лидочка, не надо! — взмолился я. — Прости, пожалуйста. Я все помню, только сейчас немножко забыл. У меня столько дел, а тут еще этот Петька!

Лидка сразу перестала плакать, улыбнулась и сказала:

— Прости, Миша. Когда я решила зарыдать, я упустила из виду, что ты занятой человек и Главный комендант целой страны. Больше не буду... Не могла поверить, что Петька заляжет спать...

Я сказал:

— Завтра мы его поднимем. Приготовь побольше воды, чтобы его вымыть и вообще привести в порядок.

Наступило утро, и мы пошли в лес. Дождик как бы раздумывал: стоит ли идти, не остаться ли в своей тучке? Было пасмурно и сыро. Лидка захватила берестяное лукошко. Она обрывала поздние грибы, которые хотела добавить к засоленным на зиму. Я поторапливал ее, потому что люблю идти к цели прямо, не отвлекаясь пустяками. Но так уж Лидка устроена — она не могла пропустить ни одного, даже плохонького, гриба. Зато когда добрались до вывороченной сосны, у нее было полное лукошко.

Я заглянул под корни и сказал:

— Здорово спрятался. Сверху ничего не видно.

Она молча кивнула, оставила лукошко и начала разгребать ветки и листья. Показалось сено. Лидка разгребла его, и мы увидели черные пятки. В одной торчала старая заноза. Лидка сказала:

— Дальше я не могу... Как могилу разрываешь. Давай ты!

Я не стал разрывать могилу, а взял Петькину ногу, уперся в корень и потянул. Из берлоги слышалось рычание. Лидка охнула и отвернулась. Петька рычал все громче и за что-то цеплялся. Я и на этот раз оказался сильнее его. Вскоре Петька очутился на поверхности, сел и протер глаза. Увидев наконец меня, он спросил:

— Рабочих не хватает, Главный комендант? Фига тебе! Убирайся прочь и не мешай мне делать то, что я хочу. Тут Мурлындия!

— Уберемся вместе, — сказал я.

— Не желаю тебя слушать! — отрезал Петька. — Пошел прочь, пока я тебе не надавал по шеем.

— Ты... мне? — спросил я со смехом.

— Именно я тебе! — грозно крикнул Петька. — Я и укусить могу. Я теперь отчаянный, мне все равно.

— Ой, какой ужас! — вскрикнула Лидка. — Разве можно кусаться?

Только теперь Петька ее заметил.

— Чего притащилась? — спросил он, стряхнув с головы сено.

— Прошлый раз ты был в тапочках, а теперь босой. Где твои тапочки? — спросила Лидка.

— Тапочки ее интересуют, — буркнул Петька. — Внешний вид... Когда в жизни нет главного, все остальное не имеет никакого значе-

ния. Проваливайте, а то я у вас еще лепешку попрошу!

— Я захватила! — радостно воскликнула Лидка.

Она подала Петьке толстую поджаристую лепешку. Петька схватил ее и, ворча, стал кушать. Лицо его становилось добрее. Лидка под села ближе, глядела на Петьку во все свои синие глаза и ласково гладила его руку.

— А что там? — спросил Петька, заглянув в лукошко. — Грибы?

— Ой, Петенька! — закричала Лидка. — Отравись! Они сырые!

— Чушь! — коротко сказал Петька и стал есть сырые грибы горстями. — Я их сколько уже съел, а все здоровый... Хороши еще можжевеловые ягоды. От них сытость. А лучше всего орехи. Только их мало, не уродились в этом году.

Лидка охала, вскрикивала и закрывала лицо руками.

— Завтрак окончен, — сказал я, когда Петька доел грибы и облизнулся напоследок. — Брось дурить. Пойдем домой, Петька!

— Проваливай, проваливай, — замотал он головой. — Чего это я позабыл в твоём доме?

— Это и твой дом, — вмешалась Лидка. — Ты его тоже строил.

— Точно, строил... — сказал Петька. — Хорошее было время.

— Еще лучше будет! — воскликнула Лидка. — Только надо умыться, причесать волосы и попить горячего чаю.

Петька взглянул на нее исподлобья и проговорил:

— Горячий чай — это убедительно... Такого баловства я себе давно не позволял... Ну, а потом что?

— Потом сколотишь себе кровать, — сказал я.

— Допустим... А потом?

— Потом будешь делать все что хочешь. Работать тебя никто не заставит, закон Мурлындии остается в силе. Только живи как человек, мой шею и ешь ложкой. Остальное придет само собой.

Лидка сказала:

— Помнишь, ты мечтал: «Сяду посреди улицы и буду играть на гитаре».

— Не сяду, — сказал Петька.

— Почему? Ты же хотел!

— Мало ли что хотел... Я не умею играть на гитаре.

Он разгреб листья и вытащил облупившуюся, покоробленную гитару.

— Волшебник дал за три банки муравьев, — сказал он. — Я думал, что если все что хочешь, так сел и заиграл. А оказалось, еще научиться надо...

Петька размахнулся и трахнул ненужной гитарой об сосну.

— Видишь ли, Петр, — сказал я ему, — все дело в том, что никаких высоких желаний у тебя нету. Просто до удивительности мелкие у тебя желания. Все свелось к тому, чтобы полегче жить.

Я думал, что Петька начнет ругаться, но он посмотрел на меня понимающим взглядом и произнес:

— Мой бывший друг Митька-папуас сказал бы: «Это мудро!» Ладно, ребята, пошли домой. Для начала я хочу помыться!

Лидка чмокнула его прямо в немытый нос. После такого Петька уже не шел, а просто-таки летел на крыльях...

Я проводил их до дома, потом отправился на стройку посмотреть, как там идут дела. Улицы были совсем пустынные. Казалось, что жизнь в Мудросельске прекратилась. Но я знал, что это не так. Над половиной домов возвышались, дымя, печные трубы. Значит, половина жителей не спит. Мои усилия не пропали даром.

Когда дело получается, хочется трудиться дальше. А если ничего путного не выходит, руки опускаются, глаза на работу не смотрят, так и подмывает забросить все к собачьей бабушке...

С такими мыслями я дошел до стройки — и вдруг сердце мое забилося сильно и радостно: на стене стоял Степан Кузьмич с мастерком в руке.

— Степан Кузьмич! — закричал я. — Да вы ли это?!

— Я, мой друг. Я собственной персоной! — сказал Степан Кузьмич и спустился со стены.

— Наконец-то вы выздоровели!

— Да уж такие теперь времена, что помирать обидно, — сказал Степан Кузьмич. — Вот и пришлось выздороветь.

— Тогда принимайте государственные дела обратно.

— Нет, Миша. Ты будешь государством править, а я, по старости возраста, к простому занятию обращусь. Я ведь в молодости каменщиком работал, большие строения возводил. Назначь меня бригадиром. И мне, и делу польза будет.

Тут же я объявил жителям, что назначаю Степана Кузьмича бригадиром. Работа закипела еще яростнее. Степан Кузьмич указывал, жители бойко исполняли, особенно бывшие мудрецы с острова. У костра никто не грелся, хотя у нас это и не запрещалось. Принцип добровольности ни разу не был нарушен.

Вдруг Митька-папуас положил мастерок и сказал:

— Правильно Лида заметила, что в моем доме стенки шатаются. Хотелось бы построить дом из кирпичей. Вот был бы крепкий!

— Кто же тебе запрещает? — сказал я.

— Кирпичей у меня маловато, — сообщил Митька. — Не играю, ни на что лишнее не трачу, а все равно медленно накаплиются.

Я утешил папуаса:

— Не беда. После того как закончим клуб, получишь из общественного фонда.

Вокруг собирались жители, прислушивались к нашему разговору.

— А почему мы сперва строим клуб? — спросил Грызущка. — Ведь он будет ничей. Лучше сперва жителям дома построить. Когда у каждого будет хороший дом, тогда можно и клуб сложить на досуге. Я так понимаю этот вопрос.

— Неверно понимаешь, — сказал бывший мудрец Стропила. — Ты к себе в дом один при-
дешь, а меня непустишь. Верно?

— Это уж как захочу! — надулся Грызущка.

— А в клуб каждый житель может прийти и провести там время с пользой и удовольствием.

— Крепко сказано: с пользой и удовольствием! — поддержал друга Кикимор. После того как Лидка его постригла, Кикимор стал совсем не страшным.

Бывший зампотех Федя разогнулся, потер поясницу и пробубнил:

— Еще неизвестно, что мы в том клубе будем делать. Может, спать даже интереснее. Когда спишь, приятные сны видишь!

Я начал говорить:

— В клубе мы будем делать все что захотим! В первом этаже мы устроим спортивную базу...

— Крепко сказано: спортивную базу! — обрадовался Кикимор.

— Мы сделаем лыжи, санки, а когда научимся ковать железо, то и коньки! Будем ус-

траивать прогулки, соревнования и кроссы. Будем строить снежные крепости и играть в войну. На Новый год украсим елку и навешаем на нее подарков для всех жителей!

— Здорово! — закричали жители. — А что такое «Новый год»?

— Это самый веселый праздник, — сказал я. — В этот день открывается чистая страница твоей жизни и ты думаешь о том, какие интересные события будут на ней записаны. Когда наступит весна и вы расскажете проснувшимся жителям, как провели время, они взвоют от обиды, что проспали зиму и все прошло мимо!

— Крепко сказано: прошло мимо! — повторил Кикимор.

— Они сейчас спят, а вы трудитесь не разгибая спины и очень устаете. Казалось бы, что им легко, а вам трудно. Но они ничем не отличаются от мертвецов, а вы — живые люди! Бездельничать, удовлетворяться маленькими радостями и ограничивать свои потребности — это недостойно человека. Давайте станем людьми, а глупое слово «жители» навсегда выбросим из нашего языка!

— Ура! — закричали бывшие жители.

Они подхватили меня на руки и стали подбрасывать. Взлетая в воздух, я заметил, что из-за трубы соседнего дома подглядывает доктор Клизман...

Я опять встревожился и пошел домой в плохом настроении. Там за столом сидела королева Дылда. Она была в прежнем платье и преж-

ней прическе. Все, чему научила ее Лидка, бесследно исчезло. Королева кормила разомлевшего от сытости Петьку пирогом. С Петькиных губ текло на стол черничное варенье.

— У нас гости, — сказала довольная Лидка. — Тетя Дылда пришла со своим угощением. Садись к столу, если у тебя мытые руки.

Пришлось мыть руки... Королева подала мне кусок пирога и сказала задумчиво:

— Хорошо, что вы все вместе. Я люблю, когда живут мирно, помогают друг другу и не ссорятся.

— Это всякий любит, — сказал я. — Но иногда приходится сердиться. Никак без этого не обойдешься.

Я взглянул на Петьку. Он старательно жевал и не слушал нас.

— Избегайте, — посоветовала королева. — Это же очень просто! Делай знакомым только хорошее. Если захочешь сделать плохое, так остановись и ничего не делай. Если узнаешь, что твоему знакомому грозит беда, предупреди его... Понимаешь? Ну, я пойду. Разговорилась, старуха, а во дворце куча дел.

Королева встала из-за стола и свернула тряпочку, в которой принесла угощение. Из вежливости я проводил ее до дворца, потом остался поиграть с королем в шахматы.

В комнате было холодно. Мур Семнадцатый зябко кутался в прадедушкину мантию с меховым воротником. Сторож Кирюха покинул свой пост и удалился спать неизвестно куда.

Королю было скучно и холодно, но спать он не ложился.

— Что вы маетесь, ваше величество? — посочувствовал я королю. — Или соглашайтесь на печку, или валитесь в сено.

— На днях, на днях, любезный, — сказал король Мур и сделал неверный ход. От холода он забыл, что конь ходит углом. — Есть у меня одно неотложное дельце.

— Что за дельце, если не секрет?

— Узнаешь, узнаешь, любезный... — Король нахально взглянул на меня и взял моего белого слона своим черным.

Я не стал возражать. Тогда он, перепрыгнув ладьей через пешку, взял моего ферзя. Мне пришлось сдаться.

Я пошел домой. Там все было по-старому. Лидка наворачивала на голове какую-то немыслимую прическу, а чисто умытый Петька вгонял в свою кровать последние гвозди. Я все ждал, что придет тайный человек Шнырь пить компот и рассказывать новости. Мне очень хотелось узнать новости — какое-то мрачное предчувствие угнетало душу. Но время близилось к ночи. Петька уже закончил свою кровать. Шнырь все не появлялся. Может быть, занимался подноготными делами, а может быть, не хотел показываться Петьке. Он очень берег свою тайну. Даже король Мур Семнадцатый не знал, что в стране проживает тайный человек Шнырь.

Лидка завершила прическу замысловатой финтифлюхой на макушке, обернула голову платочком и ушла на свою половину. Я велел Петьке разровнять угли в печи, погасил лучину и лег спать.

Тетрадь семнадцатая

проснулся среди ночи от треска, грохота и воя. Сердце мое оборвалось и рухнуло куда-то вниз, когда я подбежал к окну и увидел, что творится в городе Мудросельске. Странное, никогда еще не испытанное равнодушие опустошило меня. Жизнь моя потеряла смысл, потому что случившееся было непоправимо. Без всякого страха я подумал, что теперь не стоит жить, и лучше бы я вообще никогда не рождался в мир, ничего бы не начинал делать.

Подбежали Петька с Лидкой, застыли у окна. Лидкины широко раскрытые глаза выражали ужас, прическа ее растрепалась и лохмами свисала на плечи. Петька икал, и зубы его выбивали дробь.

— Что же это?! — прошептала Лидка.

Город горел. Дома, в которых я поставил печки, пылали яркими кострами. Багровые всплески пламени выхватывали из темноты мечущиеся фигуры. Они размахивали руками и широко разевали рты...

Куда теперь денутся погоревшие жители?..

О, как будут радоваться король, Федя и доктор Клизман!..

— Митькин дом горит, — произнес Петька, лязгая зубами. — Как бы он ежика не позабыл вынести.

— Что теперь делать, — шептала Лидка, — что делать?..

Что делать? Я опомнился. Оцепенение, в которое всегда впадает человек при виде катастрофы, прошло. Надо бежать на улицу, тушить огонь, не давать ему перекидываться на другие дома, спасти хоть что-то, как-то организовать обезумевших от горя жителей.

— Бежим на улицу! — крикнул я и рванул-ся к выходу.

Тяжелая рука легла на мое плечо. Я увидел тайного человека.

— Если вы захотели бежать на помощь, то оставьте эту затею, — сказал Шнырь спокойным голосом. — Ничего хорошего не получится.

— Да бросьте вы! — крикнул я, освобождая плечо от цепких пальцев. Но Шнырь еще сильнее сжал пальцы, придвинул меня к окну:

— Смотрите внимательно!

Жители уже не метались по улицам. Они собрались толпой вокруг кого-то. Я присмотрелся и узнал зампотеха Федю. Он указывал рукой на наш дом.

— Бежать вам надо не к ним, а от них, — сказал Шнырь. — Я не ручаюсь за сохранность ваших голов.

Я все понял! Разрозненные события последних дней — от поездки короля и Феди на остров Высшей Мудрости и до вчерашнего визита королевы — выстроились в непрерывную прочную цепь.

— Это поджог! — крикнул я.

— Поджог, — спокойно кивнул Шнырь. — Прунамель рассказывал вам о поездке короля и Феди к Главному...

— И Главный мудрец посоветовал им поджечь дома, в которых я ставлю печи?!

— Совершенно верно, — подтвердил Шнырь. — Как только наступит холодное время... Выдумка не очень гениальная, но действует безотказно. Простейшая связь: огонь в печи — огонь на крыше. Что еще надо для здешнего жителя?.. Смотрите, толпа двинулась сюда, чтобы с вами расправиться. Бегите!

— Эх, Шнырь, Шнырь... — произнес я в отчаянии. — Не могли разузнать об этом раньше! Я бы принял меры.

— Вы плохо обо мне думаете, — невесело усмехнулся Шнырь.

— Вы... знали? — закричал я. — Значит, вы на их стороне?

— Бросьте кипятиться, — сказал Шнырь. — Я на своей стороне, больше ни на чьей. Но я никому не желаю зла и повторяю: бегите!

— Но почему вы ничего не сказали? Неужели эта беда вас очень радует?

Вдруг Шнырь взорвался:

— Слушай, мальчишка! Если бы ты осуществил свои планы, мне стало бы нечего делать в Мурлындии! Пришлось бы погибать со скуки, наняться в артель каменщиком, а по вечерам петь баритоном в самодеятельном хоре. Я терпеть не могу самодеятельность. Я специалист высокой квалификации — ты имел возможность убедиться в этом. Пусть все остается по-старому. Но я не хочу зла вам лично и повторяю: бегите. Еще не поздно!

Впереди мчались Федя, доктор Клизман и Грызушка. В руках у них были тяжелые дубины. В стороне растерянно переминались с ноги на ногу бывшие мудрецы.

— Куда же бежать? — спросил я, подняв глаза к потолку. — В Мурлындии нам негде укрыться.

— Некуда нам бежать, — сказал Петька.

— На берег! — произнес Шнырь. — Спасибо за вкусный компот, милая Лида. Никогда не забуду.

И Шнырь исчез.

— Правильно! — Я понял его мысль. — Бежим к капитану!

Мы выскочили из дому. Толпа была уже совсем близко. Дубины взметнулись над нашими головами. Я пригнулся и ударил зампотеха головой в живот. Федя свалился, но тут доктор обрушил мне на спину свою суковатую палку.

— Отек легких! — сказал доктор. — Принимаю завтра после обеда.

В ту же секунду ему в лоб попал кирпич, брошенный Петькой. Охнув, доктор Клизман улегся на землю.

— По меньшей мере шишка! — крикнул я, разгибаясь.

Грызушка огрел Петьку дубиной. Лидка подхватила суковатую палку доктора и стукнула Грызушку по шее. Тот застонал и улегся рядом с доктором Клизманом. Острый камень рассек мне скулу. Десятки глоток ревели:

— Бей его палками! Круши ему кости! Он поджег наши дома!

Мы отступили за груды кирпичей. Я и Петька швыряли кирпичи в нападающих, и они по одному выбывали из строя. Обе стороны осата-

нели, и бой разгорелся не на шутку. Вступить в какие-либо переговоры не было никакой возможности. Наши кирпичи попадали метко, но разъяренных жителей было слишком много. Они окружали.

Мы швырнули еще по кирпичу и побежали к лесу. Оправившийся от удара Федя догонял меня, занеся над головой дубину, как казак шашку. Я слышал его хриплое дыхание у себя за спиной и представлял себе, как на мой череп обрушится удар, после которого не встать... Петька повернулся и бросился под ноги зампотеху. Они покатались под уклон, вцепившись друг в друга.

— Беги, Миша! — крикнул Петька. — Спасай Лиду!

Но я остановился. Я не мог оставить Петьку в руках врагов. Толпа приближалась. Вдруг из-за ближайшего дерева выскочил Митька-папуас с могучей дубиной в руке.

«Вот и все, — подумал я, окончательно теряя мужество. — С Митьки началось, Митькой и кончилось...»

Митька перетянул дубиной зампотеха, взвалил Петьку на плечо и скрылся за деревьями. Некогда было удивляться. Мы с Лидкой увернулись от ближайших дубин и помчались. Забежав в густой лес, мы остановились перевести дыхание. Медленно приближались голоса. В темноте жители обшаривали каждый кустик.

— Доберемся до «Диогена», сядем и уплы-
вим, — сказал я Лидке. — В море нас никто не
догонит!

— А если капитан Прунамель за них?

— Капитан за меня, я в этом уверен, — ус-
покоил я Лидку. — Только бы Петра не поте-
рять!..

Мы побежали к берегу. Ветки хлестали по
лицу, за шиворот лилась вода. Где-то поблизо-
сти зловеще ухала сова. Я проваливался в
ямы, спотыкался о толстые корни сосен, па-
дал, поднимался и снова бежал вперед. Нако-
нец мы добрались до причала. Дыхание со сви-
стом вырывалось из наших легких.

— Петьки нет, — сказала Лидка и села на
палубу у рубки. — Без него я никуда не поеду.
Я не буду одна спасаться.

Надо было поддержать в ней силу духа. Я
сказал:

— Прибежит твой Петька. Митька ему помо-
жет!

Но сам я не был в этом уверен. Кто знает,
что может прийти в голову несерьезному жите-
лю Митьке-папуасу? Времени терять не следо-
вало. Злые жители могли выскочить из лесу
каждую секунду. Я заколотил кулаками в
дверь рубки. Раздался сонный, но громкий го-
лос капитана:

— Кто это среди ночи, тикароа матараи?

— Отоприте! — крикнул я.

— Ах, это вы, дорогой шеф...

Капитан Прунамель, позевывая, вышел на палубу.

— Капитан, — сказал я. — Помню ваши слова, что флот Мурлындии будет на моей стороне в любой передрыге. Передрыга началась.

— Мое слово неизменно, как место Полярной звезды на небесной сфере, — сказал капитан Прунамель. — Что надо делать?

— Поднимайте паруса как можно скорее. Выйдем в море.

— Могу я узнать, что именно произошло?

— Ах, да... Знаете, что тогда посоветовал Главный мудрец королю Муру? Смотрите! — я протянул руку.

За лесом полыхало багровое зарево. Языки пламени взметались в небо, как солнечные протуберанцы. Капитан смотрел на эту картину и качал головой.

— За нами гонятся жители, — сказала Лидка. — И Петька пропал!

— Живописно, — произнес капитан Прунамель. — Нерон липовый, ту те ранги матуи! — выразился он в адрес короля Мура. — Матросы! По местам стоять, со швартовов сниматься!.. Не волнуйтесь, дорогой шеф. Через три минуты отвалим.

— Я никуда не отвалою без Пети, — сказала Лидка.

Из лесу вышел Митька-папуас с Петькой под мышкой, с мешком на плече. Шел он не торопясь. Нежно позвякивал бубенчик на его колпаке.

— Митя, почему так долго? — строго спросила Лидка. — Ты же знал, что мы волнуемся!

— Прошу прощения, — произнес Митька. — Я в запарке забыл, что Ежуня сидит дома, а дверь закрыта. Пришлось спрятать Петю и возвращаться окольными путями. Прихожу — от дома ничего не осталось, одни головешки.

— А как же Ежуня? — вскрикнула Лидка.

Митька улыбнулся во весь рот и вытащил из мешка Ежуню.

— Он ждал меня в ведерке с водой, выставив наружу один нос. Вода нагрелась, и Ежуня даже не простудился. С Петей хуже. Зампотех повредил ему ногу.

— Не могу ступить, — сказал Петька, пытаюсь улыбнуться.

— Папуас, неси Петю на палубу, да поживее! — распорядился капитан Прунамель. — Я слышу крики.

— Это кричат жители! — сказала Лидка. — Мы погибли!

Толпа вывалилась из лесу и помчалась к причалу. Сбоку на сивой лошади скакал король Мур Семнадцатый. Он размахивал скипетром. Поодаль бежали бывшие мудрецы. Они наблюдали картину сражения, сохраняя нейтралитет. Первые жители взбежали на причал. Капитан крикнул оглушительным басом:

— Швартовы рубить!

Матросы перерубили топором оба каната. «Диоген», покачиваясь на волне, отвалил от причала. Жители протягивали руки, кричали:

— Держи его! Не давай отваливать! Хватай его за бок!

— Крепко сказано: хватай за бок! — раздался голос невидимого Кикимора.

Капитан Прунамель приложил ко рту рупор и гаркнул:

— На фалах и ниралах!..

Жители опешили. От такого громкого голоса и непонятных слов у них опустились руки.

— ...Гафель-гарделях, дерик-фалах, топсель-фалах и оттяжках! — гремел голос из рупора.

Королевская лошадь заржала и поднялась на дыбы.

— ...Паруса-а-а-а-а... — прокатился над морем и лесом сочный капитанский бас.

Жители застыли и во все глаза глядели на капитана. Наверное, они испытывали уважение и хорошую зависть. Мы на палубе тоже все позабыли и наслаждались работой знающего дело человека. Это всегда прекрасно!

— ...поднять! — рявкнул капитан в три раза громче, чем раньше.

Сивая лошадь сбросила короля Мура на песок и помчалась вдоль берега, высоко подкидывая задние ноги. Жители присели...

Мачта мгновенно оделась парусами. Я сорвал с шеи золотую комендантскую медаль и швырнул ее на берег. Паруса наполнились ветром. «Диоген» набирал ход. Я громко закричал:

— Почтенные жители Мурлындии, страны мудрецов! Печки, которые я ставил в ваших

домах, вполне безопасны в пожарном отношении. Вас надули. Вас провели, как младенцев, глупые жители! Город поджег зампотех Федя по коварному приказу короля Мура, которому посоветовал это устроить Главный мудрец! Прощайте, жители! Жаль, что вы так и не стали людьми!

Жители побросали дубины и замахали руками вслед удаляющемуся «Диогену». Они кричали:

— Прощайте, прощайте, прощайте!..

Король Мур, поднявшись с земли, махал короной.

— Эти мудрецы всегда напоминали мне дикарей, — задумчиво произнес капитан Прунамель. — Поразительное сходство...

Хромая, подошел Петька. Вид у него был очень печальный.

— Не могли подождать хоть недельку со своим пожаром, — сказал Петька. — Такое дело не вышло!

— Что не вышло, дорогой Петя? — поинтересовался капитан.

— Я попросил у волшебника моток тонкой веревки. Хотел сплести рыболовную сеть. Я умею! Эх, иловили бы мы с вами рыбки!

— Ловить рыбу — это полезно, — согласился капитан Прунамель.

— Еще как! — воскликнул Петька. — Я вам расскажу такой пример из жизни. Около нашего поселка стоит коптильный завод, делает копченую салаку из свежей ряпушки. Я туда бежал, и мне коптильщицы давали горячую, прямо из печи. Вкуснее еды в жизни не едал!

— Убедительный пример, — кивнул капитан Прунамель.

Ветер надувал наши паруса, «Диоген» резво бежал вперед, перепрыгивая с волны на волну. Впереди по курсу брезжил рассвет.

— Там у нас рыболовецкий колхоз, — добавил Петька к своему убедительному примеру.

— Хорошее дело... — произнес капитан Прунамель. — А куда мы, собственно, держим путь? Командуйте, шеф!

Вместо меня командовала Лидка:

— Надо плыть домой. Наш поселок как раз на берегу моря.

— Немножко точнее, — попросил капитан.

— Точнее мы не знаем, — сказала Лидка.

— Не так просто доплыть до вашего поселка. — Капитан покачал головой. — Тут без карты не обойтись... Впрочем, у меня в трюме есть карта. Захватил с парохода, когда удирал, — добавил он смущенно. — Вот и пригодилась... Подержите, Петя, штурвал.

Петька забыл про больную ногу, прыгнул и вцепился в штурвальное колесо обеими руками. Капитан полез в трюм. Лидка сказала:

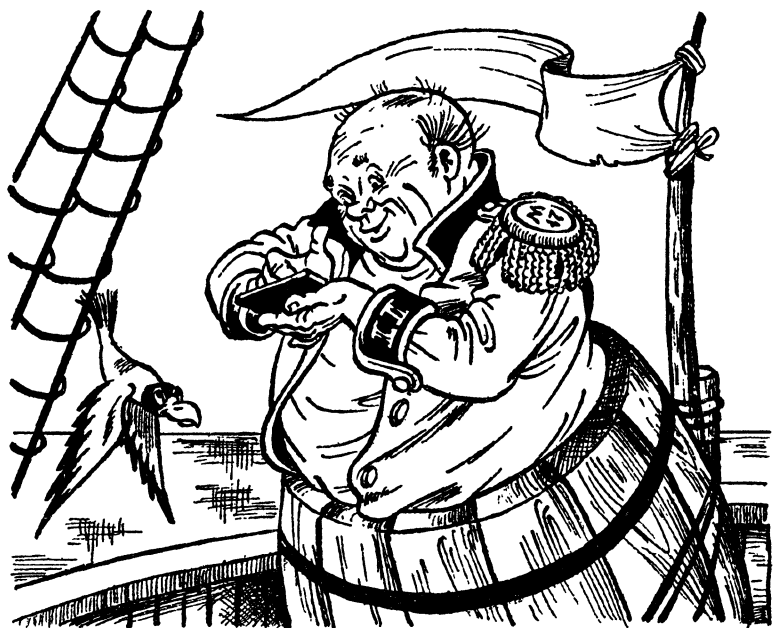
— Неужели мы скоро будем дома? Прямо не верится! Миша, а я достаточно похудела, чтобы меня приняли в балетную школу?

— Вполне достаточно, — сказал я, оглядев ее фигуру. — Ты такая тощая, что тебя примут без экзаменов!

Странные звуки донеслись из трюма. Послышалось сердитое рычание, а капитан Прунамель стал вдруг громко ругаться на новозеландском языке. Из люка показалась голова капитана. Он тащил за собой еще кого-то. Тот упирался и рычал. Мы увидели высокий воротник мундира и плечи с золотыми эполетами. На палубе стоял королевский сторож Кирюха. Мы онемели от изумления. Митька-папуас сказал:

— Вот он куда завалился! А мы-то гадали всей Мурлындией!

Капитан Прунамель уравновесил Кирюху в стоячем положении и дал ему подзатыльник.

— Ах ты, пугало, кашалот неиндифферентный! — орал капитан на Кирюху, втянувшего голову в плечи. — Что мне с тобой делать, медуха маскарадная? Куда я тебя дену, такого антилопа, тикароа матарай?!

Капитан выражался по-новозеландски минут пятнадцать не переводя дыхания. Он устал. Утерев пот, капитан спросил:

— Что ты умеешь делать, олух царя мурлындского?

— Лежать! — коротко отрапортовал Кирюха.

— Еще?

— Сидеть, — сказал Кирюха, покопавшись в памяти.

— А стоять умеешь?

— Не пробовал.

— Добро... Сейчас не время пробовать, — решил капитан. — Видишь бочку? — капитан указал пальцем вверх. На верхушке мачты была привязана бочка. — Полезай в нее, усаживайся и смотри вокруг. Увидишь судно, или землю, или плавающий предмет — сразу докладывай громким голосом. Понял?

— Понял, — сказал Кирюха и полез в бочку по веревочному трапу.

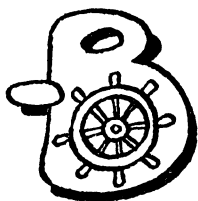
Капитан принес, наконец, из трюма морскую карту. Он проложил курс до нашего поселка, понюхал воздух и посмотрел на цвет утренней зари.

— Будете дома в двадцать часов! — объявил капитан Прунамель.

— Ура! — закричали мы с Лидкой.

А Петька не стал кричать. Он с тоской во взоре оглянулся назад, туда, где осталась Мурлындия...

Тетрадь восемнадцатая

Вижу плавающий предмет! — громко крикнул Кирюха.

— Докладывай, в каком направлении! — сказал капитан, задрал голову и уперев руки в бока.

— Вижу плавающий предмет сзади на длинной веревке! — доложил Кирюха по всем правилам.

Мы кинулись на корму.

Привязанный к румпелю длинным канатом, за «Диогеном» тащился плот, тот самый, на котором прибыли в Мурлындию мудрецы с острова. На плоту, крепко обнявшись, спали Стропила и Кикимор. Капитан Прунамель очень рассердился, увидев такое.

— Эй, на плоту! — рявкнул он.

У меня зазвенело в левом ухе. Летевшая неподалеку чайка камнем упала в воду. Стропила и Кикимор зашевелились, раскрыли глаза.

— Уже утро, — сказал Стропила. — Капитан зовет нас завтракать.

— Крепко сказано: завтракать! — повторил Кикимор, щурясь на восходящее солнце.

Капитан Прунамель впал в ярость:

— Я тебе сейчас покажу точное время суток! Ты у меня увидишь и завтрак, и полдник, и пятичасовой чай! Как ты смел прицепиться, да еще к румпелю?!

— Люблю путешествовать, — сказал Стропила. — Особенно я обожаю морские путешествия в тихую погоду.

— Эмигранты безродные! — взорвался капитан Прунамель. — Будете путешествовать до конца своей никчемной жизни! Эй, матросы, рубите канат!

— Отмени приказание, капитан, а то пойдешь под суд, — спокойно сказал Стропила.

— За что это? — удивился капитан Прунамель.

— За то, что не оказал помощи терпящим бедствие на море!

Капитану пришлось согласиться:

— Твоя правда, пират эдакий... Закон так и гласит. Но я тоже найду на тебя закон! Отдам тебя под суд за то, что прицепился к судну без разрешения капитана, не имея документов на выезд.

— Отдавай, капитан Прунамель, — насмешливо сказал Стропила. — Тебя все поварята на флоте обсмеют: что же это за капитан, который не заметил, что к его корме другое судно прицепилось!

— Опять твоя правда, корсар прибрежный... — согласился капитан. — В суматохе отходили. Я чувствовал, что ход меньше, чем

полагается, да не было времени выяснять причину.

— Ты не оправдывайся, а возьми-ка нас на борт, — сказал Стропила. — Здесь не жарко, да и сыровато. Брызги летят.

— Придется принять вас на борт, — сказал капитан Прунамель. — А плот ваш я разберу на дрова!

— Не в музей же его сдавать! — согласился Стропила и начал вместе с Кикимором подтягивать канат.

Бывшие мудрецы выбрались на палубу и пошли завтракать. А мы так измучились, что отказались от еды. Петька задремал под стенкой рубки. Лидка тоже клевала носом. Меня тянуло прилечь после тяжелой ночи... Я сказал капитану, что на порядочных судах имеются спальные места.

— Вы правы, шеф, — улыбнулся капитан Прунамель.

Он провел нас с Лидкой в каюту — теплую, уютную, освещенную только лучом света, проникающим сквозь маленький иллюминатор. В каюте пахло сосновой смолой. Тихо булькала вода за бортом. Лидка легла на деревянную скамейку. Я рухнул рядом, положив голову на ее руку, и заснул раньше, чем закрылись глаза.

Когда я проснулся, Лидки в каюте не было. Я протер глаза, пригладил волосы и вышел наверх. Солнце уже склонялось к западу. Матросы шумно сражались в карты с бывшими муд-

рецами и щелкали их по носам колодой. Кирюха по-прежнему сидел в бочке и добросовестно смотрел вдаль. У штурвала стоял Петька. Он уверенно правил, а у капитана был такой невозмутимый вид, будто так и надо. «Неужели Петька умеет?» — подумал я. Мне стало немножко завидно.

— Вы проверьте, — сказал я капитану, — может, он не туда правит. На Петьку надеяться нельзя, я уже убедился.

— Возможно, на берегу это и так. Не стану спорить, дорогой шеф. Но в море на Петю можно положиться, — сказал капитан. — Я уже убедился, что Петя правит туда, куда надо. Из него вышел бы прекрасный моряк.

— Съел? — сказал Петька, не отрывая взгляда от компаса.

Я увидел, что нас слушает Лидка, и попытался сострить:

— Я рад, что ты хоть на что-то годишься!

— Уж не как некоторые, которые только глину умеют месить, — довольно удачно отпарировал Петька.

Игроки перестали щелкать друг друга по носам и прислушались к нашему разговору. Я не должен был оплошать.

— Кирпичи я делал как хотел, а тебе то ли дадут постоять за штурвалом, то ли не дадут. Это от тебя не зависит.

Петька не сдавался:

— Если бы в Мурлындии нашелся хоть один специалист строитель, тебе бы даже песок под-

носить не позволили. Твои кирпичи больше похожи на булыжники. А я стою за рулем при капитане, и он меня хвалит, как видишь!

— В тихую погоду за рулем стоять просто, — сказал я. — Это и Ежуня сумеет. Ты бы в шторм попробовал.

Петька глянул на меня снисходительно и сказал:

— Ты знаешь, в чем высшее проявление морского бескультурья? Не знаешь? Так я тебе расскажу: высшее проявление морского бескультурья в том, чтобы отвлекать рулевого посторонними разговорами.

Это у него здорово получилось. Я умолк, потому что крыть мне было нечем. Лидка сказала:

— Мальчишки, перестаньте ехидничать, как не стыдно! Миша, ты лучше посмотри: впереди наш берег! Скоро мы будем дома, чувствуешь? Нет, ты ничего не чувствуешь, — вздохнула она. — Ты просто удивительно толстокожий.

Я спросил у капитана:

— Неужели там впереди наш поселок?

— Думаю, что так, — сказал капитан.

У бортов шуршали волны, солнце клонилось все ниже к горизонту, синеватый берег приближался. Вот на нем появился лес. Потом я различил полосу песчаного пляжа, осводовскую будку с длинной мачтой, домики на берегу, фанерный павильон летнего ресторана... Я узнал свой поселок. Только теперь я всей душой почувствовал, что скоро буду дома. Только теперь

я понял, как соскучился по родному домику с верандой, по школьным приятелям, по бабушке и даже по нашему огороду, каждая грядка которого вскопана моими руками не один раз. Сердце мое колотилось, в горле стоял комок, и на глаза накатывались слезы. Стоило большого усилия сдержать их.

Подошла Лидка и положила руку на мое плечо. Рука вздрагивала. Капитан Прунамель сменил Петьку у штурвала, потому что Петька уже не мог смотреть на компас, вертел штурвал не в ту сторону, от чего «Диоген» стал выписывать кривые по водной поверхности.

— Интересно, где находятся причалы рыбо-ловецкого колхоза? — спросил капитан Прунамель.

Петька показал рукой:

— Вон за той горой, где устье реки.

— Понятно, — сказал капитан и сделал ногтем отметку на своей карте. — Высажу вас на берег и пойду к этим причалам швартоваться.

— А вы не зайдете к нам в гости? — спросила Лидка.

— Как-нибудь в следующий раз, — сказал капитан. — Когда точно определю свое положение. Конечно, насовсем мы не расстанемся!

Он велел матросам приспустить паруса и аккуратно подвел «Диогена» к самому берегу. Наступила пора прощаться. Лидка спросила Митьку-папуаса:

— А ты тоже остаешься?

— Я тоже остаюсь, братцы! — сказал Митька-папуас. — Остаюсь вместе с Ежуней. Мне понравилась матросская работа. Это даже интереснее, чем лепить кирпичи. Буду плавать под флагом капитана Прунамеля. Может, попаду когда на остров, где проживают папуасы. Посмотрю, что за народ.

Митька обнялся со всеми нами и обещал в свободное время заходить в гости. И с бывшими мудрецами мы обнялись, а Кирюха крикнул мне «до свиданья» из бочки: ему было лень спускаться. Мы пригласили его заходить в гости и посоветовали снять эполеты, а то засмеют. Бывший королевский сторож послушался, сорвал золотые эполеты и швырнул их в море. Подумав, он бросил в море и медный шлем.

Напоследок мы обнялись с капитаном. Утерев слезу, Прунамель сказал нам:

— Мы еще обязательно встретимся, клянусь великим Матуи!

Попрощавшись со всеми, а со стариной «Диогеном» особо, я прыгнул на родной берег. Потом принял на руки Лидку и поставил ее рядом с собой.

— Прыгай, чего копаешься! — позвал я Петьку.

— Не буду прыгать, — сказал Петька, отвернув лицо. — Я боюсь.

Я спросил:

— Опять нога разболелась? Тогда обожди минутку, мы тебе трап соорудим.

— Я и по трапу боюсь, — сказал Петька. — Мне в таких штанах нельзя домой появляться. Мамка выпорет.

— Ах, вот чего ты боишься, — понял я наконец. — А когда-нибудь ты домой придешь?

Петька подумал и сказал:

— Когда-нибудь придется... Вернусь домой, когда на штаны себе заработаю и на тапочки. Если мамку встретите, успокойте ее, скажите, что я живой и здоровый. Только не говорите, что я тапочки потерял!.. А я останусь у капитана.

Я хорошо знал характер Петькиной матери. За драные штаны она устроила бы ему капитальную порку, а про тапочки и говорить нечего! Эти тапочки она вспоминала бы ему до конца жизни.

Я сказал Петьке:

— Пожалуй, это единственный выход в твоём положении. Оставайся и зарабатывай на штаны и на тапочки. Если что понадобится, приходи ко мне. Бабушка не выдаст!

— До свиданья, милый капитан Прунамель! — крикнула Лидка. — Желаю вам счастливо ошвартоваться!

— Все в порядке, — улыбнулся капитан. — Старина «Диоген» еще потрудится.

Капитан нежно погладил желтое дерево штурвального колеса и громко скомандовал:

— Грота-шкоты на правую!

«Диоген» двинулся к устью реки. Мы провожали его взглядом, пока тугие паруса не скрылись в сумерках.

А потом мы остались вдвоем, и я почувствовал, что мы стоим на границе двух миров, ушедшие из одного и еще не вступившие в другой. Нигде нас сейчас не ждали, никому мы не были нужны, и поэтому мы сейчас существовали одни на всем свете. Не замечая нас, плескалось у наших ног сонное море. Ветерок пролетал мимо с обидным равнодушием. Гордые сосны встряхивали ветвями и не обращали на нас никакого внимания. Мы никого не интересовали, потому что мы были ничьи. А в небе одна за другой зажигались звезды, они хотели светить кому-то, но только не нам.

Лидка оперлась на мое плечо, и мы молча пошли к поселку.

Ветерок кружился, забегал, он дул то в щеку, то прямо в лицо, то в затылок. Кружились, провожая нас, пустынные темные улицы. Одна, вторая, третья... Мы завернули в переулочек и остановились у Лидкиного дома. Лидка оперлась на забор. Она молчала и смотрела себе под ноги. Я тоже смотрел вниз, катая тапочкой круглый камень.

Лидка сказала:

— Я попросила у волшебника карманный фонарик на батарейках. Хотела подарить тебе, а то ты ходил в лесу без фонарика... Не успела взять. Наверное, он лежит сейчас в пещере... Как ты думаешь, волшебник дал фонарик?

— Конечно, дал, — сказал я. — Что ему стоит?

— Странно будет прийти сейчас домой, — прошептала Лидка. — Странно все увидеть... Говорить с тетей... Я и хочу, и боюсь. Пойдем походим еще.

Мы пошли, избегая света фонарей и сторонясь, когда встречались люди, чтобы они нас не узнали.

— Я привыкла быть с тобой вместе, — сказала Лидка. — А теперь будем встречаться редко, случайно, на улице...

— И в школе, — добавил я.

— Ты остался таким же толстокожим, как и был, — тихо сказала Лидка. — Всегда забыва-

ешь, что касается меня. Даже обидно. Ведь я поступаю в балетную школу!

— Я не забываю. Просто мне хочется учиться с тобой в одной школе. И на что тебе балет?

— Я хочу! — сказала Лидка.

Я понял, что Лидка сильная девочка и она сделает все, что хочет. Человек должен добиваться всего, чего он хочет. Если он умеет добиваться, — значит, ему ничего не страшно. Значит, он настоящий человек.

М-да... А как же быть, если мне очень хочется учиться с Лидкой в одной школе? Если от одной мысли, что мы будем далеко друг от друга, становится холодно на сердце?..

Мы еще погуляли по улицам, вернулись к морю. У самого края воды Лидка остановилась и сказала:

— Думаешь, мне не хочется учиться с тобой в одной школе?

— Хочется — это совсем другое! — вдруг понял я. — Ты права. Непременно иди в балетную.

— Но если тебе станет трудно, ты растеряешься и не будешь знать, как поступить в жизни, — ты позови меня. Я брошу все на свете и прибегу. Помнишь, я обещала? Это неизменно, как положение Полярной звезды на небесной сфере!.. Чудесный человек капитан Прунамель.

— Да, прекрасный человек капитан Прунамель, — сказал я.

— А для чего волшебникам нужны желтые муравьи?

— Волшебникам не нужны желтые муравьи.

— Ну, не будем об этом говорить.

— Не будем.

Под ноги нам подкатывались волны. Они светились и шуршали. Ветер обдувал прохладой мои щеки, а то бы они загорелись пламенем.

— Миша... — шепнула Лидка.

— Бедный Петька. Он влюблен в тебя по уши, — сказал я, не зная, что сказать.

— Не по уши, а до глубины души, — поправила Лидка со своей обычной скромностью. — Петька хороший.

Я спросил, не зная, что спросить:

— А я какой?

Ветер задул сильнее. Волна захлестнула мне ноги.

— Какой ты?.. Ты упрямый, черствый и толстокожий. Ты бесчувственный чурбан, ты эгоист, честолюбец и шляпа...

— Хватит, — сказал я уныло и косо взглянул на Лидку.

Лидка смеялась. Она положила на мои щеки холодные ладони...

Вот и кончилось наше путешествие в Мурлындию, страну мудрецов. Здесь я ставлю точку, потому что писать стихами не умею. Да и не стану учиться — печальный пример доктора Клизмана у меня перед глазами.

Может быть, мой рассказ получился не совсем связным и не очень понятным. Многое я упустил, кое-что было просто неохота записывать. И, конечно, этот рассказ покажется странным тому, кто думает только о вещах, которые видит вокруг себя. Можете мне поверить, что это еще не весь мир. Мир много больше, интереснее и богаче.

Но все равно надо спуститься вниз, брать в сарае лопату и расчищать дорожку. Ужасно сколько снега навалило за ночь.

* * *

Была уже глубокая ночь. За окном дребезжал дождик, а на моем столе лежала стопка тетрадей. Эти тетради открыли мне еще одну удивительную историю человеческих стремлений, забот и любви. И человеческих ошибок, от которых никак не убережешься в жизни, которые исправляются с большим трудом, но непременно исправляются, если человек понял, чего он хочет. Это самое главное — понять, чего ты хочешь. Это самое трудное. Все остальное уже легче.

Мартын успел выспаться, пока я читал. Он поднялся на четыре лапы, потянулся сперва передними, потом задними, громко чихнул и спрыгнул с дивана. Он подошел и стал пристально смотреть мне в глаза, стараясь понять, о чем я все еще думаю и не перепадет ли ему какого-нибудь леденца... Я все еще думал о

прочитанном, и про леденцы в моих глазах никаких намеков не было.

Мартын разочарованно зевнул и принялся гоняться за мухами.

Я закурил, взял остывший чайник и пошел на кухню, чтобы подогреть его. Старушка, моя хозяйка, занималась вареньем. Над большой кастрюлей клокотали сиреневые пенки. Старушка снимала их деревянной ложкой и складывала в миску. Я поставил чайник на плиту, посмотрел на старушку и задал ей прицельный вопрос:

— Для внука варенье?

— Дождешься его, как же... — проворчала старушка. — Который год по свету мотается, неприкаянный.

— А сейчас в каких краях странствует?

— В далеких, — сказала старушка. — В Арктике, что ли... Или наоборот. Для меня все едино — конец обитаемого света.

— А пишет вам?

— Писать он любитель, — сказала старушка. — Часто пишет. Да что с его писем толку? Хоть бы о своем здоровье раз написал, а то все выдумки. Выдумщик он у меня несусветный! То у него рыба по воздуху летает и на корабль падает, то птица под водой плавает, то сочинит, что от кита молоко пил... А то вообще неведь что придумает, чего человеческий разум представить себе не в состоянии. Без родителей рос, оно и понятно... Озорник был, не дай господи. А тебе что не спится, милый человек?

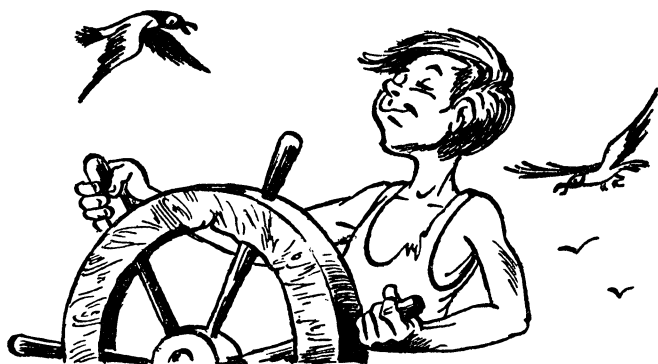
— Тоже выдумки спать не дают, — пошутил я.

— Ложись-ка спи, — велела старушка. — Кончается непогода. Кости мои говорят, что завтра ясный день будет. Вот, возьми варенья к своему чаю.

Она положила мне полную вазочку горячего варенья. Я взял с огня чайник и пошел в свою комнату.

Мартын стоял на столе и совал нос в сахарницу. Для него все в жизни было понятно, просто и несомненно.

А назавтра и в самом деле был ясный день.

серия «БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА»

САМАЯ ПОПУЛЯРНАЯ В РОССИИ СЕРИЯ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА. В НЕЕ ВОШЛО БОЛЕЕ 100 КНИГ. ПРЕКРАСНЫЕ ЦВЕТНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ, КРУПНЫЙ ШРИФТ, ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЧИСТАЯ БУМАГА ДЕЛАЮТ СЕРИЮ БОЛЕЕ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОЙ.

БУЛЫЧЕВ К. «Алиса и дракон»
БУЛЫЧЕВ К. «Алиса на планете загадок»
БУЛЫЧЕВ К. «День рождения Алисы»
БУЛЫЧЕВ К. «Тайна третьей планеты»
БУЛЫЧЕВ К. «Алиса и притворщики»
БУЛЫЧЕВ К. «Алиса и Снегурочка»
БУЛЫЧЕВ К. «Королева пиратов на планете сказок»
БУЛЫЧЕВ К. «Синдбад-мореход»
БУЛЫЧЕВ К. «Сыщик Алиса»
БАРТО А. «Мы с Тамарой...»
БЕРЕСТОВ В. «Витя, Фитилька и ластик»
ГОГОЛЬ Н. «Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»
ГЕРАСКИНА Л. «В стране невыученных уроков»
ГЕРАСКИНА Л. «Девочка и какаду»
ГРИГОРОВИЧ Д. «Гуттаперчевый мальчик»
ГРИММ братья «Бременские музыканты»
ГУБАРЕВ В. «Королевство кривых зеркал»
ДРАГУНСКИЙ В. «Похититель собак»
ДРАГУНСКИЙ В. «Дениска размышлялся»
ЕРШОВ П. «Конек-горбуню»
ИВАНОВ С. «Бюро находок»
ИВАНОВ С. «Бюро находок - 2»
ИВАНОВ С. «Маловато будет»
ИВАНОВ С. «Маловато будет - 2»
КОНСТАНТИНОВСКИЙ М. «Сказки КОАПовского леса»
КОРОСТЫЛЕВ В. «Вовка в Тридевятом царстве»
КОРОСТЫЛЕВ В. «Честное волшебное»

КОРОСТЫЛЕВ В. «Королева Зубная Щетка»
КРЫЛОВ И. «Басни»
МИХАЛКОВ С. «А что у вас?»
МЕДВЕДЕВ В. «Вовка Веснушкин в стране заводных человечков»
ПУШКИН А. «Стихи и сказки»
ПРИШВИН М. «Лесной шатер»
ПРОКОФЬЕВА С. «Приключения желтого чемоданчика»
ПРОКОФЬЕВА С. «Приключения желтого чемоданчика - 2»
ПРОКОФЬЕВА С. «Маленькая принцесса»
ПЛЯЦКОВСКИЙ М. «Приключения Кузнечика Кузи»
ПЛЯЦКОВСКИЙ М. «Я веревочку верчу»
СОТНИК Ю. «Архимед» Вовки Грушина»
СЛАДКОВ Н. «Бежал Ежик по дорожке»
СЛАДКОВ Н. «Сказки леса»
ТОКМАКОВА И. «Аля, Кляксич и буква А»
ТОЛСТОЙ А. «Золотой ключик, или Приключения Буратино»
УСПЕНСКИЙ Э. «Гарантийные человечки»
УСПЕНСКИЙ Э. «Лекции проф. Чайникова»
УСПЕНСКИЙ Э. «Подводные береты»
УСПЕНСКИЙ Э. «Стихи и песенки»
УСПЕНСКИЙ Э. «Вниз по волшебной реке»
УСПЕНСКИЙ Э. «Колобок против Дебиленко»
УСТИНОВ Л. «Неделя рыжего кота»
УСТИНОВ Л. «Золотая собака»
ШВАРЦ Е. «Сказка о потерянном времени»
ЧУКОВСКИЙ К. «Чудо-дерево»

Для того чтобы получить все эти книги, необходимо выслать заявку в адрес редакции. На почтовой карточке укажите названия книг и их количество. Книги будут высланы наложенным платежом. Оплата при получении книг на почте.

Наш адрес: 125015, Москва,
Новодмитровская ул., 5а, офис 1607.
Телефон: (095) 285-8807, 362-8996.

серия «БИБЛИОТЕКА ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

БИАНКИ В. «Рассказы»
БУЛЫЧЕВ К. «Путешествие Алисы»
ВЕЛТИСТОВ Е. «Приключения Электроника»
ВЕЛТИСТОВ Е. «Рэсси — неуловимый друг»
ВЕЛТИСТОВ Е. «Победитель невозможного»
ВЕЛТИСТОВ Е. «Новые прикл. Электроника»
ВОЛКОВ А. «Волшебник Изумрудного города»
ВОЛКОВ А. «Семь подземных королей»
ДЕФО Д. «Робинзон Крузо»
ЖЕЛЕЗНИКОВ В. «Чучело»
ЖИТКОВ Б. «Рассказы для детей»
КИПЛИНГ Р. «Маугли»
КИРНОСОВ А. «Страна мудрецов»
КУН Н. «Легенды и мифы Древней Греции», т.1
КУН Н. «Легенды и мифы Древней Греции», т.2
КЭРРОЛЛ Л. «Алиса в стране чудес»
ЛАГИН Л. «Старик Хоттабыч»
МИЛН А., ЗАХОДЕР Б. «Винни-Пух и все, все, все»
НЕКРАСОВ А. «Приключения капитана Врунгеля»
ПОЛОНСКИЙ Г. «Доживем до понедельника»
РЫБАКОВ А. «Приключения Кроша»
СВИФТ Д. «Путешествия Гулливера»
СТИВЕНСОН Р. «Остров сокровищ»
ТВЕН М. «Приключения Тома Сойера»
ТВЕН М. «Приключения Гекльберри Финна»
ТВЕН М. «Том Сойер — сыщик»
ТОМИН Ю. «Шел по городу волшебник»
УСПЕНСКИЙ Э. «Школа клоунов»
УСПЕНСКИЙ Э. «Грамота для Кощея»
ЧУКОВСКИЙ К. «Доктор Айболит»

Для того чтобы получить все эти книги, необходимо выслать заявку в адрес редакции. На почтовой карточке укажите названия книг и их количество. Книги будут высланы наложенным платежом. Оплата при получении книг на почте.

Наш адрес: 125015, Москва,
Новодмитровская ул., 5а, офис 1607.
Телефон: (095) 285-8807, 362-8996.

журнал «ИСКАТЕЛЬ»

Увлекательное чтение для всей семьи. На страницах популярного ежемесячного журнала все лучшее, что создается сегодня самыми известными и любимыми отечественными и зарубежными писателями в жанре детектива, фантастики и приключений.

Формат издания 84x108/32.

Объем 160 страниц.

Подписаться можно с любого месяца и на любой срок по Объединенному каталогу «Почта России» — обложка зеленого цвета — и по каталогу «Роспечать» — обложка красного цвета.

Подписные индексы — 70424, 40940 и 42785

журнал «КОЛОКОЛЬЧИК»

Журнал рассчитан на детей дошкольного и младшего школьного возраста. Уникальность его в том, что в нем одном можно найти все то, что присутствует в разрозненных аналогичных изданиях. В игровой, раскрепощающей манере, выполняя увлекательные упражнения, дети сами смогут обучаться рисованию, разгадывать загадки и решать головоломки, постигать азы иностранных языков, познавать животный мир и путешествовать в своих фантазиях по любимым сказкам.

На журнал можно подписаться с любого месяца и на любой срок. Индексы: 79035 («Почта России»), 26089 (Роспечать).

Также вы можете заказать эти журналы по адресу:
125015, Москва, ул. Новодмитровская, 5а, офис 1607.
Телефоны: (095) 285-8807, 362-8996 и 361-4768.

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным издательством.

Для среднего школьного возраста

КИРНОСОВ Алексей

СТРАНА МУДРЕЦОВ

Художник А. Шахгелдян

Художественно-технический редактор Н. Ганина

Компьютерная верстка С. Филатов

Корректор Е. Родишевская

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.12.99. Формат 84х108/32.
Усл. печ. л. 13,4. Гарнитура «Школьная». Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 10 000 экз. Заказ № 2756.

Издательство «Бамбук», 129110, Москва, пр-т Мира, 57
(ИР № 065893 от 14.05.98).

Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы им. 50-летия СССР Министерства Российской
Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Телефоны для справок:
(095) 285-8807, 362-8996

К первой тетради

Ко второй тетради

К третьей тетради

К третьей тетради

К пятой тетради

К седьмой тетради

К седьмой тетради

К восьмой тетради

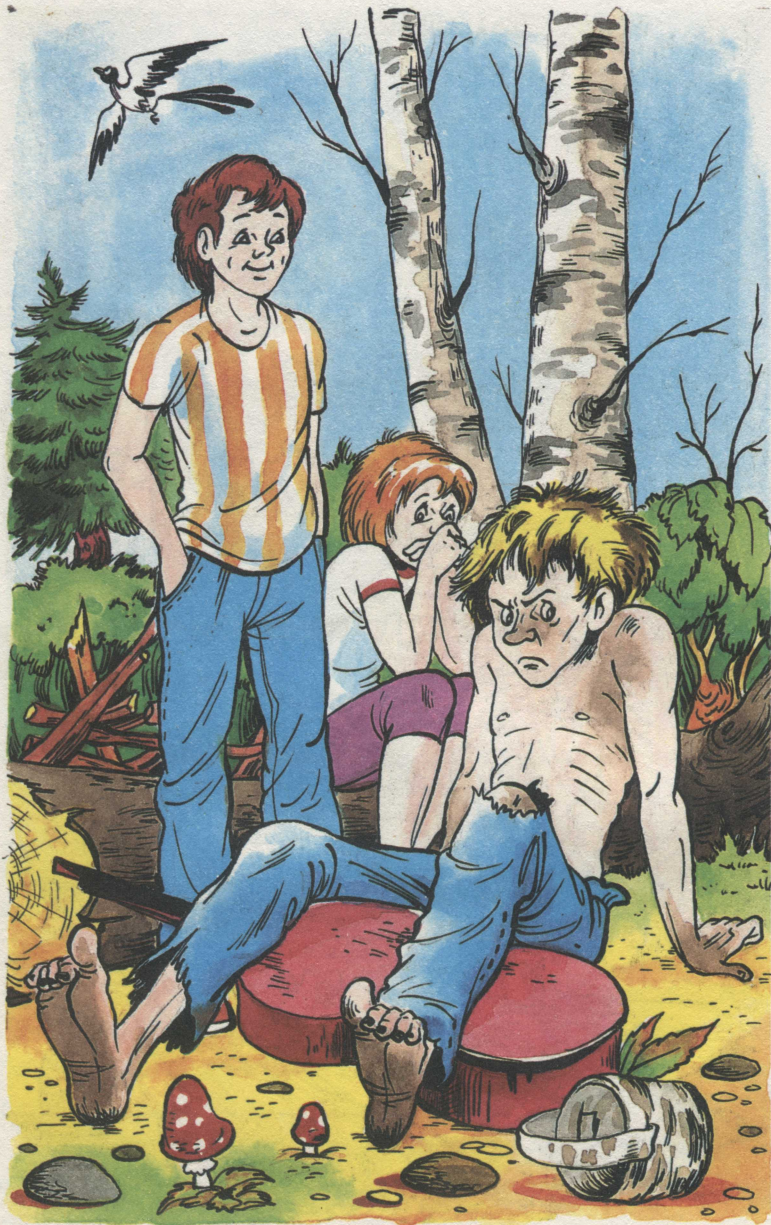
К девятой тетради

К двенадцатой тетради

К четырнадцатой тетради

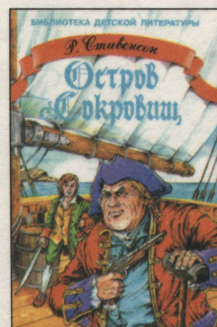
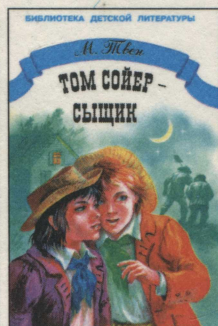
К шестнадцатой тетради

КНИГА-ПОЧТОЙ

Эти книги можно заказать по адресу:
125015, Москва, ул. Новодмитровская, офис 1607.

Для оптовых
покупателей скидки

Тел.: 285-8807
362-8996, 361-4768

А. КИРНОСОВ

СТРАНА МЯДВЕДЬ И ОБО Б